

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

10

10

1985

1985

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

10

1985

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Владимир Малинкович

О ЛОЗУНГАХ И РЕАЛЬНОСТИ

I

Тираническая русификация... представляет воистину национальный грех, тяжелым бременем лежащий на совести России и парализующий ее моральные силы.

Вл. Соловьев, «Русская идея».

Советский Союз, последняя на земле империя, — территориальный наследник бывшей царской России, которая имела одну особенность, отличающую ее от империй «классического» типа, например британской, французской или испанской. Свои колонии Россия приобретала не путем захватов *заморских земель*, а путем непрерывного расширения своих границ (при помощи войн, военного давления и удачных дипломатических игр) — за счет территорий соседних стран.

В какой-то мере становление Российской империи напоминает становление европейских национальных государств в XV-XVII веках. С той существенной разницей, что испанское, французское и английское государства (я имею в виду национальные государства — будущие метрополии огромных империй) создавались путем объединения вокруг единого центра земель родственных, хотя и различных народов (каталонцев, арагонцев, кастильцев, галисийцев и т. д. — на Пиренейском полуострове; англичан, валлийцев, шотландцев и ирландцев — на Британских островах; бретонцев, провансальцев, лангедоков и т. д. — во Франции),

а под властью Петербурга (ныне Москвы) оказались не только славяне, но и народы, имеющие с русскими этнически и культурно очень мало общего. Кроме того, Англия, Франция и Испания сложились как национальные государства с более или менее четкими границами уже в XVI веке, а Российская империя непрерывно расширялась вплоть до конца XIX столетия. К этому времени большинство народов, оказавшихся в составе Российской империи, уже были вполне сложившимися нациями, имевшими опыт своей государственности (причем у многих из них история была намного более богатой, чем история государства Московско-Петербургского). Т. е. никаких объективных оснований для создания *единого* государства протяженностью от Балтийского моря до Тихого океана под властью русского царя не было, и, следовательно, различие в процессах создания единого национального государства во Франции, Англии или Испании, с одной стороны, и государства Российского, с другой, было принципиальным.

И все же с национальными государствами позднего средневековья Россию XIX века сближает одна черта, которой не было у современных ей французской или британской империй. С помощью русификации царское правительство стремилось превратить многонациональную империю в единое *русское* государство, тогда как «классические» империи всячески старались подчеркивать и поддерживать разницу между метрополией и колониями (находящимися на удалении в тысячи морских миль).

Столь необычное отношение России к своим колониям вовсе не является более либеральным и более человечным, как порой представляют его русские националисты. Совсем наоборот: последовательная русификация имела конечной целью (осознанной или неосознанной) ликвидацию национальной самобытности всех народов, населяющих империю. Они должны были раствориться без остатка в единой русской (или российской) нации, как, скажем, провансальцы или бретонцы растворились в нации французской. Поскольку процесс ассимиляции проходит уже в новое время, а не в XV веке, и очень многие нерусские народы Российской империи имеют давние и богатые культурные и общественно-политические национальные традиции, то очевидно, что в

результате русификации под ударом оказываются жизненно важные духовные и социальные ценности очень многих народов.

Со времен Сталина советская национальная политика в основном повторяет национальную политику царского правительства. Но если во времена монархии единственной целью русификации было создание единого русского государства, то в наше время она служит укреплению тоталитарной системы, которая стремится подчинить интересам правящей верхушки не только абсолютно все стороны национальной и общественной жизни народов (в том числе и русского), но и частную жизнь каждого отдельного человека. Поскольку царское правительство никогда не имело таких возможностей воздействия на социальную жизнь народов империи, какими располагает тоталитарный режим, оно за столетия не смогло добиться в своей национальной политике (кстати, очень жестокой и откровенно шовинистической — вспомним, к примеру, царские указы о запрещении украинского языка или «черту оседлости» для евреев) тех успехов, что достигли коммунисты за гораздо более короткое время. Сегодня русский язык все активнее вытесняет родные языки нерусских народов союзных республик из науки, культуры, общественной жизни, экономики и быта, превращая их в социально ненужные, пригодные лишь для поэзии и мемуаров*. Все более актуальным становится вопрос о самом существовании нерусских народов Союза как наций.

Цели своей национальной политики правители советской империи не скрывают. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1983 г. сказано:

«В современных условиях, когда экономика страны превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, возникла новая историческая общность — Советский Народ, возрастает значение русского языка, добровольно принятого советскими людьми в качестве средства межнационального общения. Свободное владение русским языком ... становится объективной необходимостью и потребностью каждого гражданина, служит дальнейшему сближению всех наций и народно-

* Речь идет лишь о поэзии «идеологически выдержанной» — свободное поэтическое творчество подавляется самым жестоким образом.

стей... достижениям научно-технического прогресса, укреплению обороноспособности страны.»

Лишь за 10 лет (с 1970 по 1979 гг.) число украинцев, считающих своим родным языком русский, увеличилось на 25,9% (с 5,8 млн. человек до 7,3 млн.), а белорусов — почти на 40% (с 1,75 млн. до 2,44 млн.). За этот же период на 42,7% увеличилось количество свободно говорящих по-русски украинцев, на 44% — молдаван, на 45% — армян, на 55% — литовцев, на 119% — туркмен, на 121% — азербайджанцев, на 161% — таджиков, на 361% — узбеков*... Всего лишь за 10 лет. И только 3,5% 140-миллионного русского населения знают, помимо родного языка, один из языков народов СССР, хотя за пределами РСФСР проживает 24 миллиона русских.

Но и столь высокие темпы русификации не удовлетворяют руководителей советского государства. В конце 70-х годов было проведено несколько всесоюзных и республиканских конференций, на которых намечались меры по ускорению процесса русификации. В уже упомянутом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1983 года запланировано добиться в течение нескольких лет такого положения, чтобы вся нерусская молодежь в Союзе свободно владела русским языком. Обучение русскому языку в нерусских республиках начинается теперь уже с детского сада. Поскольку свободное владение русским языком предоставляет молодому человеку массу преимуществ, то очевидно, что вскоре значительная часть нерусской молодежи полностью перейдет на этот язык.

Если наряду с ускоренными темпами русификации учесть и все увеличивающийся рост миграции русских в нерусские республики, то легко представить, что через два-три десятилетия большинство населения этих республик будет считать своим родным языком русский (уже в 1979 году более половины населения Казахстана, более одной трети населения Латвии, Белоруссии, Украины назвали русский язык родным), т. е. что эти республики в самое ближайшее время могут потерять свое национальное лицо.

* Последняя цифра все же кажется несколько завышенной. Чиновники в Узбекистане, видимо, переусердствовали в своем стремлении угодить московскому начальству. Впрочем, и это чрезмерное усердие показательно.

Национальная политика Кремля не может не вызвать недовольства нерусского населения империи (в 2000 году нерусские будут составлять в Советском Союзе большинство). Это означает, что национальные движения, которые уже сейчас представляют собой наиболее активную и наиболее массовую часть оппозиции режиму (большинство политзаключенных в СССР — это участники борьбы за национальные права нерусских народов), в ответ на ускорение темпов русификации могут значительно усилиться и стать серьезной общественной силой — силой, с которой власть имущим придется считаться.

Успех этих движений, как мне кажется, будет зависеть в значительной мере от того, какие цели они перед собой поставят, кого выберут в союзники, какую и от кого получат поддержку.

2

Легче всего не признавать существующую в СССР систему, требовать *немедленного* предоставления всем республикам Союза независимости и призывать к свержению «московского ига». Но спекуляция подобными лозунгами, типичная для многих эмигрантских групп и организаций, свидетельствует и о неумении адекватно оценивать историческую ситуацию и о моральной безответственности. «Революционные» призывы эмигрантов, очень слабо связанных с людьми, живущими в республиках СССР, весят меньше, чем провозглашенные в советской конституции права этих республик. Последние, хотя политически никак не обеспечены, но, по крайней мере, юридически облечены в форму закона (а значит у населения есть основания требовать, чтобы государство эти права соблюдало). За решительными призывами к «сиюминутному освобождению» не стоит ровным счетом ничего. Точнее — ничего, что могло бы приблизить реализацию этого требования. Спровоцировать небольшие группы отчаявшихся людей, не знающих как остановить надвигающуюся угрозу гибели наций, на безрассудное сопротивление *любой ценой* такими лозунгами, пожалуй, можно. Но делу защиты национальной культуры, национальных форм жизни максимализм требований лишь повредит. Их неосуществимость неизбежно будет порождать еще большее отчаяние и пессимизм, приведет к отказу от поисков конструктивных решений.

Но что же можно реально сделать? Каким образом можно эффективно сопротивляться все усиливающейся русификации? Трудно, конечно, предлагать конкретные формы сопротивления, тем более, что эти формы не могут быть одинаковыми во всех республиках и не будут неизменными во времени. И все же искать эти формы, я полагаю, нужно в русле правозащитного движения — движения *неполитического*, основанного на воспитании правового сознания человека и на солидарности людей в отстаивании своих прав. Это движение, временно подавленное в СССР репрессиями, вовсе не потерпело, как считают некоторые, идеологического поражения. Победы этого движения в странах Восточного блока уже несомненны, а потенциальные возможности его не исчерпаны.

Главным объектом наступления государства на права наций являются языки нерусских народов. Естественно, что они же в первую очередь должны стать и объектом общественной защиты. Но можно ли говорить об общественной защите, если во многих республиках — в Белоруссии, на значительной части Украины, в Молдавии, Латвии, в Средней Азии — само общество себя как национальную силу еще (или уже) не ощущает.

Мне кажется, что первым проявлением общественной солидарности в сопротивлении русификации должен быть переход значительной части населения нерусских республик (особенно населения городов) на родной язык. Пользование родным языком в быту вряд ли вызовет жестокие репрессии КГБ. Хотя многих людей, перешедших на родной язык (особенно в городах Украины и Белоруссии), вероятно, «возьмут на карандаш», и им придется столкнуться с трудностями при продвижении по службе, основные проблемы в этом случае будут связаны скорее не с репрессиями, а с психологическим дискомфортом.

Русский язык в империи всегда занимал господствующее положение. Свободное владение этим языком дает значительные преимущества (причем не только материальные) и порождает у людей в нерусских республиках ложное, но достаточно сильно выраженное чувство собственного превосходства. Отказаться от этого комплекса не так легко. Люди из средних социальных слоев ориентированы в своих

«культурных» установках на интеллигенцию, которая в крупных индустриальных и культурных центрах национальных республик в значительной мере перешла (или переходит) на русский язык. Именно в силу своего общественного авторитета национальная интеллигенция может, как мне кажется, стать инициатором движения за массовый переход на родной язык в городах нерусских республик. Из кругов интеллигенции родной язык мог бы распространиться в среде учащейся молодежи и постепенно стать основным языком бытового общения в городах и селах нерусских республик. Конечно, общение на родном языке не может ограничиться чисто бытовой сферой — оно приведет к возрождению интереса к национальной культуре, национальной истории...

Переход на родной язык будет связан с большими трудностями еще и потому, что будет искусственным, социально не обусловленным: ведь для успешной социальной карьеры язык этот не только не нужен, но даже вреден. И лишь чувство гражданской ответственности за судьбу нации и личная потребность человека в родной культуре, в традиционных формах жизни своего народа могут побудить его к этому шагу. Для рядового человека еще и ориентация на культурные ценности местной интеллигенции. Одним словом, в существующих условиях даже, казалось бы, такая простая вещь как возвращение к родному языку в быту — дело исключительно сложное. И тем не менее, мне кажется, абсолютно необходимое — как демонстрация готовности населения той или иной республики защищать свои национальные права. Без такой готовности власти, наверняка, с помощью русификации добьются намеченной цели — создадут «единый советский народ».

Как только распространение родного языка выйдет за пределы сферы быта и затронет области культуры, науки и промышленности, в процесс, по всей вероятности, вмешается государство. На инакомыслящих (пользование нерусским языком вне сферы личного общения, вероятно, будет расценено как инакомыслие) сначала обрушится идеологическое давление. Однако официальные идеологи окажутся в очень неудобном положении из-за двойственности критериев в советской национальной политике: с одной стороны —

«свободное развитие социалистических наций», «дружба народов», «интернационализм», с другой — заинтересованность тоталитарной империи в жесткой централизации и ликвидации всякой обособленности. Очевидно, что важнее последнее, но и об идеологическом мифе не следует забывать. В какой-то момент власти, возможно, попробуют найти компромиссное решение — расширить сферу использования нерусских языков в тех областях культуры, где это можно сделать без ущерба для господствующих догм (например, пойдут на увеличение публикаций на родном языке произведений откровенно прорежимных писателей и поэтов). Но такого рода компромисс не сможет удовлетворить ни общество, ни правителей. Раньше или позже власти прибегнут к испытанному методу — к репрессиям против наиболее авторитетных и активных участников движения.

Защита общества от репрессий с помощью хорошо налаженной системы распространения информации о нарушениях прав граждан и привлечения общественного внимания к конкретным людям и конкретным национальным проблемам, порожденным насильственной русификацией, должна стать основной задачей правозащитного движения в республиках.

Удастся ли наладить такую систему? Сможет ли она эффективно действовать в условиях тотального полицейского контроля? Определенно ответить на эти вопросы очень трудно. Убежден я лишь в том, что ответ вовсе не обязательно должен быть отрицательным.

В 1972 году КГБ в течение нескольких дней массовыми репрессиями удалось подавить довольно широкое общественное движение в защиту национальной культуры на Украине. Многие, в том числе и некоторые участники этого движения, сделали вывод, что подобного рода легальная деятельность не имеет шансов на успех. Хотелось бы возразить скептикам:

Движение «шестидесятников» на Украине было хотя и распространенным, но все же не массовым явлением — угроза приближающейся гибели украинского народа как нации двадцать лет назад еще не ощущалась многими так остро как сегодня (русификация резко усилилась как раз после 72-го года).

Движение началось в период хрущевской оттепели, когда еще сохранялись надежды на постепенную демократизацию страны, — т. е. оно практически не готовилось к самообороне.

Движение было подавлено в «дохельсинкский» период, до того, когда правозащитное движение в СССР стало явлением международного масштаба.

И наконец, движение за возрождение украинской культуры в 72-м году было подавлено, но не уничтожено — уже через 4 года в Киеве была создана Украинская хельсинкская группа, осудившая насильственную русификацию как нарушение национальных прав украинского народа.

Основное направление движения «шестидесятников» — направление, которое не было четко сформулировано, но проявилось в практической деятельности его участников, — мне кажется правильным. И в иной ситуации движение могло бы быть более успешным. В Грузии, например, движение в защиту родного языка стало серьезной общественной силой, с которой пришлось считаться местным и центральным властям. В 1978 году движению удалось конституционно закрепить права грузинского языка. И сейчас, несмотря на репрессии (которые, кстати, благодаря усиленному вниманию мировой общественности к проблеме прав человека в СССР, не стали массовыми), грузинское общество продолжает сопротивление русификации. В Эстонии общество защищает родной язык еще более активно. В этой республике — единственной из четырнадцати нерусских республик Союза, в 70-е годы количество людей, свободно владеющих русским или считающих этот язык родным, не только не увеличилось, но даже уменьшилось. Т. е. в этот период политика русификации в Эстонии потерпела поражение. В 80-е годы активность национального движения в этой республике еще более усилилась.

Я вовсе не берусь утверждать, что сопротивление общественных сил политике русификации, проводимой мощным тоталитарным государством, *обязательно* завершится успехом. Но русификация в национальных республиках зашла настолько далеко и проводится столь интенсивно, что, если она не встретит серьезного общественного сопротивления, судьба нерусских народов СССР будет решена в самое ближайшее время. Надежда на успех такого

сопротивления есть, и она зависит прежде всего от того, будет ли движение против русификации действительно общественным.

Объединение людей в общественное движение возможно лишь на основе дела, которое затрагивает интересы очень многих. Внутренний конфликт, вызванный необходимостью отказаться от родного языка ради собственного социального самовыражения и будущего своих детей, знаком большей части населения нерусских республик — людям из самых разных общественных слоев. И дело защиты социальной функции родного языка никому из них не чуждо. Вопрос лишь в том, на какую меру риска способны пойти эти люди. Переход на родной язык в повседневной жизни мог бы определить степень готовности народа защищать свою национальную самобытность, показать, насколько оправданы надежды на то, что движение против русификации станет общественным. Очевидно, что в разных республиках эта готовность будет различной. Эстония, Литва и Грузия уже доказали, что в этих республиках *общественное* движение за права нации есть.

Конечно, защита национальных прав не может ограничиваться лишь защитой социальной функции нерусских языков. Необходимо также добиваться прекращения других форм русификации республик — например, бороться за контроль миграции русских в нерусские республики (в Эстонии, где местное население не желает переходить на русский язык, это основной метод русификации республики). Необходимо привлекать внимание общественности — как внутри страны, так и за рубежом — и к другим национальным проблемам:

постоянно напоминать о закреплённом в конституции принципе суверенности республик;

демонстрировать, что современная национальная политика советского государства находится в прямом противоречии с ленинской линией в национальном вопросе, которая нашла свое отражение в решениях X и XII съездов компартии, и с практикой решения этого вопроса в 20-е годы;

требовать участия национальных республик как самостоятельных государств в международных отношениях (напоминая, что УССР и БССР, имея тот же статус, что и другие республики, являются полноправными членами ООН);

добиваться обмена посольствами и консульствами между национальными республиками Союза и иностранными государствами, аккредитации корреспондентов западных стран в столицах союзных республик;

добиваться большей экономической самостоятельности республик (в условиях кризиса нынешней жестко централизованной системы управления советским хозяйством это требование может встретить поддержку экономистов — сторонников децентрализации);

настаивать на внутриреспубликанском распределении молодых специалистов и, соответственно, на том, чтобы преподавание в вузах и техникумах нерусских республик велось на родном языке населения; это в свою очередь приведет к тому, что граждане республик будут заинтересованы отдавать своих детей в национальные детсады и школы;

противодействовать любым проявлениям русского великодержавного шовинизма (как официального, так и неофициального) и т. д. и т. д.

Одним словом, делать все для того, чтобы СССР действительно стал союзом равноправных республик с гарантированным правом на выход из него, а не империей с русским центром и нерусскими колониями, которые власти стремятся русифицировать.

И конечно же, первоочередной задачей правозащитного движения (национального, как и всякого другого) должно оставаться распространение информации о всех случаях нарушения прав человека, о преследованиях за убеждения.

Выступая с конкретными требованиями в национальном вопросе, правозащитники, как мне кажется, могут рассчитывать на успех. Государство в своей конфронтации с правозащитниками окажется в невыгодном положении, т. к. ему придется защищать внутренне противоречивую позицию, противопоставляя собственный миф своей же собственной реальной политике и действуя вопреки своим международным обязательствам. Безусловно, государство может прибегнуть к грубому насилию, и оно, очевидно, пойдет на это, но, если движению будут обеспечены общественная поддержка внутри республик и пристальное внимание заграницы (привлечь внимание Запада к национальным проблемам СССР очень трудно, но тем не менее очень важно), власть

имущие могут быть вынуждены при определенных обстоятельствах предпочесть репрессиям компромисс. Такой компромисс может стать победой, т. к. помимо удовлетворения части требований он будет способствовать развитию правосознания граждан и укреплению веры общества в свои возможности.

3

Для свободы надо освободить себя от безответственности.

В. Чалидзе, «Правозащитное движение: проблемы и будущее».

Нынешний кризис правозащитного движения, вызванный усилением репрессий в последние 3-4 года, способствовал росту радикальных настроений в кругах оппозиции советскому режиму — русской и национальной. Даже представители демократического крыла не исключают (сожалея об этом) политических, более того — революционных, форм сопротивления тоталитаризму. Активно обсуждаются вопросы о необходимости подполья, о военном заговоре, о подготовке массовых *политических* выступлений против режима.

Приходится слышать и о том, что правозащитное движение, якобы находящееся под контролем московских диссидентов, оказывает национально-освободительному движению нерусских народов медвежью услугу, увлекая патриотов на ложную дорогу, сбивая с правильного пути — пути прямой революционной борьбы за независимость.

В работе «Диссидентство — некоторые замечания по поводу общественного явления» (Самиздат*), опубликованной в украинском эмигрантском журнале «Визвольний шлях», автор, выступающий под псевдонимом Степан Говерля, пишет, например:

«Вступая в борьбу, украинская молодежь даже с самых первых шагов не имеет права жить в атмосфере политических иллюзий, а должна помнить, что односторонность демократических требований, желание сохранить имперский «статус кво» — это исторически наследуемая специфика русских обществен-

* Есть основания сомневаться, что работа написана на Украине, но поскольку отрывки из нее многократно передавались радиостанцией «Свобода», она действительно может получить хождение в Самиздате.

ных движений и что эта „специфика“ является непреодолимым барьером несовместимости двух чужеродных организмов...

Проблема прав человека лежит в основе диссидентского движения. Она стала его стратегическим заданием, едва ли не конечной целью русских. Для остальных народов империи она — одно из ответвлений „дерева целей“... Для нас же самоопределение, суверенитет, государственность — прежде всего!..

Что касается поддержки и помощи Украине, то ее никогда не было... Поэтому будем рассчитывать только на самих себя... Эту заповедь должны помнить те, кому адресованы эти строки — поколение украинской молодежи, что включается ныне и будет включаться в наш подвижнический труд в будущем».

Статья Говерли сама по себе не заслуживала бы внимания, но она отражает взгляды на правозащитное движение в СССР очень многих националистов (причем не только украинских).

Для них типичны: радикализм требований, путь к реализации которых совершенно не ясен, абсолютное непонимание целей и методов правозащитного движения, а также недоверие к русским демократам, сомнение в том, что среди них могут быть люди, считающие империю злом. Как и Говерля, эти ультранационалисты считают, что правозащитное движение ставит перед собой «лишь локальные задачи, решает мелкомасштабные проблемы, утопает в ... противоречиях и из-за террора и собственных противоречий не способно поставить и решить фундаментального вопроса — вопроса об организации и власти», что русскими правозащитниками «не признано право угнетенных народов на самоопределение, государственность, суверенитет», что они, «поставив себе целью защиту прав человека,.. с презрением, если не враждебно, воспринимают право народов на самоопределение и государственность», что «русский „демократ“ очень часто меняет шкуру и с воплем „Они осмеливаются требовать расчленения (!?) нашего государства!“ превращается в лютого ненавистника демократии и оказывается в лагере белого зоологического шовинизма».

К сожалению, история общественных движений в Российской империи действительно знает не очень много примеров активной поддержки русскими либералами или революционерами национально-освободительных движений нерусских народов. Но это не означает, что их совсем не было, и кроме

того не может служить основанием для утверждения, что на такую поддержку не следует рассчитывать и впредь*. Нельзя опыт XIX века — периода роста империй — переносить в конец XX столетия, когда большинство империй уже рухнуло, а последняя, советско-российская, находится на пороге кризиса**.

И совершенно нелепо упрекать в нежелании признавать право наций на «самоопределение, государственность, суверенитет» русских правозащитников и приписывать им взгляды находящихся в оппозиции к режиму русских националистов. Можно было бы пожелать, чтобы участники правозащитного движения уделили в будущем больше внимания не только защите людей, репрессированных за защиту их национальных прав, но и самим этим правам, однако утверждать, что они никогда не высказывались в пользу самоопределения народов, — это значит говорить откровенную неправду.

«Все народы имеют право решать свою судьбу свободным волеизъявлением...

Право на отделение союзных республик правозаглашено Конституцией СССР. Имеется, однако, неясность в отношении гарантий права и процедуры, обеспечивающей подготовку, необходимое обсуждение и фактическую реализацию права. По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы

* Часто в качестве демонстрации того, что русским оппозиционерам нельзя верить, приводят пример Ленина, который якобы, добываясь власти, обещал нерусским народам независимость, а став руководителем империи своих обещаний не выполнил. Пример, по моему, неудачный. Под впечатлением развития национально-освободительных движений накануне I мировой войны и особенно после революции 1917 года Ленин изменил свое отношение к национальным проблемам как раз в сторону более благоприятную для националистов: от практически полного игнорирования национального вопроса в первое десятилетие XX века он перешел к признанию необходимости строить советское государство на федеративных началах. Советско-российскую империю в том виде, в каком она существует и поныне, создал Сталин.

**Хотелось бы напомнить, что в прошлом веке не только русские, но и многие представители национальных сил нерусских народов, в том числе и видные общественные деятели Украины (например, Драгоманов), не верили в возможность независимости от России и добивались лишь автономии.

важное внутреннее и международное значение...» — писал академик А. Д. Сахаров.¹

Уже через три дня после образования Украинской группы «Хельсинки», 12 ноября 1976 года, Московская хельсинкская группа заявила о солидарности с ней и готовности помочь в распространении информации, сожалея о том, что «Украина — формально полноправный член ООН... не была приглашена на совещание в Хельсинки», что «в ее столице не представлены корреспонденты западной прессы; фактически нет и дипломатических представителей...»

Зарубежный представитель Московской хельсинкской группы Людмила Алексеева писала:

«Московская хельсинкская группа недвусмысленно высказывается за строгое соблюдение национального равноправия и права всех народов распоряжаться своей судьбой.

Эта проблема первостепенной важности для Советского Союза, который является многонациональным государством. Она отражена в документах группы NN 1, 10, 18, 19, 24, 43, 82 и 112.»²

В статье «В чем проявляется русификация Украины?», опубликованной в 1982 году в журнале «Сучасність» №3, Алексеева откровенно выразила свое отношение — отношение русского правозащитника — к одной из самых острых национальных проблем:

«Последовательная политика русификации ведется на Украине, начиная с тридцатых годов, т.е. уже полстолетия. Основное проявление русификации — это вытеснение украинского языка русским во всех сферах общественной жизни...

Я называю этот процесс русификацией, а не советизацией, как это делают некоторые русские, потому что, как бы ни был неприятен нам этот факт, русский язык является средством уничтожения богатой и своеобразной украинской культуры... На мой взгляд, русским недостаточно просто не принимать участия в этом позорном процессе. Мы должны вместе с украинцами активно вмешаться в него, спасая от нашего правящего класса их культуру, их национальную честь, ясно и безоговорочно поддерживая их безусловное право на независимость».

1. А. Сахаров, О стране и мире, Из-ство «Хроника», Нью-Йорк, 1976, сс. 132, 148-149.

2. Л. Алексеева, О документах Московской хельсинкской группы, в сб. «Хельсинкское движение», Chalidze publication, 1980, с. 105.

Таким образом русские правозащитники, в отличие от русских националистов, не только признают право наций на самоопределение, но и активно поддерживают конкретные требования оппозиции из нерусских республик.

Я привел здесь обширные цитаты из выступлений московских правозащитников не для того, чтобы опровергнуть одного Степана Говерлю, а чтобы показать несостоятельность разговоров о том, что национальные движения должны рассчитывать лишь на самих себя. К сожалению, эмоциональное раздражение националистов из нерусских республик против многовековой русификации иногда выливается в совершенно недвусмысленную русофобию. Тот же С.Говерля, например, пишет, что национальный характер русских породил тоталитаризм, что русские неспособны бороться за демократию, что неполноценностью русских объясняются их «боязнь потерять статус сверхдержавы» и неумение создать нормально функционирующее одностороннее государство. В материалах эстонского и грузинского самиздата, увы, также встречаются оскорбления в адрес русских. Именно эти крайние формы национализма, по всей вероятности, имел в виду А.Д.Сахаров, когда сказал, что «националистическая идеология опасна и разрушительна».

4

Не случайно право народов на самоопределение признано во всем цивилизованном мире. Точно так же, как для каждого человека естественно стремление к свободному самовыражению, естественно и желание каждого народа развиваться самостоятельно. Большинство европейских народов получили такую возможность много веков назад. Но у народов бывшей царской России, за редким исключением, такой возможности не было — их попытки создать независимые государства после революции 1917 года были пресечены большевиками. Натиск национально-освободительных движений нерусских народов заставил Ленина согласиться на построение советского государства на федеративных началах. Но уже при Сталине Советский Союз превратился в советско-русскую тоталитарную империю. И следовательно, требования независимости, в прошлом типичные для многих народов Европы, для нерусских народов СССР остаются актуальными и сегодня. Более того, по мере

усиления русификации, а значит и угрозы гибели наций, их актуальность возрастает.

Но многое изменилось со временем. В прошлом народы добивались независимости в ходе национально-освободительных революций и войн. Конкретно требования национальных движений сводились к лозунгам, которые должны были поднять народы на борьбу (преимущественно — вооруженную) против противников независимости. Интересы нации выдвигались на первое место, а социальные и личные интересы отдельных людей должны были быть подчинены общенациональному делу — борьбе за «священную цель», за суверенитет и государственность. Так было. Опыт двадцатого века — опыт кровавых революций и двух мировых войн — убедил очень многих людей в том, что нет ничего порочнее лозунга «Цель оправдывает средства». Стало очевидным, что война — особенно война в Европе, где она легко может превратиться в разрушительную для всей цивилизации мировую, — не может больше служить средством решения межгосударственных и межнациональных проблем. Память о миллионах погибших в двух мировых войнах и в концлагерях тоталитарных государств укрепила людей в убеждении, что человеческая жизнь не должна быть разменной монетой в борьбе за какие-либо коллективные (классовые или национальные) интересы. Против господствовавшего веками принципа подчинения личности обществу восстал другой принцип — принцип уважения к человеку и его правам.

Нельзя забывать и о том, что расчеты на достижение независимости с помощью вооруженной борьбы, всенародных восстаний и т. п. сегодня безосновательны еще и потому, что советская империя располагает военной силой и карательным аппаратом во много раз более мощными, чем империя российская. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Чтобы не выглядеть столь же наивно, как тот старик — украинский эмигрант, что после двухчасового выступления генерала П. Григоренко обратился к нему со словами недоумения: «Что это Вы, Петро Григорьевич, говорите всё не о том? Мы ждем, когда же Вы, украинский генерал, скомандуете: „Казаки! По коням!“»

Времена изменились, а требования народов, не по своей

вине не сумевших реализовать право на суверенность, остались все те же. Не видя реальных путей выхода из сложившейся ситуации радикальное крыло националистов предлагает вести борьбу за независимость всеми доступными и недоступными средствами, любой ценой.

Было время, когда «любой ценой» означало для некоторых из них возможность искать поддержки в борьбе за национальные цели у гитлеровской Германии.* До сих пор для некоторых «любой ценой» означает неравный подход к своим национальным интересам и интересам других народов, отступление от принципа «Свобода одного не может быть основана на несвободе другого», допустимость воспитания ненависти одного народа к другому. Отсюда — русофобия (примеры русофобских высказываний Степана Говерля я уже приводил), антисемитизм (из статьи Валентина Мороза: «Антисемитизм? Ну и что? Каждый кот — это в принципе антисобака; каждая собака — это в принципе антикот. Каждый не-Украинец — до некоторой степени антиукраинец. И каждый не-Семит несет, наверное, в себе что-то антисемитское. Но зачем делать из этого мировую проблему?..Мы не хотим, чтобы тема антисемитизма была вечной морокой для мира»³), прочие фобии (в ряде документов грузинского Самиздата, например, с презрением и ненавистью говорится о требованиях автономии абхазов, осетин, азербайджанцев и других национальных меньшинств Грузинской ССР; настаивая на соблюдении прав грузинского народа, некоторые грузинские националисты считают для себя возможным доносить властям на участников абхазского национального движения⁴). Да только ли это...

Ошибки, которые нужно признать. Иначе не придется рассчитывать ни на солидарные действия оппозиции из

* Некоторые и сегодня полагают, что союз западных демократий с СССР в борьбе с фашизмом был ошибкой. С. Говерля так прямо и пишет (а украинская редакция радио «Свобода» передает на Советский Союз): «Стратегическая ошибка Запада — его союз с Москвой во время II мировой войны».

3. Валентин Мороз, Українсько-жидівські стосунки — спроби аналізу, «Український Голос/Канадійський Фармер», 1984, N 21, с. 3.

4. См. Межнациональные конфликты в Закавказье, «Форум» N 9, 1984, сс. 134-154.

различных республик СССР (в том числе и русских демократов) в защиту национальных прав народов, ни на поддержку демократической общественности свободного мира.

Стремление добиваться независимости, не считаясь ни с чем, опасно не только потому, что может толкнуть на действия, не имеющие морального оправдания, — оно не соответствует духу нашего времени. А отставать от времени нельзя. Оторвавшись от реальности, приходится выдумывать ее суррогат — фантастический мир из «десятков миллионов диссидентов», грандиозных демонстраций протеста, которых нет, — и рассчитывать на ненависть народа против русских и его готовность в любой момент броситься в битву за «суверенитет и государственность».

5

Нация существует лишь в человеке.

Н. Бердяев, «О рабстве и свободе человека».

Тема сегодняшнего дня — свобода человека. Попыткам установить более человеческие отношения в мире политическими средствами положила предел бессмысленная Первая мировая война. Продолжение политической борьбы в Европе вело к фашизму, коммунизму, десяткам миллионов жертв Второй мировой войны. Сегодня европейская политика очень осторожна и умеренна (постоянно приходится учитывать интересы конкретных людей — избирателей в демократических странах). Политика радикальными средствами характерна для Азии, Африки, Латинской Америки (да и то не везде и не всегда).

Но, кажется, не замечают течения времени те, кто считает, что защита прав человека в странах Восточного блока — всего лишь вынужденный тактический ход оппозиции, что ей давно уже пора «созреть» до политики. Здесь все наизусть: это *политическая* оппозиция устарела и вряд ли она имеет шансы на успех. Печально, но наши «радикалы» упорно не хотят видеть главного: борьба за права человека — это не просто требование соблюдать те или иные юридические нормы, это прежде всего защита человеческой личности от произвола

государства (любого!), борьба за такие отношения между человеком и государством, при которых каждая конкретная личность и все общество в целом были бы равноправными партнерами.

Никогда еще, на мой взгляд, общественная идеология в такой мере не соответствовала учению христианства (в основе которого Богоподобие *каждого* человека), как соответствует ему идеология защиты прав человека, в том числе и его национальных прав. В мире кесаря — защита человека от произвола кесаря.

Для Христа нет эллина и иудея в том смысле, что нет для него Богоизбранной нации, но в то же время человек — по воле Божьей — рождается эллином или иудеем (или русским, или грузином, или украинцем...). Он начинает воспринимать Мир на родной земле, с помощью слова, сказанного на языке матери.

Говорить на родном языке, жить в непрерывно развивающихся традициях своего народа — значит сохранять неповторимость национальной истории этого народа, без которой невозможно завершение общечеловеческой истории — пути, каким люди идут к Идеальному Человеку. Именно в национальной жизни человек ощущает связь поколений, путь из прошлого, через настоящее, в будущее.

Не знаю, будет ли когда-нибудь на Западе наднациональное человечество, но сегодня даже в наднациональной Америке социальный и культурный прогресс возможен лишь потому, что за спиной каждого из американцев — история народа, к которому принадлежал его дед или прадед.

Полноценное развитие человеческой личности, каждого конкретного человека, происходит в истории — в истории наций. И потому невозможна личная свобода человека без обеспечения его национальных прав.

Принцип уважения прав человека сегодня признан во всем цивилизованном мире, закреплен во многих международных документах. И хотя большинство международных проблем по-прежнему решается политическими средствами, т. е. при помощи дипломатического, экономического, а то и

военного давления и преимущественно в интересах государства, социальных групп и классов, совершенно игнорировать при этом интересы отдельных людей, их гражданские права уже нельзя. Солидарность людей, отстаивающих свои права, стала силой, с которой вынуждены считаться правительства.

Добились успеха борцы за гражданские права негров в США. Мощное пацифистское движение в Европе и Америке (как бы к нему ни относиться) — это тоже прежде всего правозащитное движение, поскольку оно стремится заставить правительства уважать право человека на жизнь. Преимущественно правозащитными по своему характеру являются движение «Солидарности» в Польше и возникшие после убийства отца Попелушко во многих польских городах комитеты защиты общества от насилия. Правозащитное движение в СССР в 70-е годы привлекло к проблемам прав человека внимание всего мира. Именно тогда президент США Картер заявил, что тема защиты прав человека будет определять направление американской политики.

Наряду с другими правами человека признаны международным сообществом и его национальные права. В статье I Международного пакта о гражданских и политических правах сказано, что все участвующие в Пакте государства обязаны «поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право». А статья 20-я этого Пакта требует запрещения пропаганды войны и *дискриминации по национальному признаку*. Запрещения национальной дискриминации в области образования и труда требуют и другие международноправовые документы.

Все это так, но следует признать, что на практике мировое общественное мнение почти равнодушно к национальным проблемам Советского Союза. Для большинства людей: СССР — официальное название *России*. И только. Украина, Грузия, Армения, Узбекистан — всего лишь провинции Великой России. О том, что даже с точки зрения Ленина Россия должна входить в Советский Союз лишь как одна из республик, *не имеющая никаких особых прав*, не знают, по-видимому, даже многие из руководителей западных государств. Во всяком случае, не принимают это во внимание. Тот же Картер, который не раз заявлял о готовности служить делу защиты прав человека, в ответ на советское

вторжение в Афганистан решил наказать советское правительство тем, что ликвидировал американское консульство в Киеве. Его политике в этом плане следует и нынешний президент Рейган, прекративший переговоры о возобновлении работы американской консульской группы в столице Украины после очередной пиратской выходки Советского Союза. Поскольку пиратские действия советских будут продолжаться и впредь, украинскому народу, по всей вероятности, так и не дождаться открытия американского консульства в Киеве. Очень мало волнует западных государственных деятелей тот факт, что Советский Союз нарушает суверенные права не только Афганистана, но и входящих в состав СССР национальных республик. Что Украина и Белоруссия, будучи государствами-членами ООН, фактически лишены внешних сношений со свободным миром, а остальные нерусские республики лишены их не только фактически, но и формально. В нарушение статьи 20-й Пакта о гражданских и политических правах, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, в нарушение... Одним словом, в нарушение международного права.

Мало кто на Западе обращает внимание и на то, что принудительная русификация национальных республик Союза, в результате которой половина населения СССР лишена возможности получить полноценное образование на родном языке и не может найти у себя на родине квалифицированную работу, не переходя на чужой (русский) язык, — это вопиющий пример национальной дискриминации, которую так часто запрещали на бумаге.

Все это в какой-то мере объясняется тем, что информация о национальных проблемах СССР просачивается на Запад с большим трудом и эмиграция из республик Советского Союза делает очень мало для того, чтобы заинтересовать ею мировое общественное мнение. Вот здесь-то и нужны «решительные» усилия патриотов-эмигрантов — действительно колоссальные усилия, ибо заинтересовать западные mass media проблемами, которые граждан демократических стран прямо не касаются (сегодня), очень и очень трудно. Привлекая внимание мира к национальным правам народов СССР, эмиграция реально могла бы помочь национальному и правозащитному движению у себя на родине.

НЕРУССКИЕ ЯЗЫКИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ — ТОЛЬКО ДЛЯ ПОЭЗИИ И МЕМУАРОВ?

Нынешний пленум Союза писателей СССР, посвященный 50-й годовщине основания этого союза, дал Павлу Загребельному, руководителю Союза писателей Украины, еще один повод публично заявить о преимуществах русского языка. В своей речи, выдержанной в жестких тонах, Загребельный, противопоставляя «социалистическую» и «капиталистическую» цивилизации, отрицал что в СССР «национальные языки уродливо деформируются под ударами истории и научно-технической революции, что они пригодны только для поэзии и воспоминаний»¹. Это утверждение Запада, по словам Загребельного, ежедневно опровергается «неоспоримыми фактами грандиозных побед ленинской национальной политики». Одним из таких фактов, — считает Загребельный, — является «бурный рост романа во всех без исключения» нерусских литературах в СССР. По его мнению, это «свидетельство расцвета нашего слова, наших языков».

Если число романов (или произведений любого другого жанра), публикуемых на языке каждой национальной республики, считать единственным критерием, по которому можно судить о жизненности данного языка, то Загребельный определенно прав в своей оценке советской национальной политики. На Украине, к примеру, в 1980-ом году было опубликовано 640 литературных произведений на украинском языке, в то время как на русском вышло в свет лишь 200 названий.² Ясно, однако, что публикация романов, рассказов,

1. «Литературная газета» 16. 9. 1984 г.

2. Преса Української РСР 1918-1980: Статистичний довідник. Харків, 1981, с. 96. Интересно отметить, что количество художест-

поэзии и т.п. не дает нам полной картины издательской политики в республике. Если же мы обратимся к языку, на котором публиковались *научные работы* на Украине за последнее десятилетие, то обнаружим что: (1) подавляющее число работ вышло в свет на русском языке, (2) число названий на украинском постоянно снижалось и (3), соответственно, постоянно росло число научных публикаций на русском. Так, в 1980-ом году на Украине было опубликовано 298 названий научных работ по-украински и 1906 названий на русском языке (см. таблицу 1).

Таблица 1

Увеличение несоответствия между числом научных работ, опубликованных на Украине на украинском и русском языках (1970-1980 гг).

год	Число названий	
	украинский	русский
1970	472	947
1971	435	928
1972	494	1098
1973	386	1002
1974	390	1290
1975	454	1829
1976	405	1963
1977	353	1848
1978	369	1824
1979	337	1937
1980	298	1906

Главенствующая роль русского языка особенно видна на примере чисто технических публикаций работ в области естественных наук (см. таблицу 2). Даже в том случае, когда дело касается книг и брошюр на общественно-политические темы, которые составляют львинную долю публикуемой пропагандистской литературы, количество названий, вышед-

.....
 венных произведений, публикуемых на Украине на русском языке, неизменно возрастало, начиная с 1970 года, когда было опубликовано 92 названия.

3. Там же, сс. 82-83.

ших на русском, более чем удвоилось в период между 1970 и 1980 годами — с 503-х возросло до 1106-ти; в то же время, число названий на украинском языке сократилось почти наполовину — с 781 в 1970 г. уменьшилось до 389 в 1980 г.⁴ В 1980 году на русском, по сравнению с украинским, было больше опубликовано книг и брошюр по следующим разделам: физкультура и спорт, культура и образование, лингвистика, печать, библиотковедение и библиография.

Таблица 2

Увеличение несоответствия между числом научных работ, опубликованных на Украине на украинском и русском языках в 1970 и 1980 гг. по отдельным разделам⁵

	<i>Число названий</i>			
	<i>украинский</i>		<i>русский</i>	
	<i>1970</i>	<i>1980</i>	<i>1970</i>	<i>1980</i>
Естественные науки и математика	228	74	427	983
Техника, промышленность, транспорт, связь				
Общественные науки	227	83	2514	2760
Сельское хозяйство	367	217	255	459
Здравоохранение и медицина	69	49	313	344

Данные о том, на каком языке публикуются учебники для системы высшего образования на Украине, также весьма красноречивы. В 1970 году 168 учебников были изданы по-украински и 263 — по-русски. Десятью годами позже эти цифры соответственно: 38 и 422⁶. С подобной же картиной мы столкнемся при изучении вопроса о языке научной периодики и журналов. В 1970 году 63 журнала издавались на украинском языке и 39 — на русском; в 1980 году русских и украинских изданий было уже одинаковое

4. Там же, с. 41.

5. Там же, сс. 46, 51, 56, 61.

6. Там же, с. 87.

число — по 50 %. Более того, периодика, которая печатается по-украински, в основном посвящена литературе и искусству. Обследование периодических изданий, публикуемых Академией Наук в Киеве, показало, что процент журналов, издаваемых по-русски, возрос между 1969 г. и 1980 г., с 36,6 до 76,2, а процент украиноязычных журналов соответственно снизился (см. таблицу 3).

Таблица 3

Увеличение несоответствия между числом украинско- и русскоязычных журналов, публикуемых АН УССР (1969 и 1980 гг).⁸

год	Количество названий и процент от общего числа					
	украинский		русский		двухязычные	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
1969	14	46,6	11	36,6	5	16,6
1980	8	19,0	32	76,2	2	4,8

После ознакомления с этой статистикой действительно создается впечатление, что использование украинского языка ограничивается «поэзией и воспоминаниями». Определенно не является секретом и тот факт, что в советской национальной политике постоянно подчеркивается необходимость дальнейшего распространения русского языка во всех сферах жизни.⁹ Достаточно обратиться к уже цитированному выступлению Загребельного на пленуме Союза писателей в Москве, чтобы убедиться, что эта установка актуальна и сегодня. Сравнив советскую многонациональную литературу с «могучим трансконтинентальным бегуном», которого мчит вперед вдыхаемый им воздух, Загребельный заявил своим слушателям:

7. Там же, с. 156.

8. Roman Solchanyk, «Language Politics in Ukraine» in „Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present and Future”, edited by Isabelle Kreinder, The Hague, Mouton Publishers (выходит в свет в 1985 году).

9. Р. Сольчаньк, Русский язык и советская политика, «Форум» N5, 1983 г., сс. 76-98.

«Таким воздухом представляется нам великий русский язык, получивший поистине мировое распространение и признание. Высокая честь для писателей, работающих в братских литературах, прозвучать на языке Ленина, Пушкина, Толстого. Выход каждой национальной книги на русском языке не только залог известности для того или иного писателя, но и могучий стимул для литературы, к которой он принадлежит».

Такое восхваление русского языка не является необычным в устах Загребельного. Выступая на совместном пленуме творческих союзов и организаций СССР и РСФСР, который состоялся в Москве в декабре 1982 года в связи с 60-летием образования СССР, Загребельный сказал:

«Здесь следует сказать о русском языке. Мы часто говорим о нем как о средстве межнационального общения. Этого недостаточно. Для всех нас русский язык — это прежде всего величайшая культурная ценность. Переводы лучших произведений русской классической и русской советской литературы обогащают и развивают наши национальные языки, неизмеримо поднимают их уровень, выразительность, точность, глубину, гибкость, придают новые краски и образность»¹⁰.

Подобные панегирики стали обязательными для представителей нерусской интеллигенции, особенно во время выступлений перед столичной аудиторией. Они в точности соответствуют комплексу младшего брата в присутствии старшего, комплексу, который довольно широко распространен среди нерусской интеллигенции.¹¹ Представление о том, что незнание русского языка делает человека как бы гражданином второго сорта, широко культивируется партийным руководством. Например, в последнем номере «Нового мира», который в основном посвящен украинской литературе, Первый секретарь компартии республики Владимир Щербицкий пишет:

«Надо с удовлетворением отметить повышение роли русского языка как средства межнационального общения и развития единой советской культуры. На Украине абсолютное большинство населения владеет русским языком, получая тем

10. «Литературная газета», 8.12.1982 г.

11. Ср. подобные же высказывания о русском языке на пленуме Союза писателей известного азербайджанского писателя Мирзы Ибрагимова.

12. В. Щербицкий, Восхождение, «Новый мир», 1984, №9, с. 9.

самым широкий доступ к культурным ценностям и новейшим явлениям как советского, так и зарубежного искусства».

Ясно, что мало кто решился бы отрицать необходимость единого языка общения в таком многонациональном государстве как Советский Союз. Еще меньше людей взялось бы оспаривать в этом качестве русский язык. Проблема, как ее видят некоторые представители нерусских народов, заключается в политизации языка, литературы и культуры, которую проводят советские правители, руководствуясь принципом «более равный, чем другие». И в этом контексте уместно задать вопрос: является ли случайностью то, что секретарь Союза писателей Украины даже не упомянул об украинском языке во время своего выступления на пленуме в Москве?

НИКОГДА НЕ ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ СВОБОДНЫМ

5 августа прошлого года эстонец Вальдо Рандпере и его жена Лейла Миллер бежали из Хельсинки, где они в составе советской делегации участвовали в фестивале «Дни Балтийского моря», в Стокгольм и попросили в Швеции политического убежища.

Сотрудник украинского исследовательского центра «Пролог» (Нью-Йорк) Роман Купчинский встретился с В. Рандпере и попросил его ответить на несколько вопросов.

Вопрос: Что побудило Вас покинуть Советский Союз и попросить политического убежища на Западе?

Ответ: Моя фамилия Рандпере, имя Вальдо. Я работал в Эстонии — одно время помощником министра юстиции, в последнее время инструктором ЦК комсомола Эстонии. Почему я решил остаться здесь? Я не могу даже сразу сказать почему. Но коротко об этом вообще никто, наверное, не мог бы сказать. Бросаешь своих родных, свой дом...

Дело в том, что я 26 лет жил в Эстонии и всего лишь два месяца в Швеции, а чувствую себя свободным, чувствую себя, как это ни странно, полноценным здесь, где должен бы быть чужим, никем. Нежеланным гостем, может быть. А наоборот, здесь я чувствую себя больше дома, чувствую, что у меня больше прав и возможностей, чем дома. Несмотря на то, что дома я был действительно в неплохом положении — и материальном, и в смысле карьеры. Но главное — я не мог себя там чувствовать свободным. И свою несвободу чувствуют, по-моему, все эстонцы. Сюда я приехал не один, а с супругой. Может, это весь ответ на первый вопрос. Хотя в какой-то мере ответы на остальные вопросы также будут ответом и на первый.

Вопрос: Что Вы можете сказать о русификации Эстонии?

Ответ: Мне очень трудно рассказать о русификации,

потому что я никогда не был националистом. В примитивном смысле этого слова. Но если спросить у какого-нибудь эстонца: «Любишь ли ты русских?» — он обязательно ответит — «Нет!» Если спросить о любви к эстонцам русского, который живет в Эстонии, он ответит так же... И тем не менее у всех, по-моему, эстонцев, во всяком случае у большинства (и у меня тоже) были друзья, было много именно русских друзей. И при общении с ними даже не вспоминали о национальности, и это не создавало никаких границ между нами. А вот если думать о советской власти в Эстонии, тогда в первую очередь все-таки вспоминаешь, что это русские принесли нам эту власть, и это они удерживают эту власть в Эстонии. Русификация? Что можно сказать об этом? Дела действительно плохи. Какие примеры могу привести — в Эстонии нельзя уже в течение многих лет писать и защищать диссертации на эстонском языке. Детей теперь с первого класса, эстонских детей, учат русскому языку. А в русских школах эстонский язык — факультативно. Кто хочет, занимается. Большинство не хотят. И поэтому очень мало русских, которые знают эстонский язык, а эстонцев, знающих русский, много. И еще проблема — многие, даже очень старинные песни, народные песни Эстонии, просматриваются и контролируются русскими чиновниками. И в этих песнях — песнях, которым уже триста лет, — находят антисоветчину! Могу привести один пример: прошлой осенью эстонский пианист Рейн Роман давал концерт в городском зале им. Ленина в Таллине. Вся его программа была тщательно просмотрена, проверена — и в одну народную песню, которой уже триста лет, внесли поправку. Не разрешили петь слова: «кто заплатит рабу за его труд». Как-будто это антисоветское. Не знаю откуда триста лет назад эстонцы могли знать про советскую власть. То же и в истории, в науке... Если читать учебник физики для средней школы, то можно подумать, что не Дизель изобрел дизельный двигатель, а это за двадцать лет до него сделали русские. А история наша вообще... Только благодаря тому мы и живем, и можем жить так хорошо, что нас все время освобождали русские. А остальные народы были против нас. И это наша официальная история. И все это привело к тому, что люди не верят ни во что. Они ненавидят всю эту пропаганду. Они просто издеваются над ней.

В Латвии русификация проходит более успешно, чем у нас в Эстонии. Там люди в большинстве владеют русским языком. Я просматривал телевизионные программы, почти все — на русском языке, а то что по-латышски отмечено особо. У нас и в Эстонии еще не так — если по-русски, тогда отмечено, что передача ведется центральным телевидением.

В Литве немного лучше в смысле сохранения национальной культуры. И еще одна сфера — большинство литовцев верят в Бога. У них очень влиятельная церковь. В Эстонии нет такой сильной церкви, хотя многие молодые люди ходят в церковь. Тем самым они выражают свой протест против советской власти. Но настоящей веры — веры, которая объединяла бы народ, сейчас нет.

Вопрос: Как, по Вашему мнению, относятся эстонцы к политике коммунистической партии?

Ответ: Я уже немного говорил об этом. Как люди относятся к официальной пропаганде, так они относятся и к коммунистической партии, которая ведет эту пропаганду. Многие люди — те, которые постарше, — хорошо помнят прошлое и могут сравнивать жизнь до вторжения советских и теперешнюю. Молодежь тоже отрицательно относится к советской власти. Этот негативизм связан и с тем, что шведское телевидение можно смотреть в Эстонии. Большинство молодых людей, конечно, смотрит финское телевидение. Это хоть и маленькая дорожка, но дорожка в Европу, дорожка в свободный мир. И результаты сравнения нашей жизни и жизни на Западе не утешительны для нас и, конечно, не по нраву советской власти. Но ничего не поделаешь — так уж оно есть.

А настоящие коммунисты, наверное, только на Западе сохранились. Конечно, в Советском Союзе встречаются еще идейные и верующие коммунисты, но их очень мало. Остальные используют членство в партии для продвижения по службе, без этого очень трудно сделать высокую карьеру, даже невозможно. У меня была только одна знакомая, которая верила в ком. идеалы. Она тоже работала в ЦК комсомола и со всеми работниками ЦК поссорилась — такая была красная. Но она — исключение. Коммунисты приходят с работы домой, снимают пиджак, а вместе с ним и

партийность. Обыкновенные люди. Говорят о чем угодно и в большинстве случаев такое, что хоть сейчас под суд за антисоветскую пропаганду. Я думаю, что если бы началась война, огромная война, то Советский Союз потерпел бы поражение, потому что не нашлось бы больше таких патриотов, которые бы пошли в бой с криками: за Сталина или за Черненко! Во всем Советском Союзе нашлось бы, может быть, только на одну дивизию таких патриотов. Где остальных взять, не знаю.

Вопрос: Изменилась ли в последнее время советская национальная политика?

Ответ: Я не могу точно сказать, как изменилась национальная политика. Последние годы правления Брежнева были трудные, скучные годы. Ничего не делали — только болтали, болтали, болтали. А дела шли все хуже и хуже. И потому с приходом Андропова связывали очень много надежд. Правда, он был председателем КГБ. Многие понимают, что это ему нужно было для того, чтобы стать Генеральным секретарем. А в том, что КГБ получил большие права, так это, конечно, его вина, но это в последнее время уже вышло из-под его контроля. И как только Андропов стал Генеральным секретарем, сразу многое стало меняться. Что касается национальной политики, то трудно судить — не долго был Андропов у власти. Но общая тенденция — усиление русификации.

В экономическом плане были сдвиги в сторону улучшения. Заслуга ли это Андропова или просто совпадение, но было намного лучше, чем при Брежневе. Появились многие продукты, которых при Брежневе и в помине не было. А продажа импортных вещей сильно сократилась. Андропов проводил такую политику валютной бережливости.

Черненко не понравился всем с первых шагов. Не успел он стать Генеральным секретарем — первым делом переиздали брежневские книги. А люди поминают Брежнева недобрым словом. И потому, что Афганистан, да и вообще с начала своей карьеры, с 1929 года, он не мог вызывать никакой любви. Вот, разве что, подписание Хельсинкского договора в 75 году вызвало некоторые иллюзии — теперь будет лучше, жить будем свободней, дружнее. Но и это

прошло и, по-моему, прошло навсегда. А вот политика Черненко — это даже никакая не политика, это как последнее время при Брежневе: ничего не происходит и все болтают, болтают. Черненко ведь всю жизнь был только пропагандистом, он, по-моему, больше ничего и не умеет, как заставлять работать технического секретаря в аппарате ЦК. Ожидать от него чего-то хорошего — пустые надежды. Я не знаю сколько он продержится, но думаю, что в это время никаких сдвигов в лучшую сторону не произойдет, а может быть только в худшую. Он как пропагандист нажимает на пропаганду, а советская пропаганда принесла людям столько бед. Надо бы уже это понимать и начинать что-то исправлять на деле, а не на словах.

Вопрос: Намерены ли эстонцы добиваться независимости своей родины?

Ответ: Трудно точно сказать теперь. Я думаю, что и эстонцы, как и другие народы нерусской национальности, надеются на возможность создать собственное независимое государство, но говорить о чем-то конкретном сейчас очень трудно. Сейчас в Эстонии заметно стихла активность национального движения. Все борцы за свободу сейчас за решеткой, и в течение пяти лет они ничего не смогут делать. Что будет потом, по истечении этих пяти лет? Растет ли новое поколение таких борцов как Юрий Куку, Март Никлус. Не знаю, но надеюсь. Во всяком случае, я буду прилагать усилия, чтобы чем-то помочь в этом деле. У меня есть идеи и кое-какие связи. Связи с Эстонией. Надеюсь, что смогу своим опытом принести пользу делу. Конечно, смешно было бы надеяться, что маленькая Эстония в состоянии самостоятельно сбросить власть, обладающую такой силой — огромная армия, КГБ, МВД. Вот если бы Советский Союз согласился когда-нибудь на свободные выборы, то я уверен на 100%, что эстонцы голосовали бы за независимую Эстонию. Может быть и нашлось бы с десятков желающих сохранить советскую власть, так они бы должны были искать себе место у своих советских друзей-близнецов.

А украинцы могли бы добиться освобождения (такой большой народ). Но и им трудно, потому, что такая система — не успеешь даже подумать, а за тобой уже придут. А о

совместных действиях республик нечего и говорить. Я не сомневаюсь, что и Литва, и Украина, и закавказские республики при первой же возможности предпочли бы избавиться от существующей власти. Эта форма государства, эта власть очень себя скомпрометировала. Люди хорошо знают цену этой власти и знают, что хорошего от нее ждать не приходится. Но так же они понимают, что не надо надеяться на белый пароход с иностранными войсками из Англии или Америки. Когда-то могли бы западные государства помочь народам Союза освободиться, но теперь не так. И остается теперь надеяться на длительную и тщательную проверку временем всех возможностей. Я верю, что когда-то эстонский народ будет свободен, но когда это будет — сказать не могу, и никто этого сейчас сказать не может. Мое нынешнее бегство из Советского Союза, может быть, поможет здесь на Западе открыть глаза на то, какое это государство и как вообще такое государство, где люди все время живут в страхе, может существовать. Надо пытаться что-то делать.

УКРАИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В СТАРОМ ГАРВАРДСКОМ ПРОЕКТЕ

Когда узнаешь что-то новое, хочется поделиться с друзьями и тут-то и понимаешь, как они от тебя далеко. Эта заметка написана для читателей в СССР, которые, как и я, узнали о Гарвардском проекте (старом, в отличие от осуществляемого в настоящее время нового) лишь из заметки Кирилла Хенкина в 30-м номере «Континента».

Но в отличие от них, я могу брать с библиотечных полок толстые машинописные тома и удивляться, с каким умением и какой аккуратностью собраны бесценные характеристики советского общества.

По грандиозности проделанной работы можно сопоставить проект разве что с «Архипелагом»; в котором обобщены, по словам автора, около 300 свидетельств очевидцев. И если десятки книг и статей, написанных по материалам Гарвардского проекта, не получили столь широкого читательского признания, как «Архипелаг»; то не приходится обвинять в этом научно-методическую сторону работы и добросовестность исследователей. Просто Бог раздает подопечным художественные дарования неравномерно.

Задачей проекта являлось изучение положения населения СССР, для чего в конце 40-х – начале 50-х годов было опрошено больше 3000 изгнанников из Советского Союза (беглецы и невозвращенцы времен Второй мировой войны, перебежчики последующих лет). Им было задано 152 вопроса в письменном виде. Около тысячи человек прошли устные интервью-беседы, продолжавшиеся по три дня и более. Я познакомился с результатами исследования только по одному вопросу: положение украинцев в годы коллективизации. Кроме общей анкеты по национальному вопросу (500

отвечавших , почти все из них были украинцы), в вопроснике по немецкой оккупационной политике (900 опрошенных, из них 390 — украинцы), в устном интервью об условиях жизни в СССР (300 человек, из них 76 — украинцы), в специальном устном интервью по национальному вопросу (более 10 украинцев).

Результаты изучения национальной проблемы представлены в виде сотен таблиц, тысяч страниц пояснений. Я хочу остановиться только на нескольких деталях, заинтересовавших меня больше других. Мне кажется, что эти крошечные фрагменты грандиозной работы могут дать некоторое представление о характере проведенных исследований.

Украинскую национальную проблему авторы проекта рассматривали в трех ракурсах: положение отвечающих, их прямые высказывания, их косвенное отношение. Различие между двумя последними пунктами удобнее пояснить на примере. На косвенный вопрос: «Какие Вы видите ошибки в немецкой оккупационной политике?» — только 10% отвечавших украинцев упомянули о разгроме украинского национального движения. Когда же спрашивали прямо: «Что Вы думаете о немецкой политике по отношению к независимости Украины?» — свыше 40% тех же людей назвали эту политику ошибочной.

Другой пример. Три четверти украинцев с высшим образованием указали, что национальная принадлежность мешала их карьере. Однако при обсуждении экономических и политических трудностей жизни в СССР лишь несколько человек вспомнили о национальном вопросе.

Таким образом, исследователи пришли к выводу, что по болезненности, приближенности к непосредственной реакции национальный вопрос заметно уступал в сознании отвечавших другим проблемам: экономическим, социальным, образовательным.

Другой интересный результат Гарвардского проекта — отсутствие объективных различий в положении представителей русской и украинской групп. По образованию, занятиям, подверженности арестам русские и украинцы из соответствующих социальных слоев различаются очень мало. Например, сроки тюремного заключения свыше 5 лет имели 47% русских интеллигентов и 52% украинских, 50%

русских служащих и 47% украинских, соответственно — 53 и 52% квалифицированных рабочих, 52 и 56% неквалифицированных, 55 и 57% крестьян.

Эти очень высокие и почти одинаковые цифры наводят на мысль, что все социальные слои советского общества отдали практически одинаковую дань Архипелагу. Однако, вряд ли такое заключение будет правомерным из-за недостаточной представительности опрошенной группы по отношению ко всей стране.

Не отметил проект различия взглядов русских и украинцев по экономическим и социальным вопросам. Обсуждается ли проблема устройства справедливого общества в СССР или польза от национализации промышленности в каждой социальной группе русские и украинцы отвечают почти одинаково. Кстати, в последнем случае ответы свидетельствуют о высокой эффективности советской пропаганды. Несомненно, что все интервьюируемые — враги советского строя. Об этом свидетельствует сам факт их бегства на Запад. Однако 80-90% из них высказались в пользу государственного руководства тяжелой промышленностью. За национализацию легкой промышленности оказались 25 % служащих и интеллигентов и 45-50% крестьян и рабочих.

Непосредственное обсуждение национальной проблемы показало, что важную роль играют место жительства, место рождения, религиозность. Например, спрашивали: Правда ли, что украинскую интеллигенцию чаще арестовывают? Положительно ответили 37% горожан, 50% жителей деревни, 58% недавно перебравшихся из деревни в город. Среди прихожан автокефальной церкви соответствующие цифры были 75%, 75%, 91%. Похожие результаты и соотношения были получены и при ответе на вопрос: Правда ли, что украинская экономика подвергается эксплуатации Россией? «Да» ответили 37% горожан, 41% жителей села, 44% переехавших в город, 50% верующих в городе и деревне, 83% верующих, перебравшихся из деревни в город.

Повышенная реакция группы переехавших не должна вызывать удивления. Отрыв от земли не был добровольным, процессы раскулачивания и коллективизации вынесли из деревни более энергичную и антисоветски настроенную часть населения.

Любопытно, что в более частых арестах украинской интеллигенции отвечавшие убеждены сильнее, чем в эксплуатации экономики страны. Однако свидетельства этих людей об арестах среди их родных не подтверждают обоснованность первого утверждения. В то же время эксплуатация экономики — факт достаточно очевидный, подтвержденный множеством статистических данных. Это демонстрирует, что национальные представления опираются как на объективную информацию, так и на интуитивные оценки, не всегда соответствующие действительности.

Наконец, остановимся на двух косвенных вопросах, выявивших различия между украинцами и русскими. Первый из них:

— «Нужно ли бросить на Москву атомную бомбу?»

— «Да» — ответили 81% русских и 88% украинских крестьян, 72% и 82% неквалифицированных рабочих, 73% и 89% квалифицированных рабочих, 60% и 78% служащих и 50% и 73% интеллигентов. Особенно заметно различие среди образованных слоев. Оказывается, совпадая во мнениях со своими русскими коллегами практически по всем вопросам, украинские интеллигенты не испытывали особых чувств к столице страны и, значит, в чем-то в глубине души оставались больше украинцами, чем советскими.

Не следует слишком строго судить тогдашних эмигрантов за кровожадность. Вопрос о бомбе выявлял скорее отношение, чем реальное желание. Когда спросили, надо ли бросить бомбу прямо сейчас, положительно ответили в два раза меньше людей. Среди жителей больших городов — 16% русских и 31% украинцев, среди сельских жителей — 39% русских и 45% украинцев.

Другим информативным вопросом оказалась нехитрая альтернатива: Можно ли верить хоть каким-то сообщениям советской прессы или она всегда врет? Наличие правдивых сообщений подтвердили 82% русских интеллигентов и 81% украинских, 70% и 72% служащих, 53% и 58% квалифицированных рабочих, 46% и 36% чернорабочих, 55% и 34% крестьян. Бросается в глаза прежде всего социальное различие. Четыре пятых интеллигенции признает наличие правдивых сообщений. Однако менее образованной части населения такие нюансы уже недоступны. Свыше половины крестьян и

чернорабочих отмечают любую информацию, исходящую от советской власти.

Интересно, что именно этот вопрос Кирилл Хенкин в работе, упомянутой в начале статьи, приводит в качестве примера нелепых действий западных советологов, стремящихся в первую очередь обелить Советский Союз, а во вторую — помочь ему выявить и зацапать обратно антисоветски настроенных эмигрантов. Хенкин считает, что отвечающих ставили перед неразрешимой дилеммой:

«Написать „не согласен“ (существуют метеосводки, репортажи о футболе, хроника, программы кино и театров) и признать, таким образом, что обвинение советской печати в неправдивости — сущая ложь, либо, написав „согласен“, попасть в категорию лгунов и патологических антисоветчиков. Последнее же было опасно, ибо степень сотрудничества с немцами определялась тогда по накалу антисоветских настроений, и опрашиваемого могли, чего доброго, выдать НКВД. К тому времени прекратились массовые выдачи, но не индивидуальные. А выдачами и опросами занимались очень часто одни и те же люди».

Я уже писал об ошибочности взглядов К. Хенкина (Старый Гарвардский проект в эмигрантской критике, «Трибуна» №6). К сожалению, в той заметке выпало содержательное рассмотрение Гарвардского проекта, что и заставило меня вернуться к этой теме. Тем временем Кирилл Хенкин выпустил книгу под названием «Русские пришли», в которой посвятил Гарвардскому проекту специальную главу. Выяснилось, что Хенкин не то чтобы не понял результатов проекта, как мне показалось при чтении его статьи, — он просто с ними не знаком. Нигде в книге нет ни слова о том, какие же данные получили американские ученые, к каким же они, собственно, пришли выводам. Автор рассматривает лишь опросный лист для общего письменного интервью и строит гипотезы о том, к каким ужасным последствиям такие вопросы могли привести. Если бы Хенкин познакомился с ответами, его опасения, что опрос искажает отношение бывших советских граждан к властям, вероятно, отпали бы. Так, он думает, что ответить положительно на вопрос о сбрасывании атомной бомбы на Москву — значит согласиться, «что в своей паранойе вы готовы на массовое убийство!» Однако четыре пятых опрашиваемых спокойно на это

согласились. И так во всем остальном. Даже в тех случаях, когда в подтверждение своих соображений К. Хенкин ссылается на других авторов, утверждения их плохо согласуются с фактическим материалом. Профессор Сергей Утехин, по словам Хенкина, считает, например, что из лагерей перемещенных лиц к концу сороковых годов уже выбыли самые энергичные люди и активные враги советской власти, — поэтому, мол, мнение опрашиваемых оказалось более благосклонным к СССР. Однако наряду с опросом в лагерях Германии Гарвардский проект охватил эмигрантов в США. Сравнив ответы людей из этих двух групп, легко убедиться, что в отношении к советскому строю заметных различий нет.

Глава о Гарвардском проекте довольно характерна для всей книги Кирилла Хенкина. Практически нигде в ней мы не встретим хоть сколько-нибудь достоверной информации — лишь домыслы, в лучшем случае подкрепленные ссылкой на известные автору, но не читателям, источники. Цель работы довольно прозрачна: доказать, что эмиграция инспирирована КГБ и состоит у него на службе, а диссидентское движение в значительной мере находится под контролем советских органов безопасности. В своем праведном гневe Хенкин не щадит никого. «Видный работник идеологического фронта, лично тесно связанный с ЦК и высшими ступенями КГБ, человек более чем выездной, имевший на Западе огромное число друзей и коллег, и вдруг подает заявление на выезд в Израиль...» Сердце замирает, когда читаешь эти строки. Кажется, что автор в порыве негодования решил разоблачить сам себя. Но нет. Хотя фамилия видного работника не названа, это, очевидно, не Хенкин. Все работают на КГБ, кроме самого автора книги.

Вернемся, однако, к украинской теме в Гарвардском проекте. Вопрос о печати, рассмотренный выше, продемонстрировал различие точек зрения украинцев и русских.

Это расхождение не объясняется ни уровнем образования, ни тюремным опытом (они одинаковы). Это национальная проблема, умноженная на воспоминания о голоде 1933 года.

На этих немногочисленных примерах видно, как много значит правильная постановка вопроса. Достаточно узнать, что большинство украинских крестьян хотели бы видеть

Москву разрушенной или что они не верят никаким сообщениям советской прессы, чтобы представить себе отношение этих людей к руководителям страны.

Сопоставление фактических сведений о положении отвечающих с их представлениями помогает понять влияние национальной проблемы на мировосприятие.

Можно прийти к выводу, что национальный вопрос не был самым жгучим и редко всплывал в виде непосредственной реакции при рассмотрении других проблем. По социальному положению, образованию и занятиям украинцы мало чем отличались от русских. Однако неприятие советской власти у многих из них было сильнее.

В то же время нельзя не отметить эффективность воздействия советской пропаганды. Люди, хотевшие видеть Москву разрушенной атомной бомбой, предполагали в будущем государстве многие стороны жизни устроить по советскому образцу: экономику, медицину, образование и т. д.

Было бы, конечно, любопытно взглянуть на нас сегодняшних вот так же со стороны. Что мы из себя представляем? Что нам успела внушить родная советская система? Очевидно, сумела не так уж мало.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF

HUMAN RIGHTS

СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР

ВЫПУСК 6

ПО СОСТОЯНИЮ НА
30.10.1984

Изд-ство «Das Land und die Welt»,
Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Юрий Бадзьо

ОБРАЩАЮ ВАШЕ ВНИМАНИЕ*

Президиуму Верховного Совета СССР
узника совести Бадзьо Юрия Васильевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Принцип политической свободы, провозглашенный также и Конституцией СССР, означает — логически и исторически — не что иное, как свободу *от* государственной власти, право и возможность выступить против правительственной политики и самого общественного строя, естественно, в демократических формах, определенных законом, принятым демократическим путем и сохраняющим демократические условия своего существования, т. е. возможность критического отношения к себе. Однако политическая идеология КПСС, а еще последовательнее — партийно-государственная практика находятся в явном противоре-

* Юрий Васильевич Бадзьо (1936 г. рожд.) — украинский историк. В 1979 г. был арестован КГБ и приговорен к 7 годам лагеря строгого режима и 5 годам последующей ссылки за книгу «Право жить», содержащую анализ нынешнего состояния и перспектив развития украинской нации.

ции с идеей политической свободы. Преследование людей — в различных формах, вплоть до заключения — за оппозиционные настроения, убеждения, идеи, за критику общественно-политического характера, даже в рамках социалистической доктрины, — трагическая норма нашей общественной жизни. Такое положение отчетливо контрастирует с современными представлениями о демократических взаимоотношениях граждан и государства и является нарушением международного права, в частности Декларации прав человека и Заключительного хельсинкского акта. Оно имеет отрицательные исторические последствия и в сфере международных отношений прежде всего в деле сохранения мира между народами.

Отмечая 30 октября с.г. голодовкой День советского политзаключенного, обращаю внимание политического руководства СССР на все возрастающую необходимость коренной демократизации советского общества.

29 октября 1982 года

Мордовский лагерь N3-5

Президиуму Верховного Совета СССР
узника совести Бадзьо Ю. В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Декларация прав человека и Заключительный акт Хельсинкского совещания справедливо считаются политическим кодексом мирного сосуществования народов и государств, кодексом, определяющим основные принципы общественного бытия в условиях свободы, указывая на тот круг общественных интересов, который объединяет людей различных наций и обществ. Краткий и крылатый, все более актуальный лозунг прав человека несет в себе прежде всего идею политической свободы, демократического общественного строя, когда граждане имеют право на широчайшее свободомыслие, имеют реальную возможность изъяснить свою политическую волю, в том числе и оппозиционную к официальной идеологии и политике, пропагандировать свои взгляды и защищать свои интересы обычными в демократи-

ческих обществах средствами. Но как раз этого права на политическую оппозицию лишает граждан СССР общественная идеология, юридическая теория и практика КПСС, установившей в СССР режим собственной диктатуры. Таким образом, искажается, отрицается сама сущность понятия демократии. Миру активно и последовательно предлагается будущее, в котором нормой общественной жизни является тотальное господство коммунистической партии, оставляющей народу только право и возможность провозглашать дифирамбы в ее адрес.

Общества, воспитанные в демократических традициях, не хотят такого будущего, боятся его. В указанной коллизии кроется, без сомнения, основная причина антагонистического противоборства государств, в частности причина современной международной напряженности. Только ослабление, а в перспективе и устранение этой коллизии способно улучшить отношения между странами с противоположными общественно-политическими системами, сохранить и углубить разрядку. Речь идет, следовательно, об общеисторической потребности демократизации советского общества. Чем раньше руководство Союза ССР осознает неизбежность коренных демократических реформ в Советском Союзе, тем быстрее можно будет прекратить гонку вооружений и пойти по пути постепенного розоружения, тем скорее благодетельное для всех народов мирное сосуществование станет жизненной реальностью.

Отмечая Международный день прав человека, объявляю на 10 декабря с.г. голодовку протеста против нарушений в Советском Союзе прав человека и права наций на самоопределение.

9 декабря 1982 года

Мордовский лагерь N3-5

Президиуму ВС СССР
узника совести Бадзьо Ю. В.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Довожу до вашего сведения, что по случаю 60-й годовщины образования Союза ССР объявляю на 30 декабря

с. г. голодовку с целью привлечения внимания советского руководства, правительств стран-членов ООН и мировой общественности к неравноправному положению украинского народа в составе федерации советских республик. Над всесторонним научным обоснованием этого вывода я работал 7 лет, изложив результаты своих исследований в большом труде — на полторы тысячи страниц рукописи — под названием «Право жить», адресованном высшим органам партийно-государственной власти. Ответом мне был арест и лишение воли на 12 лет. Одного этого факта достаточно, чтобы уяснить политические условия современной национально-исторической жизни украинского народа.

Выдвигаю перед Президиумом ВС СССР требование обсудить положение украинской нации в составе федерации советских республик на сессии ВС СССР, причем обязательно при участии бывших и нынешних украинских патриотов-политзаключенных, предварительно освобожденных из заключения и полностью реабилитированных.

29 декабря 1982 года

Мордовский лагерь N3-5

Президиуму Верховного Совета Союза ССР
гражданина Бадзьо Юрия Васильевича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаю самое пристальное внимание высшего органа государственной власти Советского Союза на грубейшую политическую ошибку, допущенную Генеральным секретарем КПСС, членом Президиума ВС СССР Ю. В. Андроповым в докладе на торжествах по случаю 60-летия СССР. Имею в виду ту его фразу, где он называет Союз Советских Социалистических Республик «единым государством», т. е. прямо и недвусмысленно отрицает федеративный характер Советского Союза, допуская явное противоречие с Конституцией СССР и конституциями Союзных Республик. Выражение «единое государство» — не публицистическая фраза, с которой можно обращаться вольно, а общепринятый юридический термин. Означает он государство, представляющее собой один-единственный, *неделимый*, субъект государ-

ственных, политико-правовых отношений. Термин «единое государство» известен в науке еще как «унитарное государство»: это лишь иноязычное выражение одного и того же понятия. Советский Союз, по крайней мере формально, является не унитарным, не единым, а федеративным государством, в составе которого союзные республики имеют статус отдельных государственных единиц, суверенных государств. Даже современную Россию нельзя назвать «единым государством»: она тоже *федеративная* республика. Формула «единое государство» по отношению к СССР, если говорить только о моральной стороне вопроса, — глубоко оскорбительна для народов Советского Союза, прежде всего, по вполне понятным причинам, для нерусских народов, которые воспринимают ее как идею лишения их собственной национальной государственности. А ничего другого фраза «единое государство» и не может означать!

Правда, Конституция СССР определяет Советский Союз как «единое союзное государство». Эта формула стала общеупотребительной. Однако она принципиально неправильна: элементарно противоречива логически и политически. Государство не может быть одновременно и единым и союзным, т.е. неделимым и делимым. В науке существует четкая терминология для определения характера государства с точки зрения его структуры: единое (унитарное) государство, федерация, конфедерация. Истории известны и некоторые другие формы политического объединения народов. По замыслу и по форме СССР — федеративное государство. Определение «союзное» имеет только уточняющий смысл. Оно лишено терминологического значения: конфедерацию, например, тоже можно назвать союзным государством.

На научную и политическую неприемлемость конституционной формы «единое союзное государство» я указывал в своем письме, направленном в один из центральных органов советской печати во время обсуждения проекта Конституции СССР. К сожалению, мое замечание Конституционная комиссия не учла, и в политико-правовую идеологию национальных отношений народов СССР был запущен очень опасный троянский конь русского великодержавного шовинизма. Теперь, очевидно, появилось желание отбросить

призрачное покрытие в виде определения «союзное» и выйти на белый свет в своем настоящем идеологическом обличье.

На московском торжественном собрании по случаю 60-летия СССР и в приветствиях по этому поводу «единым государством» назвали Советский Союз представители целого ряда коммунистических и соответствующих им партий мира, в частности правящих: Польши, ГДР, Монголии, Афганистана, Мадагаскара, Никарагуа, Индии, ФРГ, Ирландии, Гвинеи, Люксембурга, Сан-Марино, Ирака. Этот факт показателен и тревожен в любом случае: и в том, если он означает безответственное следование дурному примеру, и — если отражает уровень знания или направленности национально-политического сознания упомянутых иностранных деятелей, особенно государственных. Тем более, когда речь идет о союзнических государственных партиях.

Надеюсь, что мое заявление дойдет к адресату и будет воспринято с должной политической ответственностью.

7 января 1983 г.

адрес: Мордовия, Барашево.

Председателю Президиума ВС УССР А. Ф. Ватченко

ЗАЯВЛЕНИЕ

Учитывая существующее донныне официальное отношение к указанному ниже событию, считаю своим гражданским долгом напомнить Вам и в Вашем лице всему политическому руководству Республики, что весной этого года исполняется полстолетия с тех пор, как наш народ пережил едва ли не самую страшную трагедию в своей новейшей истории — голод 1933 года. Существует мнение, что вследствие голода погибло 6-8 миллионов украинцев. Говорю «существует мнение», так как в советской литературе, как научной, так и публицистической, данных об этом нет. Более того, в нашей общественной жизни это масштабное историческое событие окружено глухим молчанием уже полстолетия; на него наложено политическое табу. Это в высшей степени аморально и уродливо — забывать невинно погибших, убивать в народе память о пережитом, затирать в истории народного бытия целые страницы.

Безусловно, голод 1933 г. в Украине имеет выразительную политическую окраску. Но именно поэтому государственная власть не должна бы молчать. В противном случае она берет на себя полную политическую ответственность за события. Обратим внимание, что для «рассекречивания» голода 1933г. политическая логика формально не является препятствием, ведь сталинизм, действительный виновник трагедии, официально осужден.

Призываю Президиум ВС Украинской ССР проникнуться моральной обязанностью почтить наконец, впервые за полстолетия, память о миллионах трагически погибших невинных людей. Предлагаю принять постановление на государственном уровне: весной, например в марте, в память о жертвах голода провести Всеукраинский вечер траура; один из дней месяца, например, третье воскресенье марта, объявить Днем национального траура, отмечаемым ежегодно; воздвигнуть мемориал в сельской местности, наиболее пострадавшей от голода; обеспечить научное исследование события, достойного также высокого художественного воплощения. Публично почтить трагедию 1933 г. означало бы проявить не только нравственное чувство, но и политический разум. Оно означало бы, что современное руководство Республики действительно отмежевывается от политики сталинизма и чувствует ответственность перед украинским народом за его историческую память, следовательно и за прочность духовных устоев нашего будущего.

22 января 1983 г.

Бадзьо Юрий Васильевич,
адрес: Мордовия, к/лагерь

С аналогичным заявлением в Президиум ВС УССР обратился и политзаключенный, член Украинской хельсинкской группы Василь Стрильцев (тот же лагерь, Барашево).

8 мая 1983 г., в Страстную пятницу, Ю.Бадзьо и В.Стрильцев провели голодовку памяти жертв голода 1933 года.

Татьяна Зуншайн

О СОДЕРЖАНИИ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ МВД ЛАТВИЙСКОЙ ССР

*Генеральному прокурору СССР, ЦК КПСС, Президиуму
Верховного Совета СССР, МВД СССР, Прокурору
ЛатССР, ЦК КПЛ, Президиуму Верховного Совета
ЛатССР, МВД ЛатССР.*

Я обращаюсь к Вам не только как жена человека невинного, но брошенного за решетку, я обращаюсь к Вам и как его защитник, официально допущенный к участию в деле и уже незаконно отстраненный. Но это особая история.

А тогда, 26 июня 1984 года, я была на свидании с мужем и подзащитным, Зуншайном Захаром Михайловичем, в СИЗО МВД ЛатССР. Я видела его, говорила с ним, слушала о том, что творится в СИЗО.

Я не могу не написать об этом, хотя давно уже не рассчитываю ни на какую помощь со стороны официальных лиц и органов, занимающихся нашим «делом». И все же я постараюсь описать хоть сотую долю того, что я услышала, потому что не могу молчать — ни как жена, ни как защитник.

Администрация СИЗО МВД ЛатССР во главе с подполковником Жуковым Б.А. не контролирует положения, а явно намеренно попуститльствует тому «беспредельному» произволу, который царит в СИЗО, где всем миром правят уголовники. Там, где бессильна ст.417 УПК ЛатССР¹, там действуют законы «волчьей своры».

1. «Обеспечение порядка содержания под стражей в местах предварительного заключения».

Будучи защитником мужа, я имела доступ к материалам дела, куда приобщены некоторые заявления мужа, написанные в СИЗО. 15 марта в ходатайстве N1 муж писал:

13 марта меня вызвали к следователю Грутупу. Я сообщил ему, что с 6 марта, т. е. со дня ареста, по 12 марта находился в больнице СИЗО. С 8 марта мне перестали выдавать лекарства, а дежурный по корпусу угрожал посадить меня в карцер, когда я предложил ему разговаривать повежливее. 12 марта из больницы меня выписали с температурой в районе 38. Кроме того, мне отказывают в бумаге и чернилах, чтобы обжаловать незаконные действия работников СИЗО.

Более того, 12 марта меня минут на 40 посадили в общую камеру, как потом выяснилось, по ошибке. В камере было человек 60. Я просил следователя Грутупа сообщить об этом тому ведомству, которое стоит за всем этим делом. С тем что если их планы не простираются так далеко, чтобы убить меня, то пусть примут меры, чтобы в дальнейшем подобные *ошибки* не повторялись. Посадить меня в общую камеру, где вновь прибывших раздевают, где существует «прописка», где люди из «зондеркоманды» за отказ принять законы волчьей своры избивали бы меня до полусмерти, отбив почки и печень, — значит обречь меня на верную гибель.

Мне давно уже известно, что жизнь не является абсолютной ценностью. Есть вещи поважнее жизни. И не во всех случаях за нее следует цепляться. Или, может быть, кто-нибудь думает, что уголовники в общей камере меня *перевоспитают*? И я, следуя их указаниям, буду послушно ловить мух и становиться на колени за получением фашек и ушек???

14 марта меня вызвали к следователю Грутупу. Я сообщил ему, что с 14 марта объявил голодовку, т. к. мне отказывают в лечении. С 6 марта у меня постоянно высокая температура, а воспалительный процесс в горле достиг таких размеров, что, когда я пытаюсь пить воду, она выливается через нос. Я просил следователя Грутупа раздобыть хотя бы несколько таблеток аспирина. Не наркотиков, не водки, а аспирина!

Как же реагировал следователь Грутуп на мои просьбы? Да очень просто: аспирин у него нет; на администрацию СИЗО он повлиять не может; что же касается общей камеры, то там не так уж плохо, никого там не убивают, да и порядка там больше. Ну, разумеется, «зондеркоманда» не сидит сложа руки.

Со слов мужа могу добавить. Там, в общих камерах, царит насилие. Там одни избивают, обируют, раздевают, унижают, морально уничтожают, извращают... другие вынуждены ловить мух (норма — 50 шт. в день, за каждую невыловленную муху — 12 ударов в пресс), часами стоять на коленях,

прислуживать, стирать чужое белье, пить, умываться, мыть пол — все из одного ведра, ходить по камере, низко согнувшись, весь день и разгибаться только 2 раза в день...

Вы думаете, администрация СИЗО об этом не знает? По словам мужа, администрация угрожала его сокамерникам (32 человека), что, если те не объявят ему бойкот и будут поддерживать отношения, их посадят в общую камеру на 60 чел. и уголовники расправятся с ними. Им грозили избиением, если они не подчинятся. Они подчинились. Кому охота пропадать? Как видно, администрацию СИЗО устраивает наличие волчьих законов как одного из методов устрашения.

Теперь о методах лечения. В ст.423 УПК ЛатССР говорится: «...Медицинское обслуживание, а также лечебно-профилактическая и противоэпидемическая работа в местах предварительного заключения организуются и проводятся в соответствии с законодательством о здравоохранении».

Где, в какой статье закона СССР о здравоохранении сказано, что больному, только потому что он находится в местах предварительного заключения, можно отказывать в лечении, тем самым *вынуждая* его объявлять голодовку? Со слов мужа мне также известно, что в его камере находился человек с открытой формой туберкулеза, которого привезли из туббольницы «Цеплиши» Огрского района.

В соответствии с каким законодательством проводится медицинское обслуживание, а также лечебно-профилактическая и противоэпидемическая работа такого сорта? Создается впечатление, что врачам, работающим в СИЗО, от уголовников передается дух «беспредела», а клятву Гиппократата они забыли навсегда.

В ст.423 УПК ЛатССР также говорится: «Лицам, заключенным под стражу, обеспечиваются необходимые жилищно-бытовые условия, соответствующие правилам санитарии и гигиены».

Возможно, что и обеспечиваются, но какой ценой?

За ходатайство N 2 о том, чтобы мужу заменили матрац по росту (1 м 90 см), он был водворен в карцер на 8 суток. В этом же ходатайстве говорилось, что его 20 дней не водили в баню.

За ходатайство N 7 («Прошу известить мою жену, чтобы она принесла мне средство от вшей или, по крайней мере, спички») он был водворен в карцер еще на 10 суток.

В списке мер взыскания, применяемых администрацией СИЗО к лицам, нарушающим требования режима (ст.427 УПК ЛатССР), водворение в карцер стоит на последнем, 4-м, месте. Однако к моему мужу эта мера применялась уже 5 раз, и количество дней пребывания в карцере на сегодняшний день достигло 43. Видимо, администрация СИЗО решила выполнить свое обещание, данное 1 июня моему мужу: «Сгноим в карцере».

Карцер — тюрьма в тюрьме — 3,5-4 кв. м, бетонный мешок, в подвале, на полу бывает вода, на ноги выдают калоши, нет окна, полумрак, кран включается снаружи (особо «доброжелательные» дежурные не хотят включать), горячая пища через день, деревянный настил (последний день на 3-х ногах) пристегивается к стене с 6 утра до 10 вечера, остальное время — на ногах... Когда в соседнем карцере умер человек, дежурная кричала ему: «Не подохни в мою смену, но подохни в следующую». Когда освобождаешься из карцера, тюрьма кажется райским уголком.

Так чем же так злосно нарушал мой муж требования режима?

1. Написал ходяйство N2. В разговоре шутил: «Раз нет матраца, пусть начальник СИЗО купит на свои деньги». Юмор оценили на 8 суток карцера (с 27 марта по 4 апреля).

2. Хотел пойти на прогулку (ст.421 УПК ЛатССР²). Дежурный не захотел вести, т. к. желающих было только двое. Муж спрашивал: «Почему лишают?», ответили: «10 суток карцера» (17-27 апреля).

3. Написал ходяйство N7 о вшах. Не знаю, как вшей, а мужа посадили на 10 суток карцера (22 мая — 1 июня).

4. Добавили 5 суток, неизвестно за что (1-6 июня).

5. 24 июня заставили сокамерников мужа написать 2 клеветнических заявления о том, что он якобы «бил стариков». Ничего умнее не могли придумать. Пока — 10 суток карцера. А что будет дальше???

«Применяемые к заключенным под стражу меры взыскания должны соответствовать тяжести и характеру проступка» (ст.427 УПК ЛатССР). Так вот, меры, применяемые к моему мужу, соответствуют тяжести и характеру ничем не оправданного произвола.

2. «Лица, заключенные под стражу, имеют право: пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью один час».

Что касается ходатайств N2 и N7, ставших причиной водворения в карцер, то вместе с ходатайствами N3 и N4 они были признаны «клеветническими», не были переданы адресату и не приобщены к материалам дела. Более того, ходатайства были направлены в адрес прокуратуры, что исключало возможность цензуры со стороны администрации СИЗО (ст.421 и 425 УПК ЛатССР)³. Как в таком случае администрация «догадалась», что они «клеветнические»? Видимо, особо «клеветническими» были признаны слова: «Прошу, чтобы мои процессуальные права соблюдались, ходатайства передавались».

В ст.421 говорится: «Лица, заключенные под стражу, имеют право: ... иметь при себе документы и записи, относящиеся к уголовному делу; пользоваться... книгами из библиотеки места предварительного заключения...»

15 марта муж писал в ходатайства N1: «...мне отказывают в бумаге и чернилах, чтобы обжаловать незаконные действия работников СИЗО». Его неоднократные требования выдать ему УПК так и не увенчались успехом. Отказались даже дать «Материалы 26 съезда КПСС». На свидании с мужем я отдала ему свой УПК, но его отобрали и вернули только в день суда. Более того, забрали даже 3 листа обвинительного заключения, т. к. из-за отсутствия бумаги муж сделал заметки по делу на оборотной стороне листов.

Так что же все это, если не насилие и произвол???

Я давно уже не рассчитываю на помощь, т. к. давно уже закрывают глаза на то, что происходит с нами, в органах прокуратуры и других официальных органах, демонстрируя тем самым полное безразличие к нарушениям закона.

Но я не буду молчать — ни как жена, ни как защитник!

3.7.84 г.

Зуншайн Т. А.
226001, Рига, Ленина, 111-22

3. Ст. 425: «Жалобы, заявления и письма, адресованные прокурору, просмотру не подлежат...». Ст. 421: «...имеют право... обращаться с жалобами и заявлениями в гос.органы... в порядке, установленном статьей 425...»

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

Михаил Герман

КИТАЙСКИЙ НЭП

20 октября прошлого года в Пекине состоялся Третий пленум ЦК компартии КНР. На этом пленуме было принято «Решение о реформе экономической структуры» — решение, которое «первый человек Китая» Дэн Сяопин назвал революционным. Большинство западных обозревателей считает, что китайская экономическая реформа («мирная революция») — самое знаменательное событие 1984 года.

Последовательное осуществление решений III пленума ЦК КПК должно привести к радикальным преобразованиям экономической жизни коммунистического Китая. А поскольку экономические отношения в обществе, согласно марксизму, являются определяющими, предполагаемая перестройка экономики может создать ситуацию, когда эпитет *коммунистический* рядом со словом *Китай* окажется лишним. Во всяком случае, если под словом «коммунизм» понимать то, что имеет в виду советская официальная доктрина.

Стремление китайских руководителей к переменам легко понять. Постоянные субсидии в убыточное (или, скажем, малопродуктивное) «народное» хозяйство, наряду с жесткой централизацией управления, превращают китайскую экономику в хронически нерентабельную, неспособную интенсивно развиваться, модернизироваться, обеспечить сотням миллионов жителей Китая хотя бы сносные условия существования. Государственные субсидии и дотации достигали 40% расходной части бюджета. Без реформ самое большое (по количеству населения) государство мира навсегда обречено было бы оставаться слаборазвитым и технологически отсталым. И естественно, руководители этого государства никогда не смогли бы удовлетворить своих внешнеполитических амбиций.

Создать рентабельное, быстро развивающееся хозяйство в стране — вот цель новых экономических реформ в Китае. И средство для достижения этой цели — внедрение в китайскую экономику рыночных отношений.

Прежде всего реформа предусматривает изменение системы планирования. Хотя в принципе китайские коммунисты не отрицают важного значения государственного планирования (газета «Хунци», например, пишет: «Китай — социалистическое государство и поэтому мы должны осуществлять плановое, а не рыночное хозяйство»), однако это планирование должно осуществляться «через товарное производство и товарный обмен». Социалистическое производство рассматривается как особый вид *товарного* производства.

Отныне в Китае не будет единого государственного плана. Обязательным будет лишь планирование производства жизненно необходимых для страны товаров. Индекс этих товаров включает 70 наименований. Среди них: рис, нефть и нефтепродукты, электроэнергия, листовое железо, цветные металлы, лесоматериалы, почти все виды сырья, оружие и... сигареты.

Производство же большей части сельскохозяйственной и промышленной продукции будет определяться так называемым *направляющим* планом. В этом случае управление должно осуществляться преимущественно при помощи политики цен, налогов, кредитов, с учетом требований рынка.

Наконец, сервис, мелкая торговля и производство некоторых предметов потребления вообще не подлежат планированию.

Важнейшим элементом новой экономической реформы является изменение системы ценообразования. Как и в Советском Союзе, в КНР цены на производственные товары практически не были никак связаны с их стоимостью. Государство произвольно устанавливало цены и не меняло их в течение десятилетий. Закон стоимости практически не действовал. III пленум нынешнего состава ЦК признал, что решение вопроса цен — это «ключ к преобразованию экономики». Теперь руководители предприятий сами будут определять цены на выпускаемую продукцию и ее количество (с тем, естественно, что оно будет не ниже определяемых

планом цифр — в случае обязательного планирования), самостоятельно искать поставщиков сырья и материалов и рынок для сбыта продукции, распоряжаться своими финансовыми фондами (в том числе и фондом зарплаты), вести кадровую политику.

Основным звеном в сельском хозяйстве теперь должна быть не коммуна, а крестьянское хозяйство. Как и руководитель предприятия, крестьянин теперь будет более свободен в определении того, что он должен производить, в каком количестве, где и по какой цене он сможет продать свою продукцию.

Тесно связана с реформой экономики и политика «открытых дверей» во внешний мир, т. е. политика расширения товарооборота с экономически развитыми странами, политика концессий, привлечения в страну иностранного капитала.

Решения III пленума ЦК КПК многие западные обозреватели по ассоциации с решениями X съезда ВКП(б) называют «китайским НЭПом». Действительно, есть много общего между экономическими преобразованиями в аграрной советской России 20-х годов и в аграрном Китае 80-х. В своем докладе о замене продразверстки натуральным налогом на X съезде Ленин говорил:

Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма... Мы в этом отношении очень много погрели, идя слишком далеко: мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно... Во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых нужно достать товары и продукты... Свобода оборота и свобода торговли, это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами... Нужно сказать мелкому хозяину: «Ты хозяин, производи продукты, а государство берет минимальный налог».

...оборот денежный, это — такая штука, которая прекрасно проверяет удовлетворительность оборота страны, и когда этот оборот бывает неправильным, то получаются из денег ненужные бумажки... Нам предложат вопрос и пожелают узнать: где достать товары? Можем ли мы теперь достать товары? Теперь сможем... Торговый договор с Америкой и Англией теперь, можно сказать, на мази; также и концессии... Тип экономических отношений, который вверху имеет вид блока с иностранным капитализмом, даст возможность для

пролетарской государственной власти свободного оборота с крестьянством внизу.»¹

И все же сходство китайской экономической реформы с советским НЭПом относительно. Большевики в России начали Новую экономическую политику сразу же после окончания гражданской войны, не имея опыта социалистического хозяйствования. У китайских коммунистов уже был за спиной 35-летний, пусть малоудачный, но собственный опыт. Кроме того у них перед глазами опыт Советского Союза и стран «социалистического лагеря».

Дискуссия о необходимости реформы китайской экономики, управление которой осуществлялось по советскому образцу, началась в КПК еще в 50-е годы. Уже в 1957-58 годах китайские экономисты поднимали вопросы о децентрализации и использовании таких регуляторных механизмов как цены и прибыль. «Большой скачок» и «Культурная революция» надолго прервали поиски путей совершенствования экономических отношений в Китае.

Лишь после смерти Мао Цзедунa, когда руководство партийным аппаратом оказалось в руках прагматиков, возобновились разговоры о необходимости экономических преобразований. Китайские социологи внимательно следят за опытом восточноевропейских стран, знакомятся с нереализованными моделями экономических реформ в Советском Союзе в 60-е годы, в Чехословакии времен «Пражской весны», в Польше, с югославской моделью социализма и хозяйственной политикой кадаровского руководства в Венгрии. Изучают они и экономическую теорию и практику капиталистических стран.

К началу 80-х годов в КПК выделились две группы руководителей, по-разному относящиеся к вопросу о необходимости экономических реформ: консерваторы во главе с Чень Юнем и сторонники радикальной реформы во главе с Дэн Сяопином и Чжао Цзяном.

Первая группа полагала, что директивный план должен быть по-прежнему главным инструментом регулирования экономической жизни, а рынок может выполнять роль вспомогательного регулятора. Практически их мысль своди-

1. В. И. Ленин, П. С. С., т. 43, сс. 57-73.

лась к следующему: на все основные виды продукции должны быть определены четкие квоты. Все, что предприятие производит сверх плана, оно выбрасывает на рынок. Рынок, таким образом, поможет привести цены в соответствие со стоимостью изделий и сделает прибыль показателем успеха работы предприятия, который позволит ему рассчитывать на преимущества при получении кредитов и при налогообложении и даст возможность широко использовать материальное стимулирование работников.

Как мы видим, даже группа консерваторов предлагала экономическое решение, которое в условиях Советского Союза рассматривалось бы как исключительно прогрессивное, чуть ли не революционное.

Группа Дэн Сяопина и Чжао Цзяна настаивала на том, чтобы план и рынок имели одинаковое регулирующее значение. Макроэкономика должна зависеть в первую очередь от плана, микроэкономика — от законов рынка.

Была еще в китайской компартии и третья группа, предлагавшая перестроить экономику в соответствии с югославской моделью, т.е. с рабочим самоуправлением на предприятиях. Правда, в этой группе практически не было людей, которые могли бы повлиять на политический курс страны, и следовательно, у нее не было шансов реализовать свои планы.²

Противники радикальных реформ опасались, что в случае, если рынок будет играть существенную роль как регулятор производства, недостаток необходимых товаров приведет к быстрому росту инфляции. Опасность инфляции, которая угрожает подорвать значение рыночных отношений, вполне реальна, однако инициаторы реформы надеются, что государство при помощи политики «открытых дверей» и планирования политики цен в наиболее важных отраслях экономики сможет с ней справиться. Решения III пленума ЦК приняты с учетом точек зрения как радикальной, так и консервативной групп в руководстве компартии. Это дает надежду на то, что проведение реформы не встретит серьезного сопротивления со стороны каких-либо партийных

2. Jiri Kosta «China on the road to a market economy?», RFE, 12.XI. 1984.

группировок. Рассчитывать на успех реформы позволяет и удачный опыт использования рыночных отношений в экономике в последние годы. Ведь по существу реформа китайской экономики началась не с принятия «Решения» на III пленуме, а пять-шесть лет назад.

Реформа в сельском хозяйстве (а в сельской местности проживает 80% населения Китая и производится 45% стоимости всего национального продукта³) проводилась постепенно, начиная с установления в 1979 году «всеобщей договорной системы», в соответствии с которой крестьянская семья, а не народная коммуна, становилась основной производственной единицей в сельском хозяйстве.

Земля теперь сдавалась крестьянской семье на период, как минимум, 15 лет. Ей же предоставлялась помощь в тягловой силе и механизмах. Решение о том, как организовать производство, где и когда сеять и собирать урожай, где и как продавать продукцию, должны принимать сами крестьяне. Крестьянская семья подписывала договор с народной коммуной, где было сказано, какое количество продукции она обязана поставить народной коммуне, и указывались закупочные цены, обычно более низкие, чем рыночные.

Обязательно поставлять государству крестьяне должны рис, пшеницу, кукурузу, масличные и волокнистые растения, соевые бобы, арахис, хлопок, сахарную свеклу, а также идущие на экспорт чай, коконы тутового шелкопряда, лекарственные растения. Мясо, молоко, масло, сыр, яйца не входят в число обязательно поставляемых продуктов, но зато крестьяне должны продавать государству кожу и шерсть.

Проценты производимой сельскохозяйственной продукции, которую крестьяне обязаны продавать государству, различны для различных продуктов. Например, для технических культур — это 80%, для зерновых — только 20%.

Все, что сверх того, крестьяне могут продать государству по ценам выше закупочных или выбросить на свободный рынок.

За дополнительные поставки зерна государству оно, как

3. Ch. Johnson, «The Guardian», 21. XI. 1984.

правило, доплачивает крестьянам 20% к закупочным ценам. За другие товары — добавка составляет около 50%. Чаще всего эти цены ниже рыночных, но бывают случаи, когда они превышают цены на рынке. На большинство товаров животноводства твердых цен нет, определены лишь верхний и нижний пределы цен, по которым крестьянин может продать их государству.

Цены на рынке, естественно, колеблются в весьма широких пределах в зависимости от местных условий. За право продавать продукты на рынке крестьяне должны платить налог, в среднем около 5% суммы, полученной от продажи товаров.

Каждая крестьянская семья должна выплачивать единый сельскохозяйственный налог, а затем вносить определенную сумму в общекоммунальные проекты (строительство и ремонт больниц, школ, клубов, дорог, административных зданий, технических сооружений и т. п.). То, что остается после этих выплат, составляет чистый доход семьи⁴.

Результаты реформ в сельском хозяйстве сказались очень быстро. Значительно улучшилась жизнь населения сельских районов: у крестьян появились денежные сбережения; довольно часто крестьянские семьи начинают строить новые дома — причем нередко в этих домах по 10-20 комнат; появились в крестьянских домах телевизоры, холодильники и другие бытовые электроприборы, покупают крестьяне и мотоциклы. Среднегодовой доход крестьян удвоился по сравнению с 1978 г. и составляет сейчас 310 юаней (117 долларов) на человека.

Намного улучшилось и снабжение городов. Ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции, который в 1953-78-гг. в среднем равнялся 3,5%, в 1979-82 гг. составил 7,5%. Производство зерновых в 1979-83 гг. в среднем ежегодно увеличивалось на 16,5 миллионов тонн. В прошлом году производство зерновых (в том числе риса) и картошки было рекордным — 387 млн. тонн. Увеличилось поголовье яков, овец, производство свинины. Одновременно в последние годы значительно уменьшился за счет снижения рождаемо-

4. K-E. W., Chinas Agrarpolitik zwischen Zentralisation und Dezentralisation, «Neue Zuercher Zeitung», 22. XI. 1984.

сти прирост населения в стране — до 1,1% в год. Очевидно, что питаться население миллиардного Китая стало гораздо лучше.

Изменения в промышленности в последние 5-6 лет были не столь выраженными. Практически вплоть до 1983 года управление большинством промышленных предприятий (а их в Китае около 400 000) осуществлялось при помощи единого плана, а центральный контроль за использованием трудовых ресурсов на предприятиях был даже более жестким, чем в других «социалистических» странах. Лишь для 6000 предприятий были, в порядке опыта, снижены обязательные цифры плана (опыт оказался более чем успешным). В 1982 году была введена единая система налогов на доходы предприятий (55% от доходов⁵), что могло бы ориентировать их на получение максимально возможной прибыли, если бы не стабильность устанавливаемых в центре цен и не ограниченные возможности руководителей предприятий распоряжаться своими фондами и рабочей силой.

Начиная с 1981 года, все большее значение придается кооперативным предприятиям, обладающим большей автономией, чем предприятия государственные. В это же время намного чаще государство стало давать разрешения на открытие мелких частных предприятий и фирм. Отступая от своих идеологических догм, китайские коммунисты руководствуются прагматическими соображениями: они хотят не только улучшить сервис, мелкую торговлю и производство пользующихся спросом у населения товаров, но и предоставить значительному числу людей работу. За полтора года — с конца 1982 г. до середины 1984 г. — количество работников, занятых в сфере частной собственности, увеличилось с 1500 000 до 7000 000.⁶

В начале 1984 года государство отменило обязательное планирование производства около 3000 видов товаров. В мае того же года было опубликовано постановление Государ-

5. Zhao Jinglun, «International Herald Tribune», 21. XI. 1984.

6. Jiri Kosta, «China on the road to a market economy?», RFE, 12. XI. 1984.

ственного Совета КНР о значительном расширении автономии государственных предприятий. Им было предоставлено право искать покупателя продукции и источники снабжения. Более самостоятельно могли теперь предприятия распоряжаться и своими фондами, в частности — использовать их для инвестиций в производство и поощрения хороших работников.

И наконец, принятое III пленумом ЦК КПК «Решение о реформе экономической структуры» в два раза уменьшило количество наименований товаров, производство которых определялось цифрами обязательного плана, позволило предприятиям продавать излишки продукции по «гибкой шкале цен», самим определять какие, когда и в каком количестве производить товары (из тех, на которые не распространяется обязательный план), относительно свободно распоряжаться прибылью. Что такое «гибкая шкала цен» — не очень ясно, да это и не может быть четко сформулировано, т. к. государственные цены будут зависеть в значительной степени от законов рынка. Важно, что партия и государство признали такую зависимость.

Открыто признали они и полезность конкуренции между предприятиями для развития экономики. Отказались китайские коммунисты и от уравнилельных тенденций в системе оплаты труда. Выступая 3 ноября прошлого года на встрече с партийными и хозяйственными руководителями, Ху Яобан признал необходимость значительной разницы в оплате труда хорошего, квалифицированного рабочего и рабочего плохо подготовленного или нерадивого. Особенно высоко должен оплачиваться, по мнению Ху Яобана, труд специалистов и интеллигенции⁷.

Очевидно, что успех реформы зависит от наличия товаров, спрос на которые постоянно увеличивается, современного оборудования и современной технологии, хорошо подготовленных специалистов и капиталовложений. Всего этого не хватает, и все это могут дать Китаю экономически

7. Кх., Dengs «Ära der Reform», Gelockertes Planungssystem für Chinas Industrie, «Neue Zuercher Zeitung», 17. XI. 1984.

развитые страны. Поэтому китайские руководители прямо связывают успех своих начинаний в области экономики с политикой «открытых дверей».

Уже в 1979 году были созданы четыре специальные экономические зоны на юго-востоке Китая, открытые для иностранного капитала. Затем были открыты еще 14 городов на побережье Южно-Китайского моря и подписаны с иностранными нефтяными компаниями контракты на поиски нефти в специально отведенных районах у берегов этого моря.

Специальные экономические зоны относительно небольшие. В 79 году на предприятиях с участием иностранного капитала работало всего 8200 человек, сейчас — более 30 000 на 400 фабриках. Правительство постоянно снижает налоги на доходы в специальных зонах, стремясь привлечь в эти зоны как можно больше иностранных фирм. Предприятия здесь самого разного профиля: японский завод по производству электронного оборудования, датский завод, выпускающий контейнеры для морских перевозок, американские мельницы и фабрика «Пепси-колы»... Условия контрактов различные. Например, компания по производству «Пепси-колы» подписала с китайской государственной компанией контракт на 15 лет. В течение первых 5 лет она будет получать 45% всей прибыли, затем — 40%.

Районы специальных зон, в прошлом экономически слаборазвитые, теперь превратились в индустриальные. В 1978 году промышленность составляла здесь всего лишь треть всего производства, сейчас — 83%.

Китайские рабочие на иностранных предприятиях проходят шестимесячную подготовку и становятся квалифицированными специалистами. Условия работы на этих предприятиях несравнимо лучше, чем на китайских, а заработки прямо зависят от результатов труда. В среднем в спецзонах китайские рабочие зарабатывают в 2-3 раза больше, чем в других районах страны.

Развитие зон могло бы быть более быстрым, если бы не постоянно возникающие трудности: нехватка электроэнергии, транспорта, плохие дороги и телефонная связь, низкая пропускная способность контрольных пунктов на границе и т. д.

Очень много внимания уделяет Пекин развитию торговых связей с границей. В ноябре 1983 года Китаю был предоставлен особый статус в торговле с США, что позволило ему значительно увеличить закупки американского промышленного оборудования. Особенно заинтересован Пекин в электронном оборудовании. В конце прошлого года в Шанхае была организована международная выставка электроники. 40 компаний, в том числе из США, Англии, Западной Германии, Гонконга, пытались заинтересовать китайцев продукцией своих предприятий. Очень активно покупает Китай лицензии. В прошлом году лицензий было куплено в два раза больше, чем в 1982.⁸ В ближайшие несколько лет Китай намерен использовать бóльшую часть резервов валюты для закупки современной технологии на сумму в 14 миллиардов долларов. Торгует Китай не только с капиталистическими и развивающимися странами. Намерен он расширить товарообмен и со странами Восточного блока. Недавно Пекин подписал торговое соглашение с Москвой. Объем торговли между двумя странами должен возрасти с 300 миллионов долларов в 1981 году до 1420 миллионов долларов в 1985 году. В дальнейшем руководители СССР и Пекина надеются увеличить торговый обмен до 6 миллионов долларов. Общий же оборот китайской торговли достиг в первые девять месяцев 1984 года 16,5 миллиардов долларов.

Пытается получить Китай на Западе и необходимые знания для своих специалистов. 33 000 студентов получили подготовку за границей в последние шесть лет. Это в два раза больше, чем за первые 27 лет коммунистического правления.

Конечно, радикальная перестройка экономических отношений не может не повлечь за собой изменений в идеологической надстройке. Это, если по Марксу. Но в данном случае все дело как раз в том, что менять-то надо именно марксистскую идеологическую надстройку. Ни марксизмом, ни тем более сталинско-маоцзедуновской идеологией оправдать происходящие в Китае перемены никак нельзя. И прагматичные руководители КПК предпочли следовать

8. T. Agres, R. Fontaine, «Washington Times», 3. I. 1985.

объективным законам общественного развития, а не мертвым догмам. Китайские коммунисты, которые еще совсем недавно даже советских ортодоксов называли ревизионистами и которые до сих пор не убрали с городских площадей портреты Сталина, открыто признали, что марксизм устарел и не подходит для решения сложных проблем современного Китая. 7 декабря прошлого года орган ЦК КПК, газета «Женьминьжибао» в передовой статье писала:

«Маркс умер 101 год назад, его работы более чем на столетие устарели... Есть много вещей, с которыми Маркс, Энгельс и Ленин никогда не сталкивались... Мы не можем решать наши сегодняшние проблемы, опираясь на труды Маркса и Ленина... Как наследники Маркса мы обязаны развивать и обогащать марксизм.»

Революция в идеологии? Во всяком случае — очень смелые для коммунистов утверждения. Руководителям Союза — страны, не менее, чем Китай, нуждающейся в реформах, — подобной смелости явно не хватает.

В радикальном характере происходящих в Китае изменений, сомневаться не приходится. Но в каком направлении движется Китай? Сами инициаторы реформ — Дэн Сяопин и Чжао Цзяян — отрицают, что они направлены на ресторацию капитализма. И действительно: пока большая часть орудий и средств производства находится в руках государства и общества, для утверждений, что Китай «сползает» в капитализм, нет оснований. Впрочем, так ли уж необходимо привязывать происходящее в Китае к каким-либо догмам? Важнее, по-видимому, то, в какой мере проводимые сейчас реформы скажутся на возможности каждого гражданина страны реализовать свой творческий потенциал, т.е. на свободе творчества.

На проходившем в январе этого года съезде китайских писателей много говорилось о том, что вмешательство партийных органов в дела китайской интеллигенции должно быть ограничено, что партия и государство должны гарантировать писателям свободу творчества.

Было бы иллюзией полагать, что требования писателей будут немедленно удовлетворены. Но все же определенную идеологическую раскованность в последние год-два отмечают почти все западные наблюдатели. Издаются книги

многих раннее запрещенных писателей — и китайских и иностранных. На экранах и в театрах идут западные фильмы и пьесы. Год назад, например, в Пекине шла пьеса известного американского драматурга Артура Миллера «Смерть коммивояжера», причем главную роль в ней играл актер, который в годы «Культурной революции» был в ссылке. Политика «открытых дверей», по-видимому, приоткроет и двери для западной культуры. «Это сложная задача, — пишет газета «Нью-Йорк Таймс», — допустить в страну идеи Джефферсона, но ведь совсем недавно казалось немыслимым, чтобы Китай согласился на Гёте и Толстого». Уровень творческой свободы в Китае, по всей вероятности, будет зависеть и от того, в какой мере китайские коммунисты способны на пересмотр своих прежних позиций, и от того, насколько энергично будет добиваться этой свободы китайская интеллигенция. Сейчас, во времена политики «открытых дверей» и всеобщего интереса к китайским проблемам, делать это будет намного легче, чем в прошлом.

Не все гладко идет и будет идти в Китае. Даже если Дэн Сяопину и Чжао Цзяну удастся заручиться поддержкой большинства в руководстве КПК, в среднем звене партийного и государственного аппарата останется много противников реформ. Именно поэтому Дэн Сяопин и его сторонники начали проводить широкую чистку партийных кадров, стараясь заменить старых аппаратчиков более молодыми и прагматичными людьми.

Наиболее серьезна опасность инфляции. Государству нужно будет ограничить рост цен на товары — неминуемое следствие политики «гибких цен» и хозяйственной свободы. Повышение зарплат рабочих и служащих при недостатке необходимых товаров может привести к тому, что деньги будут обесцениваться. Помимо инфляции угрожает стране и безработица.

Многое будет зависеть от того, насколько мягко будет осуществлять свою регулирующую роль в экономике государство, в какой мере удастся удовлетворить потребности рынка изделиями китайской промышленности, продуктами китайского сельского хозяйства и товарами, купленными за

рубежом, от того, какое количество новых рабочих мест можно будет создать в Китае при помощи иностранных инвестиций и частного капитала. Проблемы сложные, но китайское руководство демонстрирует, что оно понимает их сложность. Уже разрабатывается к примеру, система социального страхования трудящихся в случае безработицы — с учетом опыта западноевропейских стран.

Проблем много, и многие западные экономисты считают, что Китай в ближайшее время, возможно даже в этом году, столкнется с серьезными трудностями. Но, по их мнению, трудности эти преодолимы, и в перспективе Китай сможет превратиться в экономически развитую страну. Предполагая, что экономическое развитие будет сопровождаться и общественным развитием в сторону демократии, можно надеяться, что китайская экономическая реформа станет началом преодоления тоталитаризма.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА III ПЛЕНУМЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМИССИИ СОВЕТНИКОВ КПК

Я думаю, что нынешний состав ЦК партии продемонстрировал свою способность правильно решать самые сложные проблемы. Иностранские газеты и журналы неизменно пишут о том, что я сыграл определенную роль при вынесении решений. Согласен, но основная работа была сделана другими товарищами. Я действительно предложил некоторые идеи, но именно эти товарищи делают самую существенную работу по решению наших проблем и приведению в порядок всего комплекса наших дел.

Например, «Решение о реформе экономической структуры», только что принятое III пленумом ЦК 12-го созыва, привлекло к себе самое большое внимание. Все считают, что это документ исторического значения. Я не написал ни одной буквы в этом документе, не внес никаких изменений. И тем не менее это очень хороший документ. Так и во всем остальном. Не следует утверждать, будто моя роль очень важна. Такое паблисити может создать ряд затруднений для нас, т. к. у людей может сложиться представление, что наша политика изменится после смерти Дэн Сяопина. Это ошибочное мнение распространено за границей. Есть и такие, что думают будто наша политика не изменится пока живы Ху Яобан и Чжао Цзян. Эта точка зрения нас больше устраивает. Но товарищу Яобану 69 лет, а товарищу Цзяну — 65 лет. Обоим скоро 70. Мы же хотим объяснить миру: ничто не изменит наши нынешние принципы, нашу политику и стратегию. Почему? Потому что их правильность подтверждена жизнью. Народ не одобрит изменений, которые нанесли бы ущерб его интересам и интересам страны. Мы говорим, что нынешняя политика успешна, т. к. страна стала на путь процветания, уровень жизни людей повысился и престиж нашего государства в мире вырос. И это самое главное.

Наша политическая линия оказалась успешной прежде всего в сельском хозяйстве. И наша сельскохозяйственная политика не изменится, потому что любые изменения тотчас же приведут к снижению жизненного уровня 800 миллионов крестьян и вызовут их сопротивление. В сельских районах все еще есть несколько десятков миллионов людей, которые не могут полностью удовлетворить свои потребности в пище и одежде, но и их уровень жизни теперь намного выше, чем был прежде. Центральные власти уже разработали меры помощи самостоятельному развитию бедных районов. Сейчас государство имеет возможность помочь этим районам. В подавляющем большинстве областей Китая уже идет развитие к лучшему. Проблему бедных районов будет нетрудно решить, если им поможет не только государство, но и другие, более развитые районы страны.

Наша политика не изменится не только в период жизни товарищей Яобана и Цзияна, но и при третьем, четвертом и пятом эшелонах руководителей. Никакие изменения невозможны. Во время моих недавних встреч с иностранными гостями я много раз говорил о том, что наша политика не изменится и они могут рассчитывать на ее постоянство. Тем не менее они в этом еще окончательно не убеждены. Это очень серьезная проблема, и я ее осознаю. Поэтому я намерен свести свое участие в работе к минимуму. Это даст следующие преимущества: во-первых, я смогу прожить дольше, во-вторых, если я уменьшу свою рабочую нагрузку, другие товарищи будут делать больше. Я должен сказать, что товарищи эти очень энергичны и смогут решать многие вопросы лучше, чем я. Я же надеюсь постепенно совсем отойти от работы и поддерживать себя в хорошей форме. Таким образом мой долг будет выполнен. Сейчас же, мне кажется, я должен еще выполнить кое-какую работу. В прошлом году я занимался только одним делом — борьбой с преступностью. В этом году я сделал два дела: первое — открытие для внешнего мира еще 14 городов, второе — урегулирование проблемы Гонконга по принципу «одна страна — две системы». Все остальное сделали другие.

Принцип «одна страна — две системы» учитывает реальности Китая. Китай стоит перед двумя проблемами —

Гонконга и Тайваня. Есть лишь два пути решения этих проблем — путь переговоров и путь использования силы. Решение, достигаемое путем переговоров, может быть только таким решением, которое устроит все заинтересованные страны. В случае Гонконга оно должно удовлетворить Китай, Британию и жителей Гонконга. Что же здесь может подойти? Очевидно, что социалистическое переустройство Гонконга не может устроить все стороны. Я говорил в своих беседах с иностранцами, что при решении международных споров следует учитывать новые условия и новые проблемы и решать эти проблемы надо новыми методами. Принцип «одна страна — две системы» разработан с учетом нашей действительности, но он может быть широко и с успехом применяться и при решении других международных вопросов. Без должного урегулирования многие международные конфликты могут завершиться взрывом. Я сомневаюсь, что можно успешно применять в одних случаях только метод «одна страна — две системы», в других же — принцип «совместного развития». Принцип этот должен использоваться в дополнение к методу «одна страна — две системы». Мы, китайцы, — сторонники мира, и мы хотим решать международные споры мирным путем. Что же конкретно означает этот мирный путь? В том числе и использование концепций «одна страна — две системы» и «совместное развитие» — новых и перспективных концепций.

Удача в решении проблемы Гонконга вовсе не означает, что мы — участники переговоров — обладали особыми талантами. Она прежде всего связана с тем фактом, что в последние несколько лет наша страна превратилась в быстро развивающееся, заслуживающее доверия государство. Мы — добросовестный народ, и мы знаем, что говорим. После разгрома «банды четырех» и, в особенности, после III пленума ЦК 11-го созыва произошли обнадеживающие перемены. Мы изменили образ нашей страны. В последние пять с чем-то лет наша страна очень изменилась. И в самом Китае и за границей это ясно всем. Мы можем этими переменами гордиться. Конечно, гордость — не то же самое, что спесивость. Мы не должны быть спесивыми хвастунами. Должны помнить, что и после всех перемен мы все еще отстаем.

Но события показали, что у нас многообещающее будущее. Свидетельство тому — решение проблемы Гонкон-

га. Это решение — результат применения наших основных принципов, стратегии «одна страна — две системы» и обоюдных усилий китайской и английской сторон.

Решение вопроса Гонконга может послужить толчком для решения и тайваньской проблемы. Метод «одна страна — две системы» может подойти и в этом случае. Чень Чинхуа призвал к объединению на основе «трех принципов народа». Реально ли это? То, что мы называем «тремя принципами народа» применялось в Китае в течение 22 лет — с 1927 по 1949. Что же произошло в Китае потом? Поднялся китайский народ. С какого времени? С 1949 года. Социализм и коммунистическая партия дали подняться китайскому народу. Используя метод «одна страна — две системы», ни вы не сможете поглотить меня, ни я вас. Плохо ли это?

Однажды один иностранец спросил меня, похож ли вопрос Тайваня на проблему Гонконга. Я сказал, что в случае Тайваня решение могло бы быть более мягким. Под «более мягким решением» я понимал — имея в виду возможность применения гонконгского решения к Тайваню, — что Тайвань может сохранить свои вооруженные силы. Несколько дней назад я разговаривал о проблеме Тайваня с другим иностранным гостем. Я сказал ему: «Мы хотим решить вопрос Тайваня мирным путем, но не исключаем и немирных способов решения проблемы».

Но вернемся к вопросу о внутреннем экономическом строительстве. Для начала я хочу сказать, что нынешнее китайское руководство добивается намеченных целей правильными методами. В целом положение прекрасное. В «Решении» отмечено, что политическая стабильность и единство продолжают укрепляться. Так ли это? Действительно, так. Оглянемся на нашу партийную историю. Часто ли нам удавалось добиваться столь благоприятного положения? В своих беседах с иностранцами я иногда беру на себя смелость заявлять: «Цель — увеличить в четыре раза ежегодный выпуск продукции — может быть достигнута.» В прошлом мы не могли утверждать подобное. Мы, бывало, говорили, что сможем вчетверо улучшить наши ежегодные показатели, но лишь в случае большой удачи. В течение трех из первых

четырёх лет VI пятилетнего плана обязательные плановые задания по большинству видов продукции были выполнены. В этом году план будет перевыполнен. Мы говорили, что если бы среднегодовой прирост в первые десять лет был 6,5%, а в среднем за двадцать лет — 7,2%, наша цель была бы достигнута. Сейчас кажется, что прирост уже в первые десять лет может быть больше 7,2%, поскольку в первые три года мы имеем среднегодовой прирост около 8%.

Увеличить в четыре раза ежегодный выпуск продукции промышленности и сельского хозяйства — дело исключительно важное. Это будет означать, что к концу нынешнего столетия суммарный национальный продукт Китая будет равен 1000 миллиардов долларов. К тому времени Китай будет на одном из первых мест в мире по суммарному национальному продукту (хотя и не по доходу на душу населения). С точки зрения жизненного уровня народа — эти 1000 миллиардов долларов дадут нам такой уровень жизни, который можно было бы назвать довольно благополучным. С точки зрения нашей национальной мощи — мы станем достаточно сильным государством. Если мы используем для нашей обороны лишь 1% суммы национального продукта, это составит 10 миллиардов долларов, а если 5% — 50 миллиардов долларов. Все это сможет дать национальный продукт, общей стоимостью в 1000 миллиардов долларов. Мы сможем использовать для различных деловых операций 10 миллиардов долларов, и это позволит нам усовершенствовать значительную часть нашего оборудования. Если мы используем 1% общей суммы для науки и образования, мы сможем открыть много университетов и сможем выделить больше средств для ликвидации неграмотности. Инвестиции в сферы, связанные с нашим интеллектуальным развитием, вовсе не должны ограничиваться одним процентом. Это сейчас, когда у нас так много нерешенных проблем, нам трудно увеличить расходы на образование и научные исследования. К концу столетия уровень жизни нашего народа будет относительно высоким, во всяком случае намного лучшим, чем сейчас.

В прошлом году я был в Сучжоу. По данным местных властей, годовой выпуск промышленной и сельскохозяйственной продукции *per capita* равнялся приблизительно 800

долларам, в пересчете на суммарный национальный продукт — 400 долларов на человека. Я ознакомился с жизненными стандартами в Сучжоу. Во-первых — люди из Сучжоу не стремятся перебраться в Шанхай или Пекин. Возможно, люди из этой провинции вообще не любят покидать свои места, но скорее всего они довольны условиями жизни здесь. Второе — каждый человек имеет здесь 20 кв. м жилплощади. Третье — образование стало всеобщим. Четвертое — люди теперь могут удовлетворить свои потребности не только в пище и одежде, но и в необходимых бытовых электротоварах, которые становятся все более популярными. Пятое — произошли большие изменения в сознании людей. Количество нарушений закона и дисциплины, преступлений и проступков резко сократилось. Было и многое другое, чего я сейчас не могу вспомнить. Но даже те изменения, о которых я только что рассказал, кое о чем говорят. Мы и впредь будем вести постоянную борьбу с преступностью, но если мы добьемся выполнения наших заданий, сознание людей будет иным. Материальная база — это основное.

С ростом материального благополучия и повышением культурного уровня мировоззрение людей будет меняться. Подавлять преступность необходимо и мы будем продолжать это делать. Однако мы не сможем радикально решить проблему, используя лишь этот метод. Для фундаментального решения нам надо добиться увеличения в 4 раза ежегодного выпуска промышленных и сельскохозяйственных товаров. До этого времени мы будем, очевидно, продолжать наши усилия с целью повышения уровня образования населения, будем продолжать работу с людьми, без которой нельзя обойтись. Нам будет намного легче делать наше дело при хорошей материальной базе.

Мы можем смело утверждать, что задача четырехкратного увеличения ежегодного выпуска продукции вполне выполнима. Но какой будет политическая ситуация, когда эта цель будет достигнута? Я думаю, тогда будет действительно достигнуты стабильность и единство. К тому времени международное положение Китая, его значение в мире будут совершенно иными. Государство станет действительно мощным. А пока — в течение ближайших 20 лет — мы должны много работать и вести трудную борьбу. Еще 16 лет до 2000-го

года. Мы должны отдать работе все свои физические и духовные силы.

Четырехкратное увеличение ежегодного выпуска продукции нашей промышленности и сельского хозяйства будет иметь и еще одно значение. Оно будет новым отправным пунктом. Через 30-50 лет после этого мы приблизимся вплотную к уровню экономически развитых стран — я имею в виду качество продукции и жизненный уровень людей, а не систему. Это мыслимо, возможно и достижимо. Во время одной из недавних встреч с иностранными гостями меня спросили: «Почему Вы говорите, что в Гонконге все останется без изменений в течение 50 лет? Что Вы имеете в виду?» Я ответил, что после того, как мы добьемся четырехкратного увеличения ежегодного выпуска продукции к концу столетия, у нас будут новые цели. В последующие 30-50 лет мы будем стремиться достичь уровня экономически развитых стран. Почему мы говорим, что в Гонконге все останется без изменений в течение 50 лет после 1997 года и что политика привлечения иностранного капитала и открытых дверей во внешний мир — это долговременная политика, которая, если все благополучно завершится с Гонконгом, будет продолжаться как минимум 60-70 лет? Потому что наши цели — и четырехкратное увеличение ежегодного производства товаров и то, чего мы намерены добиться потом, — не могут быть достигнуты без политики открытых дверей во внешний мир. Если мы закроем выход в мир при таком малом внешнеторговом обороте как нынешний, как мы сможем в четыре раза увеличить свое производство? Легче всего объяснить наше отношение к проблеме с этой точки зрения. Но есть и другие. Если общая стоимость нашего национального продукта будет составлять 1000 миллиардов долларов, что будем мы делать с нашими товарами? Должны ли они все быть розпроданы внутри страны? Будем ли мы производить все, в чем мы нуждаемся? Разве не нужно будет нам покупать некоторые товары за границей и продавать кое-что из производимого у нас другим странам? Вот почему мы говорим, что без политики открытых дверей во внешний мир мы не сможем добиться своей ближайшей цели и тем более не сможем достичь прогресса

после того, как эта цель будет достигнута. Иностранцы ошибаются, полагая, что политика открытых дверей может измениться. Я утверждаю, что она не изменится. Я говорю: годы до конца этого столетия будут годами борьбы за достижение нашей ближайшей цели, а после этого у нас будет другая задача, для решения которой нам понадобится 30-50 лет, т. е. в общем — более 50 лет.

Мы будем честными в нашей открытой политике в течение этих 50 лет. Любая страна, закрывая двери во внешний мир, перестает прогрессировать. Мы знаем это по собственному горькому опыту и опыту наших предков. Император Чендзу из династии Мин проводил довольно открытую политику; это он отправлял Чжен Хэ в экспедиции на Запад. После того, как он умер, династия Мин постепенно ослабла и в Китай вторглись иностранцы. Канси и Цяньлуна из династии Цин нельзя назвать императорами, проводившими открытую политику. И Китай оказался закрытым для международных связей в течение более чем трех столетий (с середины правления династии Мин до «опиумной войны») или, как минимум, двух столетий (со времен императоров Канси и Цянлуна). С тех пор Китай превратился в нищую и отсталую страну.

В период первых пятилеток после образования КНР мы были открыты во внешний мир, но только в сторону СССР и стран Восточной Европы. Позже мы закрыли и эти двери и больше не знали прогресса. Конечно, были и другие причины (в том числе и наши ошибки), которые привели к застою. Мы должны иметь выход во внешний мир. Политика открытых дверей не нанесет нам ущерба.

Некоторые из наших товарищей боятся, что злой дух капитализма проникнет в нашу страну. Больше всего они боятся, что мы превратимся в капиталистов. Ветераны боятся обвинений в капитализме — после того, как они всю свою жизнь посвятили социализму и коммунизму. Нет оснований бояться таких обвинений — политика открытых дверей к капитализму не приведет. Могут быть какие-то негативные последствия, но мы сможем легко их преодолеть, если будем помнить о такой возможности.

Закрывать страну для внешнего мира на последующие 50 лет — значит сделать недостижимым для нас уровень экономически развитых стран. Когда же мы достигнем уровня

развитых стран с доходом в несколько тысяч долларов на душу населения, у нас не появится новая буржуазия, потому что собственность на основные средства производства будет оставаться в руках государства и общества. Нет ничего плохого в том, что страна будет становиться все более богатой и мощной, а материальный и культурный уровень жизни народа будет постоянно расти.

В последние 16 лет этого века, независимо от того, будем ли мы открыты или нет, экономика, основанная на общественной собственности, будет неизменно оставаться доминирующей. В концессиях с иностранцами, как минимум, половина собственности будет социалистической; мы будем получать большую часть ежегодного дохода. Не надо бояться. Государство и народ, а не капитализм, получают большую часть прибыли. Да, конечно, будет и определенное негативное воздействие, но мы сумеем справиться с ним. Этот документ хорош тем, что в нем объясняется смысл социализма и содержатся слова, которых не знали наши предки — новые слова. По-моему, в документе этом все ясно. В прошлом мы не могли бы написать такой документ. Не имея мы практического опыта последних нескольких лет, не смогли бы мы подготовить его. А если бы и написали, то не смогли бы принять. Мы воспользовались нашим практическим опытом, чтобы ответить на некоторые новые вопросы, возникшие в связи с новыми обстоятельствами. Разве мы не указали в нем на основополагающие четыре принципа? Этот документ должен рассматриваться как реальное средство укрепления социализма. Иначе мы должны были бы предпочесть «сорняки социализма росткам капитализма», как это делала «банда четырех». Идеологическая эмансипация — вот задача для наших ветеранов. Было бы очень хорошо, если бы товарищи из трех организаций — Центрального комитета, Центральной комиссии советников и Центральной комиссии по проверке дисциплины — одобрили этот документ, поняли его программное значение. Это хороший документ.

«Решение» состоит из десяти частей. Наиболее важная часть — девятая, хотя и все другие части, конечно, тоже очень важны. Смысл части IX кратко можно передать так: «Уважение

к знаниям, уважение к таланту людей». Ключевым вопросом, от решения которого зависят наши будущие успехи или поражения, является вопрос о том, сможем ли мы выявлять талантливых людей и использовать их. Скажу более конкретно. Некоторые товарищи очень хороши сейчас — в свои 50 или около того. Но через десять лет им будет 60. Нам уже сегодня необходимо широко привлекать к делу людей молодых и среднего возраста. В частности, товарищ Чень Юнь указал на необходимость подбора кадров молодых людей 30-40 лет. Это очень правильное мнение. После того, как такие люди будут отобраны и продвинуты, они смогут работать довольно долго. Хотя они недостаточно опытные, они приобретут опыт через пару лет. Хотя они сейчас не во всем компетентны, они станут компетентными через пару лет. У них достаточно светлые головы.

В следующем году будет проводиться широкая чистка партии — в различных организациях и на предприятиях. Это исключительно важное дело. Успех или неуспех его будет зависеть от того, сможем ли мы выявить достаточно много молодых кадров. В конце столетия людям, которым сейчас 30, будет более сорока, а тем, кому сейчас 40, — больше пятидесяти. Для выполнения наших последующих заданий они будут уже достаточно старыми. Наши ветераны должны посоветовать, как решить эту проблему. Им нужно по-иному посмотреть на эти вещи. Они должны это сделать. Необходимо убедить старых товарищей освободить свои посты. Иначе не будет вакантных мест для молодежи. Хотя в целом положение характеризуется стабильностью и единством, этот вопрос остается довольно сложным и все еще нерешенным. Не страшно, когда возникают те или иные вопросы. Но неудачное решение этого вопроса может создать серьезные проблемы и привести к ошибкам в будущем. Это вовсе не легко для пожилых и старых товарищей — освободить свои места. Но эту задачу мы должны решить и этим путем идти.

Два года назад я сказал, что надеюсь подать пример в решении проблемы ухода в отставку. Я занимался этой проблемой в позапрошлом году. Консультативная комиссия — вот путь перехода. В конечном счете мы должны разработать систему ухода в отставку. Очевидно, что есть

определенное количество постов, где мы и после этого могли бы проявить свои личные качества и свое административное умение.

Если старшие товарищи не освободят своих постов, у молодых не будет возможности продвижения. Если молодые не будут продвигаться, как может быть успешным наше дело? В этом смысле мы также должны следовать примеру развитых стран. Некоторые страны III мира также довольно успешно решают такого рода вопросы. Недавно я узнал, что во многих странах большинство министров в возрасте около 30 лет. Есть и более старые министры, но их относительно мало. Премьер-министры могут быть постарше, но и им в среднем около 50 лет. Когда мы только вступали в города, мы были молодыми. Мне было только 45, а многие товарищи были моложе меня. В конце 1927 года, когда я в первый раз стал Генеральным секретарем ЦК КПК, мне было всего 23 года — а это был самый высокий у нас официальный пост. В то время я ничего не знал, но я смог занять этот пост.

В заключение я хочу сказать, что подбор молодых кадров — самая главная задача Консультативного совета.

22 октября 1984 г.

(Перевод с английского В. Панченко)

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МЫ ВПРАВЕ ТРЕБОВАТЬ ОТ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УВАЖЕНИЯ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

(Беседа Виктора Федосеева с Помощником Государственного секретаря США по вопросам прав человека Эллиотом Эйбрамсом)

В. Федосеев:

Господин Эйбрамс, Вы занимаете должность Помощника Государственного секретаря США по правам человека и другим гуманитарным вопросам. Аналогичной должности нет в советском и восточноевропейских правительствах. Не могли бы Вы пояснить, в чем заключаются Ваши служебные обязанности?

Э. Эйбрамс:

Разумеется. Моя основная задача в этой должности — следить за тем, чтобы проблематика прав человека никогда не упускалась из виду при осуществлении американской внешней политики. Внешняя политика любого государства всегда отражает целый ряд частных соображений — например, политические интересы страны, экономические интересы, соображения безопасности. Одним из аспектов политики Соединенных Штатов является проблематика прав человека. Мы стремимся к тому, чтобы как можно в большем числе стран соблюдались индивидуальные права человека, чтобы в этих странах расширялась демократия. Мы поднимаем этот вопрос везде, где только предоставляется возможность, хотя, разумеется, она предоставляется далеко не всегда. Моя прямая обязанность — следить за тем, чтобы во всех начинаниях Государственного секретаря США всегда

* Виктор Федосеев — политический обозреватель радио «Свобода», редактор программы «Права человека».

принималась в расчет проблематика прав человека. Есть у меня и еще одна обязанность, о которой стоит упомянуть: в моей компетенции находятся также вопросы предоставления политического убежища в Соединенных Штатах.

Ф.: Понятно. Скажите, пожалуйста, действительно ли политика последовательного отстаивания прав человека неизбежно ведет к конфликтам? Ведь американскому правительству приходится делать нелегкий выбор, сознавая, что такая политика может осложнить двусторонние отношения с некоторыми странами. Хотя есть люди, которые вообще считают, что без борьбы, без конфликтов не может быть и речи о правах человека. Каково Ваше мнение на этот счет?

Э.: Конечно, без проблем, без конфликтов, как Вы говорите, не обойтись в таком деле, но в действительности их гораздо меньше, чем подчас думают. В конечном счете, мы не очень заинтересованы в кратковременных отношениях с правительством, которое продержится у власти каких-нибудь 3-4 или 5-6 лет. Мы заинтересованы — по крайней мере должны быть заинтересованы — в стабильных и долгосрочных отношениях с народом такой страны. Вот почему, когда мы ставим вопрос о правах человека, мы можем вызвать раздражение у премьер-министра или президента страны в данный момент, но, по нашему глубокому убеждению, мы выступаем при этом в защиту народа этой страны. Рано или поздно народ поймет и оценит это. Таким образом, в долгосрочной перспективе мы фактически улучшаем отношения между нашими странами. Конфликт, как Вы видите, не так велик, как это может показаться. С другой стороны, как Вам известно, подавляющее большинство демократических стран настроено дружелюбно по отношению к Соединенным Штатам — т.е., содействуя распространению демократии в мире, мы не только уменьшаем вероятность конфликтов, но также приобретаем новых друзей. Народы свободных стран, как правило, связывают узы дружбы, и все они равно заинтересованы в прочной демократии.

Ф.: Если я не ошибаюсь, в ноябре 1984 г. исполнилось три года с тех пор, как Вы возглавили Отдел по вопросам прав человека при Государственном департаменте США. Устраи-

действенно защитить свои права. Это не значит, что в таком обществе не бывает злоупотреблений, но это значит, что, если злоупотребления имеют место, всегда найдется независимый орган печати, чтобы сообщить о них; есть также подлинно представительный парламент, чтобы обсудить любые злоупотребления; есть, в конечном счете, независимый суд, где любой гражданин вправе рассчитывать на справедливость. Таким образом, только демократическая система надежно обеспечивает уважение к правам человека. Поэтому в основе нашей политики всегда лежит стремление к расширению демократии в мире.

Ф.: Какие действия, предпринимавшиеся американским правительством в области прав человека, представляются Вам наиболее успешными?

Э.: Разумеется, ни Соединенным Штатам, ни любой другой стране не по силам изменить мир — и я не питаю на этот счет никаких иллюзий. Нам приходится иметь дело более чем со ста шестьюдесятью странами, каждая из которых имеет свою неповторимую историю и отличается от всех прочих уровнем своего политического развития. Выработывая свой подход к той или иной стране, мы постоянно учитываем ее особенности. Нельзя не заметить результаты наших конкретных действий. Посмотрите, как изменилось за последние три с половиной года положение в Аргентине. С таким же успехом можно было бы назвать Гондурас или Сальвадор — страны, в которых военная диктатура уступила место гражданскому правлению. Во второй половине ноября 1984 года в Уругвае, после десяти лет военной диктатуры, восстановлена демократия: 25 ноября там состоялись всеобщие выборы. Конечно, главная заслуга в таком развитии принадлежит самому населению этих стран, никогда не прекращавшему борьбу за свои права. Но и мы помогали, как умели. Мы использовали все свое влияние, чтобы дать понять военным: «Ваше время истекло! Ваша страна нуждается в демократии. Возвращайтесь в свои казармы!»

Ф.: В своем докладе, прочитанном в марте 1984 года в Лондоне, Вы упомянули о том, что активное воздействие американской политики в области прав человека двоякое:

вает ли Вас термин «права человека» или же в ряде случаев Вы сочли бы более уместным говорить об «индивидуальных правах», «гражданских свободах», «политических правах»?

Э.: Ну, что ж, вероятно, если бы нам пришлось начинать с нуля, можно было бы остановиться на определении «индивидуальные права». Но нынче термин «права человека» стал общепринятым; в мире им пользуются все — и те, кто соблюдает эти права, и те, кто их игнорирует. Он стал составной частью нашего общего языка.

Ф.: Но случается, что некоторые люди, пользуясь определением «права человека», подразумевают под ним нечто иное — например, гарантию от безработицы, гарантию от голода.

Э.: Это верно, но, сменив термин на другой — на «индивидуальные права», например, — мы проблемы не решим. Во всех своих письменных и устных выступлениях мы всегда старались ясно дать понять, что, говоря о правах человека, мы имеем в виду основные гражданские и политические свободы, а также то, что обычно именуется признанием «достоинства личности» — под этим подразумевается недопустимость пыток, принуждения, физического воздействия и тому подобного. Но в целом, и мы это постоянно повторяем, права человека можно свести к основным политическим и гражданским свободам.

Ф.: Что представляет собой, на Ваш взгляд, политика Соединенных Штатов в области прав человека?

Э.: В принципе политика Соединенных Штатов преследует следующие цели: расширение индивидуальных свобод во всех странах мира и повсеместное развитие принципов демократии. По нашему мнению, лучшей и в конечном счете единственной гарантией соблюдения прав человека является демократическая система. Возьмите для примера Советский Союз. Все так называемые «права», которыми там располагает гражданин, на деле являются вовсе не правами, а скорее «даром» государства. Завтра утром их могут дать, а пополудни отнять. Демократическая же система — это такое общественное устройство, где человек имеет возможность

оно не только сводится к критике и наложению санкций в ответ на нарушения прав человека, но и проявляется в поощрении «расширения» демократии, как Вы об этом только что говорили. Думаете ли Вы, что Соединенные Штаты могли бы делать гораздо больше для распространения демократии в мире?

Э.: Всегда есть возможность сделать еще больше, чем делается. По моему мнению, нами и так сделано немало — программа была выполнена успешно. В своих действиях мы ограничены одним фактом, о котором никогда не следует забывать: ни одна страна не может, не прибегая к вторжению, эффективно вмешиваться во внутренние дела другой страны. И если у вас нет желания использовать военную силу, то все, что вам остается, — это пустить в ход имеющиеся рычаги воздействия, регулируя, к примеру, экономическую помощь. Именно это мы и пытаемся делать. В ряде стран мы оказываем посильную помощь независимым изданиям или коллегиям адвокатов в стремлении активизировать их работу. Вопрос этот исключительно сложный, так как мы затрагиваем здесь, пожалуй, самый деликатный и важный аспект внутренней жизни отдельных государств. Тем не менее, мы пытаемся честно решить его, пользуясь доступными нам несиловыми внешнеполитическими приемами.

Ф.: Коммунистические правительства, в частности правительство Советского Союза, не раз подчеркивали, что между западными демократиями и социалистическими странами существует принципиальное различие в трактовке основных прав человека. Так, они утверждают, что права коллектива, права общества в целом довлеют над правами отдельной личности и, следовательно, этот приоритет должен учитываться в политике государств. Как Вы относитесь к такого рода утверждениям? Не кажется ли Вам, что, ведя переговоры с коммунистами, вы как бы говорите на разных языках, настроены на разные волны?

Э.: Во-первых, следует сразу оговориться: устанавливая любые контакты с коммунистическими правительствами, мы никогда не забываем, что в конечном счете имеем дело с самозванными правителями, не представляющими народ

своей страны. И когда, к примеру, советское правительство говорит нам: «Мы заинтересованы исключительно в коллективных, а не индивидуальных правах», то наш ответ напрашивается сам собой: «Вы, партийные бонзы, посещающие заседания Политбюро, возможно, действительно заинтересованы только в коллективных правах, но это отнюдь не значит, что и все советские люди не заинтересованы в своих личных правах — к примеру, в праве на свободное исповедание своей религии или на проведение религиозных собраний и богослужений без риска оказаться за решеткой». Итак, первое, что следует осознать, — это с кем мы имеем честь говорить: с подлинными представителями народа или же с аппаратчиками, которые никого кроме партийной верхушки не представляют.

Ф.: А Вам случалось вести переговоры с подлинными представителями народа?

Э.: Да, но это не коммунистические правительства, которые страшатся свободного волеизъявления, когда народ мог бы избрать своих подлинных лидеров.

Но вернемся к пункту наших идеологических расхождений с коммунистами, к их утверждению о заинтересованности в коллективных правах. Ну, что ж, мы ведь вовсе не отрицаем факта существования права, относящегося к группе людей, а не только к отдельным личностям. Так, например, мы признаем существование семейного права: каждая семья имеет право на совместную жизнь, на воссоединение. Мы знаем, что в Советском Союзе власти нередко разделяют и разбивают семьи. Известны случаи, когда родители пытались дать детям религиозное воспитание, а органы власти только за это лишили их родительских прав, отправили детей в сиротский приют, именуемый детдомом. В наших глазах это и есть нарушение права семьи на совместную жизнь. Очень важны для нас и культурные права наций — например, право на сохранение и развитие национального языка, на поддержание национальных традиций. Советский Союз как раз является типичным нарушителем этих прав. В данном случае мы имеем дело с правами, которые могут рассматриваться и как индивидуальные, и как групповые, а то и как политические. Сюда же можно отнести и право на поддержание религиозных традиций...

Ф.: Но как вы доносите это до сознания политических деятелей, с которыми вам приходится иметь дело? Ведь призывать этих людей к уважению моральных устоев бесполезно. Вероятно, на переговорах с ними вы оперируете формальными документами, международными договоренностями, подписанными Советским Союзом?

Э.: Наш подход определяется конкретными обстоятельствами, в частности тем, кто выступает в качестве партнеров по переговорам. Имея дело с советскими официальными представителями, мы, конечно же, и не пытаемся их в чем-то переубедить. Я уверен, что все они в этом отношении — законченные циники. Все, что мы можем сделать, — это заявить им: «Послушайте, господа, мы не собираемся обсуждать здесь ваши представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, — но вы подписали Хельсинкские соглашения. Если они не согласуются с вашими убеждениями, вы могли бы и не подписывать их, но раз уж вы подписали, то извольте выполнять!».

Ф.: Или, скажем, Международные пакты о правах человека?

Э.: Разумеется. Как и все договоры, вытекающие из Всеобщей декларации прав человека. Есть целый ряд соглашений такого рода. И мы говорим им: «Раз вы подписали эти соглашения, то будьте любезны их соблюдать! Их текст опубликован в «Правде». Вот и прекрасно! Если они вам не по нраву, не надо было подписывать. А раз уж подписали — извольте держать слово!»

Есть и другой путь. В передачах наших радиостанций мы постоянно напоминаем народам этих стран, какие обязательства взяли на себя их правительства и какие международные нормы действуют в мире (эти нормы, принятые мировым сообществом, стали настолько бесспорными, что даже советское правительство вынуждено было публично заявить: «И мы не хуже других — мы согласны признать эти нормы». Таким образом, мы внушаем людям, что их права гарантированы международными соглашениями. Конечно, мы не можем требовать от советского бюрократа, чтобы он ни с того, ни с сего превратился в рьяного поборника прав человека. Но мы вполне можем в рамках Хельсинкского процесса постоянно

напоминать о нарушениях соглашений, принятых Советским Союзом, вынуждая его тем самым придерживаться хотя бы буквы соглашений — для того, чтобы избежать поражения в идеологической битве, которую они развязали в Западной Европе. Советское правительство тратит огромные усилия и средства, чтобы доказать народам Западной Европы, что СССР — это великая демократическая и миролюбивая держава. И когда мы приводим всё новые примеры того, как в СССР людей бросают в тюрьмы и концлагеря только за их убеждения, это неминуемо сводит на нет пропагандистский эффект советских усилий — правительство СССР не может не осознавать этого и вынуждено вести себя более сдержанно.

Ф.: Теперь, если Вы не возражаете, давайте коснемся проблем Польши. Тем более, что у меня к Вам в связи с этим есть конкретный вопрос. Как Вы относитесь к серьезным нарушениям прав человека в Польше после непродолжительного периода их расцвета?

Э.: Ответ прост: Мы следим за таким развитием ситуации с тревогой. Мы не впервые встречаемся с таким положением: в Восточной Европе практически нет ни одной страны, где бы не было массовых выступлений, взрыва народных чувств, политического или духовного возрождения. В памяти всплывают события 68-го года в Чехословакии... Народы Восточной Европы однозначно дали понять, какая система им милей, какой образ жизни они предпочитали бы. Они хотят свободы. Каждому с самого начала было ясно, что Советский Союз располагает достаточной мощностью, чтобы, если захочет, раздавить зарождающуюся демократию в Польше то ли своими танками, то ли сапогами польской армии. Трагично, что он действительно воспользовался своей мощностью, чтобы удушить попытку поляков добиться большей свободы в своей стране. Надежда поляков не умерла, но Польша отброшена в своем развитии на годы назад.

Ф.: А как насчет Афганистана? Что Вы можете сказать о грубейшем нарушении прав человека в этой стране? Что предпринимается Вами в этой области?

Э.: Мы не сидим сложа руки... Усилия предпринимаются в

двух направлениях. Во-первых, мы стараемся оказывать народу Афганистана гуманитарную помощь — в частности, медицинскую. Советский Союз в настоящее время прибегает к тактике выжженной земли: его солдаты систематически разрушают афганские селения. Мужчин по деревням почти не осталось, они все в партизанах, следовательно удар приходится главным образом по безоружным старикам, женщинам и детям. Им крайне необходима медицинская помощь. Такая помощь должна быть им предоставлена, как и беженцам, укrywшимся в соседнем Пакистане. Второе направление наших усилий: обеспечить самую широкую информацию. Чтобы все в мире знали, что происходит в Афганистане, где жестокость советских оккупантов превзошла все мыслимые границы. Не все понимают это. И в данном случае наши усилия также могут привести к тому, что Советский Союз будет в конце-концов вести себя более сдержанно, хотя пока, к сожалению, этого не случилось. В последнее время в Афганистане побывало немало иностранцев (к примеру, врачи-добровольцы из Западной Европы), и все они в один голос сообщают о невиданных зверствах, творимых там советскими солдатами, принуждаемыми к этому своими офицерами. Наша задача — донести это до сознания каждого человека, особенно на Западе. Чтобы каждый знал, что представляет собой политика советского правительства, что она несет народу Афганистана. А несет она царство террора.

Ф.: Вернемся к вопросу о демократии. Вы сказали, что демократия — единственная гарантия соблюдения прав человека. Но как вы можете поощрять демократические институты в странах, где Соединенные Штаты пользуются минимальным влиянием, — например, в Советском Союзе?

Э.: Верно, это, пожалуй, самое трудное в нашем деле. Гораздо легче работать со странами, имеющими продолжительный опыт демократии и лишившимися ее сравнительно недавно, или с такими странами, где Соединенные Штаты или другие демократические государства — скажем, Франция или Великобритания — пользуются значительным влиянием. В Советском Союзе наши возможности невелики. Мы можем,

разве что, постоянно напоминать советскому народу о его правах. Мы можем оказывать моральную поддержку тем, кто борется за свои права, выступать в их защиту — я имею в виду выступления в печати. Советские власти должны постоянно помнить, что мы внимательно следим за этим и что каждое очередное преследование за инакомыслие наносит им непоправимый пропагандистский ущерб. Инакомыслящие в Советском Союзе дают нам понять, что они ждут от нас такого поведения, которое могло бы хоть немного защитить их от преследований и укрепить их мораль.

Ф.: Т. е. вы выступаете в защиту прав личности?

Э.: Да, и это, надо сказать, особо оговорено Хельсинкскими соглашениями. Согласно этим соглашениям в каждой стране могут быть лица и группы лиц, наблюдающие в общественном порядке за тем, как их правительства выполняют взятые на себя обязательства. В Советском Союзе практически все члены хельсинкских групп брошены в тюрьмы — в Москве, Киеве, Вильнюсе, Тбилиси, Ереване. Это ужасно, и наша первейшая задача — привлечь внимание общественности к этому вопиющему и циничному нарушению подписанных соглашений. Это и было сделано в Мадриде.

Ф.: Выступления в защиту отдельных людей напоминают, как Вы однажды сказали, лечение острых симптомов болезни, а не самого заболевания. И все же, насколько эффективными были предпринятые Вашим отделом шаги в деле академика Андрея Сахарова?

Э.: Хочется надеяться, что наши усилия не были напрасными. Действия нашего отдела невозможно отделить от действий тысяч и миллионов людей во Франции, Швеции, Норвегии, Западной Германии, Англии, Италии — всех тех, кто выступил в защиту Сахарова. Может это не всем известно в Советском Союзе, но в целом эти совместные действия были в какой-то мере эффективными, если судить по тем колоссальным пропагандистским усилиям, которые прилагает сейчас советское правительство. Взять хотя бы телефильм, который недавно был подsunут Западу, чтобы доказать, что Сахаров жив-здоров. Совершенно очевидно, что кадры были засняты

в разное время и лишь потом смонтированы вместе. Но спрашивается, зачем все это делалось? Делалось это несомненно для того, чтобы успокоить возмущенную западную общественность. Не вызывает сомнений, что обращение с Сахаровым было бы гораздо хуже, если бы не наши действия, — и оно действительно было хуже до тех пор, пока не поднялась волна международных протестов. Трудно сказать с уверенностью, чьи протесты помогли больше? когда именно это произошло? Ясно одно: советское правительство прекрасно понимает, что миллионы, буквально миллионы людей на Западе пристально следят за тем, как оно обращается с этим человеком и его женой. Они знают, что на основании этого формируется их мнение о советском режиме. Это и заставляет их вести себя более сдержанно, чем им хотелось бы.

Ф.: Как Вы реагируете на неоднократные советские обвинения, будто беспокойство американского правительства в связи с нарушениями прав человека в СССР является вмешательством во внутренние дела этой страны?

Э.: Но это же совершенная нелепость. Как я уже говорил, никто не в состоянии принудить Советский Союз к чему-либо. Это мощная держава, и никто не заставлял ее подписывать Хельсинкские соглашения и другие международные документы, регулирующие права человека. Но Советский Союз подписал их. Полный текст этих соглашений был опубликован на страницах газеты «Правда». А раз уж дал слово — держи его! Именно Хельсинкские соглашения раз и навсегда отвели аргумент о вмешательстве во внутренние дела той или иной страны. Права человека стали предметом международного соглашения, добровольно подписанного советским правительством. Совершенно очевидно, что теперь мы вправе призвать СССР выполнять взятые на себя обязательства, в полном соответствии с международным правом. И обратите внимание: если раньше мы привыкли чуть ли не ежедневно слышать от Советского Союза жалобы на вмешательство в их внутренние дела, то теперь этот вопрос практически никогда не поднимается. Советское правительство прекрасно понимает, что Хельсинкские соглашения не оставляют места для подобных аргументов.

Ф.: Да и на других международных форумах — скажем, в Организации Объединенных Наций — Советский Союз все реже утверждает, будто западные страны вмешиваются в его внутренние дела.

Э.: Совершенно верно. Но когда это делается, то доходит до смешного. Бывает так, что в одном и том же выступлении советский представитель заявляет: «Мы не позволим обсуждать наши внутренние дела» и тут же принимается обсуждать внутренние дела пятидесяти других государств. Я думаю, что теперь признается всеми, что права человека заслуживают внимания *всей* мировой общественности.

Ф.: Какова, на Ваш взгляд, связь между правами человека и миром?

Э.: Совершенно прямая связь. И никому не удалось показать это лучше, чем Сахарову. Возьмите для примера вопрос о выполнении международных соглашений, в частности соглашений в военной области, призванных служить делу мира. Как с достоверностью определить, насколько придерживается та или иная страна буквы и духа этих соглашений? Хорошо, если мы имеем дело с открытым обществом, где люди могут выражать свои мысли вслух, где есть независимая пресса, где действует свободный парламент, постоянно обсуждающий эти вопросы. В закрытом обществе гораздо сложнее установить, соблюдает правительство взятые на себя обязательства или нет. Это одна сторона дела. Другая сторона: насколько миролюбивой является проводимая правительством политика? Как служит она делу мира? Конечно, советский *народ* хочет мира (война принесла ему бесконечные страдания и жертвы), но советское *правительство* далеко не всегда учитывает эти чаяния людей. Но как простым людям узнать об этом, если они получают лишь искаженную информацию, если они, к примеру, не могут знать всей правды даже о войне, которую ведет их собственная страна в Афганистане. Мы абсолютно убеждены в том, что, если бы в Советском Союзе было больше свободы, если бы население было лучше информировано о происходящем в мире и могло контролировать свое правительство, оно могло бы заставить власти проводить политику на благо

мира. Но в нынешних условиях, когда у людей нет никакой возможности контролировать правительство, у руководства СССР развязаны руки для любых авантюр.

Ф.: Советский Союз никогда не упускает случая попрекнуть Соединенные Штаты тем, что они не подписали два международных пакта о правах человека. Я понимаю, что задаю, может быть, не слишком приятный вопрос, но как бы Вы объяснили тот факт, что правительство Соединенных Штатов не подписало эти пакты?

Э.: Совсем недавно президент Рейган высказался в пользу подписания конвенции о геноциде. По моему личному мнению, мы совершили ошибку, не подписав эти документы, и я совершенно уверен, что в ближайшее время эта ошибка будет исправлена. Многие люди у нас с самого начала считали, что нелепо волноваться из-за толкования этих соглашений перед лицом таких действий Советского Союза как, скажем, оккупация Афганистана. Поведение советской армии в этой стране говорит само за себя, оно красноречивее заявлений. Другие считали, что некоторые детали в этих соглашениях неточны и нуждаются в пересмотре. Многие американские правоведаы в течение ряда лет выступали против подписания этих документов только по техническим причинам. Я лично считаю такой подход ошибочным и очень надеюсь, что в ближайшие месяцы мы сможем подписать эти международные соглашения.

Ф.: С Вашего позволения, последний вопрос — несколько личного характера. Если бы Вам пришлось из всех прав человека выделить одно, на Ваш взгляд наиболее важное право, то какое бы из них Вы назвали? Г-жа Элеонора Рузвельт, к примеру, как-то заявила, что важнейшим правом человека является право на жизнь. Андрей Сахаров в своих заявлениях не раз выделял свободу передвижения как одну из важнейших свобод. Том Кан из Американской Федерации Труда в интервью со мной особо выделил свободу собраний и организаций. Каково Ваше мнение на этот счет?

Э.: Вопрос действительно сложный. Я бы, пожалуй, отдал приоритет свободе вероисповедания. Религиозная свобода,

по-моему, важнее других, так как правительство, последовательно уважающее свободу вероисповедания, как бы признает тем самым, что у каждого человека есть обязанности более высокого порядка и более важные, чем его обязанности по отношению к государству, — я имею в виду его обязанности по отношению к Богу. Такое правительство признает существование сокровенных сфер личной свободы и человеческого сознания, которые неподвластны государственному контролю, признает такой порядок вещей естественным. Признание этой свободы закладывает прочный фундамент, на котором можно строить всю остальную структуру прав человека.

В серии

вышли материалы:

**VIOLATIONS OF THE HELSINKI ACCORDS:
AUGUST 1983 — SEPTEMBER 1984**

**«TEARS, BLOOD AND CRIES»: HUMAN RIGHTS IN
AFGHANISTAN SINCE THE INVASION 1979-1984**

МЫ ПРИШЛИ ТУДА УБИВАТЬ

Советский солдат Мыкола Мовчан перешел в Афганистане на сторону партизан. США предоставили ему политическое убежище. Редактор журнала «Сучасність» Тарас Гунчак встретился с М. Мовчаном и попросил его ответить на несколько вопросов.

Вопрос: Мыкола, расскажите о себе.

М. Мовчан: Родился я 15 августа 1963 года в селе Озерянка на Житомирщине, на Украине. В 1970 году пошел в школу, а в 1978 закончил Озерянскую восьмилетнюю школу. Поступил в Житомирский техникум механической обработки древесины. В 1982 году окончил его и в том же году, 22-го марта, был призван в армию.

Вопрос: Как Вы попали в Афганистан?

М. М.: Сначала, как только меня призвали, я попал в Ашхабад, в школу сержантов. Оттуда уже осенью, в октябре, я попал в Афганистан. Сначала в Кабул на самолете, потом вертолетами нас доставили в Газни, где я и служил.

Вопрос: В каком роде войск Вы служили?

М. М.: Я был артиллеристом в мотострелковом полку.

Вопрос: Кто был Вашим непосредственным начальником?

М. М.: Знаете, я там пробыл полгода и только за это время они сменялись раз пять, так что я не знаю, кого и называть.

Вопрос: Были ли среди командиров украинцы?

М. М.: Да, в моей части было три офицера - украинца.

Вопрос: Вы были в советской армии, потом оказались по другую сторону — так что Вы немало видели и поняли в этой

войне. Как выглядит борьба муджахиддинов против советских оккупационных войск?

М. М.: Главное оружие муджахиддинов — мины. Часто используют они ручные гранатометы против танков и пулеметы. Сейчас у них появились зенитные установки. Их очень выручает хорошее знание местности. Ведь бои ведутся в основном в горах, в ущельях, где танки и другие машины советских не могут маневрировать. Муджахиддины стараются подстеречь их в труднопроходимых местах: в ущельях, на дорогах, что проходят через тоннели. И нападают на небольшие воинские части. А если целый полк идет на операцию, то лучше от него спрятаться.

Вопрос: Скажите, какие отношения между войсками Кармаля и советскими войсками?

М. М.: Об отношениях?.. Ну, прежде всего нужно сказать, что войск у Бабрака Кармаля почти нет. Примерно на 120 000 советских войск приходится, наверное, всего 30 000 войск Кармаля. И те бегут при первой возможности. Они помогают партизанам, муджахиддинам, чем могут. Оставляют им оружие. Если идет военная операция — афганские солдаты просто не воюют. Их посылают вместе с советскими, они идут вместе, но как только начинается бой — они падают и лежат пока бой не кончится. И воюют в основном советские солдаты. Советские солдаты относятся к ним как к трусам. Как будто они боятся воевать. Они ж не хотят воевать против партизан.

Вопрос: Вы считаете, что они не хотят воевать против своих братьев?

М. М.: Конечно, братья. Кроме того их религия не позволяет им стрелять в своих...

Вопрос: Религия играет решающую роль в жизни повстанцев. Расскажите, что Вы знаете об этом.

М. М.: Правильно. Их религия — первое, что может поднять на борьбу людей, которые мало что понимают в политике. Они неграмотные, но и тех, кто грамотный, тоже поднимают. Их призывают как защитников родины от неверующих, от неправовверных. Они объявили священную

войну и благодаря этому подняли народ на борьбу. Сейчас они очень преданы своей религии. Бывают у них случаи, когда человек с гранатометом подползает прямо под танк и стреляет в упор. Ничего не боятся. Они счастливы, что умрут на этой войне. И это прибавляет им смелости, дает им, знаете, оптимизм. Они сражаются против такой силы, и они рады этому.

Вопрос: Сражаются и, похоже, иногда побеждают?

М. М.: Да, бывает такое. Бывает, что они громят целые колонны. Страшно. Разносят все. Но больше они ведут партизанскую войну. Чтобы были победы в сражениях, это трудно сказать. Больше они стараются нанести потери советским войскам. Побьют, хорошо побьют и убегут. Всех их не победить. Это главное, что они понимают. А сейчас они почти освободили уже несколько провинций. Там сейчас идут затяжные бои.

Вопрос: На Ваш взгляд, советские несут большие потери?

М. М.: Да, немалые. Вот, например, у нас одна рота сделала бросок на 15 километров и за полдня понесла урон в девять человек. А если подсчитать все потери в боях в Пяндшире и других местах, то получится, что это очень чувствительные потери. Просто Советский Союз имеет много оружия. Другая бы страна не вынесла, хотя бы из-за такой финансовой нагрузки. Бывает, что партизаны сбивают даже самолеты из пулеметов. Это просто фантастика, как это им удастся из пулемета сбить самолет? Вертолеты сбивают, вертолеты не так трудно, танки тоже, мины ставят... Сейчас говорят о потерях в 100 000, но я думаю — преувеличивают. Точнее, по-моему, 40-50 тысяч.

Вопрос: Вы, наверное, знаете как относятся советские солдаты к этой войне против повстанцев? Есть ли какие-либо антивоенные настроения среди солдат?

М. М.: Да я много слышал, как говорят солдаты, даже офицеры говорят, будто эта война не нужна Советскому Союзу. И никому не понятно, зачем нужно держать войска в Афганистане. Все афганцы, абсолютно все воюют против советских войск. И поэтому страшно то, что там

происходит. Отставать нельзя, могут подстрелить, убить; каждый афганец хочет убить советского солдата. И так получается, что чертова война никому не нужна, но воевать приходится. Отказаться нельзя. Многие воюют, чтобы взять себе что-нибудь, там много есть нужных вещей...

Вопрос: Значит ли это, что грабят мирное население?

М. М.: Да, бывает и такое. Но в основном, когда идет операция, люди покидают свои деревни — боятся советских солдат. И тогда солдаты берут все, что захотят. Но никакой инициативы, никакого боевого энтузиазма эта война ни у кого не вызывает. Даже у офицеров, командиров.

Вопрос: Советская армия неоднородна по своему национальному составу. Охотно ли воюют в Афганистане солдаты нерусского происхождения?

М. М.: Что тут сказать? Солдаты из Средней Азии (узбеки, туркмены), например, — у них же с афганцами одна религия. Хотя ее и пытались выкурить — она осталась. Это люди одной веры и не хотят воевать против единоверцев. Бывают среди них перебежчики, воюют сейчас на стороне муджахиддинов, партизан. Бегут. И другие хотят бежать, но не так-то легко бежать оттуда. Вот и получается, что человек не хочет воевать, а воюет. Воевать там почти никто не хочет. Нет того энтузиазма, чтобы кричали: «За родину!» За какую там родину, если на чужую землю пришли?

Вопрос: Есть ли случаи, когда солдаты разных национальностей перебегают на другую сторону?

М. М.: Конечно, есть такие случаи, и их очень много. Сейчас в плену у партизан, наверное, несколько сот человек. Есть пленные, но большинство таких, что сами убежали. Но их держат в плену, потому что не могут отпустить.

Вопрос: Каково моральное состояние в советской армии в Афганистане? Я имею в виду отношения между солдатами и их отношение к мирному населению.

М. М.: Что Вам сказать? Солдат, который прослужил год или больше, относится к только что прибывшему, как к своему слуге. Заставляет его работать на себя, выполнять приказы. Прикажет командир ему что-то сделать, он

заставляет это делать молодого. И на себя работать тоже заставляет. Стирать или что-то еще. Бывают и издевательства. Избивают друг друга. Ссоры, драки. Просто невыносимо. Каждый группу сколачивает, каждый пробует поставить себя выше других. Кто сильнее, тот прав. Там нет уважения, товарищ не уважает товарища, друг — друга, человек — человека. И как же Вы думаете они относятся к мирному афганскому населению, если они друг к другу относятся, как к скоту? К товарищам, с которыми бок о бок под пули идут и голод переносят, и жажду, и все, что бывает на войне. Как же они относятся к афганцам? Им надо найти причину, почему они в этой стране, надо найти виновных. Вот и видят этих виновных во всех афганцах.

Вопрос: На Западе пишут, что советские солдаты злоупотребляют наркотиками. Правда ли это?

М. М.: Да, большинство солдат в Афганистане употребляет наркотики. В основном гашиш, который там называется чарс. Есть случаи употребления опиума, героина, но главное — гашиш. Почти все, 99%, курят наркотики.

Вопрос: Как действует на солдат этот чарс?

М. М.: Я сам пробовал курить. Ничего не хочется делать после того как покуришь, очень весело становится, смеешься по любому поводу. К этому наркотику не привыкаешь, легко бросить. Никаких болей, никаких последствий.

Вопрос: Находятся ли советские войска среди мирного населения?

М. М.: Солдаты не живут в городах среди мирного населения. Это такая уже система в советской армии, что солдат должен жить в поле, обкопанный, огражденный со всех сторон, как в клетке. И оттуда не выпускают. Вокруг минное поле, через которое пройти очень трудно.

Вопрос: Т. е. советская армия, как они говорят, пришла на помощь братскому афганскому народу, и сама же от него прячется — окружает себя рвами, минирует поля?

М. М.: Да, похоже, что так. Советская армия пришла помогать, а народ не оценил их помощи и бьет их. Несознательный народ.

Вопрос: Какие методы борьбы против повстанцев?

М. М.: В основном это проческа территории — деревень, дорог. Встретят отряд повстанцев — обстреляют. В том случае, если повстанцы находятся в деревне, будет уничтожена вся деревня. Бомбят. Не хотят упустить повстанцев. Если уйдут в горы — ищи ветра в поле. И это главный метод — проческа.

Вопрос: Слышали ли Вы о применении химического оружия против мирного населения?

М. М.: Нет, я не слышал об этом. Я слышал только о применении огнеметов.

Вопрос: В чем же сила повстанцев и чем объясняются их успехи?

М. М.: Главное, я думаю, они знают свою землю. Они знают свои горы, знают каждую тропку в горах. И их сила — в их вере. Они за веру готовы на все. На смерть. Во имя Аллаха умереть — получить там долгую жизнь. Поэтому они просто бесстрашные. Тридцать танков идет, а они могут прямо на них выскочить и стрелять, хотя знают, что сами погибнут. И еще — они дружны, они помогают друг другу. Я думаю, это главное, что они верят в Бога и знают свою землю. Они воюют все более успешно. Афганские солдаты — это не солдаты, а их коммунисты боятся попасть на поле боя, их там сразу прибьют. Они попали в окружение и месяц не могли прорваться, советские войска хотели прийти на помощь, но их отбросили. Такое бывало и раньше. А теперь партизаны перекрыли многие дороги из Советского Союза, например, в Кабул. Партизаны продолжают успешно сопротивляться, хотя по западному радио была передача, что Пяндшир пал. Повстанцы слушали эту передачу, и им это очень не понравилось. Они говорят: мы держались и держаться будем, хотя там орудует почти вся советская армия.

Вопрос: Почему именно в Пяндшире могут выстоять повстанцы? И к тому же наносить такой чувствительный урон советским войскам?

М. М.: Это очень удобное место. Горы очень высокие;

они устанавливают в горах пулеметы и поэтому ни самолеты, ни вертолеты не могут проникнуть в саму долину. Сбросят свои бомбы где-то под горами и улетают. И танки не пойдут в горы, а ведь все события происходят в горах. И так они держатся там уже четыре года и не собираются сдаваться.

Вопрос: Вы, видимо, много думали о том, что произошло с Вами в Афганистане. К каким выводам Вы пришли, и как вообще представляется эта война советскому солдату?

М. М.: Я видел, что там творится, и трудно советскому правительству выдавать все это за братскую помощь. Я эту помощь видел и думаю, что эта война похожа на ту войну, что вел Гитлер, только на другой земле и под другими лозунгами. Я думаю, что это одна их самых позорных войн на свете.

Вопрос: Мыкола, что было причиной Вашего перехода на сторону повстанцев?

М. М.: Мне всегда казалось странным то, что наша власть называет себя самой гуманной, и в то же время людям недозволено увидеть мир, посмотреть, какая плохая власть в других странах. Закрыли нашу страну, никого не выпускают и никого не впускают, как в большой тюрьме. То, что я видел в Афганистане, убедило меня в том, что эта война разрушительная и захватническая. Мы пришли туда убивать, захватывать чужую землю. Мне это, конечно, не могло понравиться. Тем более, что и на Украине, и в других республиках вопрос национальной независимости тоже большой вопрос... У нас стараются создать такой народ, который будет называться советским. На самом деле больше подошло бы название — великий русский народ. Конечно, я не хотел умирать, не хотел отдавать молодую жизнь не известно за что. Думаю, в этом были причины.

ТРУД РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Кари Розен

СОЗДАТЬ СИСТЕМУ, КОТОРАЯ РАБОТАЛА БЫ НА ВСЕХ

(Интервью В. Белоцерковского с директором американского Национального исследовательского центра предприятий, принадлежащих рабочим и служащим, Кари Розеном)*

Вопрос: Каковы главные цели центра, над какими проектами он работает?

Ответ: Данный центр представляет собой исследовательскую и информационную организацию. Нашей целью является оказание помощи работающим по найму людям, которые желают принять участие во владении фирмой или предприятием, в котором они работают. Делаем мы это различными путями: осуществляем исследовательские проекты на заданную тему, знакомим людей с тем, что означает переход предприятия в собственность трудового коллектива и как оно может функционировать, представляем информацию всем заинтересованным лицам или организациям.

Вопрос: Как давно существует центр, кем он создан и финансируется? Сколько сотрудников в нем сейчас работает?

* Из готовящейся к печати книги В. Белоцерковского «Самоуправление».

Ответ: Наш центр был образован в 1980 году. Его основали я и моя жена, а финансировался он в основном за счет членских взносов, продажи наших публикаций, а также в некоторой степени за счет исследований проблем, связанных с переходом предприятий в собственность рабочих и служащих. Контракты на эти исследования предоставляли нам федеральное правительство и некоторые частные организации.

В настоящее время у нас в штате пять профессиональных работников. Каждый из этих людей имеет широкий круг задач, необходимых для выполнения исследовательских, информационных и организационных работ.

Вопрос: Сколько примерно существует в США самоуправляющихся предприятий, полностью принадлежащих трудовым коллективам? Отличаете ли Вы их от предприятий принадлежащих профсоюзам?

Ответ: Мы полагаем, что сейчас в Соединенных Штатах имеется по меньшей мере от 600 до 1200 предприятий с численностью работающих свыше 10 человек, которые полностью принадлежат тем, кто в них работает. Этот тип собственности очень отличается от компаний, которые принадлежат профсоюзам. Вообще же, насколько мне известно, в Соединенных Штатах нет предприятий, принадлежащих профсоюзам.

Компании и предприятия, которыми мы занимаемся, находятся в прямом владении людей, работающих в них. В некоторых случаях работники таких предприятий в Совете директоров представлены своими профсоюзами. Но, повторяю, профсоюзы как организации самостоятельно в США не владеют предприятиями. Компании, перешедшие в собственность своих сотрудников, имеют самые различные формы. Эти формы не должны лишь противоречить американскому налоговому законодательству и законам, регулирующим способы создания предприятий. Некоторые из этих предприятий являются рабочими кооперативами, в которых каждый работник имеет равное право голоса в управлении предприятием и равную долю участия в прибылях. («Кооператив» здесь — от английского слова *сотрудничество*. В Европе это называется коллективной или групповой собственностью. —

В. Б.) Другие предприятия становятся частичной собственностью сотрудников путем приобретения ими акций компании по специальному плану. Это сейчас наиболее распространенный способ. В этом случае работники становятся совладельцами предприятия с помощью специального «доверительного фонда», в котором хранятся акции каждого из них до тех пор, пока он не уволится или не уйдет на пенсию.

Вопрос: Каков профиль и размеры предприятий, принадлежащих рабочим и служащим в США?

Ответ: Профиль самый различный. Это рестораны и магазины диетических продуктов, инженерные, строительные и сталелитейные фирмы, компании, производящие полупроводники и компьютеры. В США нет ни одной отрасли промышленности, где не было бы компаний, во владении которыми в большей или меньшей степени не участвовали бы их сотрудники. Как мы считаем, ныне от 7 до 8 процентов рабочих в США в какой-нибудь форме участвуют во владении своими предприятиями и, пожалуй, от 10 до 15 процентов всех компаний имеют эту форму собственности, а в 8 000 из них — большая часть акций принадлежит их сотрудникам.

Вопрос: Количество таких предприятий увеличивается или уменьшается?

Ответ: Увеличивается. Этот процесс быстро распространяется в Соединенных Штатах. А начался он в 1974 году. В том году через Конгресс прошла серия налоговых законов, предназначенных поощрить работодателей, готовых разделить свою собственность со своими рабочими. Многим людям казалось странным, что работодатели могут добровольно отдать часть своей собственности. Но для этого было несколько веских причин. Одна из них — это то, что новое налоговое законодательство делало такой шаг выгодным для работодателя. С него взимается меньший налог! Другой причиной было то, что, как показали соответствующие обследования, участие рабочих во владении предприятием приводит к улучшению производственных показателей, к росту производительности труда и в конечном счете — к увеличению прибылей, что выгодно как компании, так и ее сотрудникам.

Были также случаи, когда люди сами создавали коллективные предприятия буквально с нуля. Многие из них стали потом весьма преуспевающими. В других случаях работники объединялись и совместно покупали фирму, которой грозило закрытие.

Вопрос: Каковы конкретные показатели работы таких коллективных предприятий? Их прибыльность, производительность труда?

Ответ: Предприятия, принадлежащие своим сотрудникам, показывают значительно большую прибыльность. Они на 50% дают больше прибыли, чем сравниваемые с ними обычные предприятия. Среднегодовой прирост производительности труда у них в два раза выше. Несколько лет назад исследование коллективных предприятий, выборочное, провела финансовая комиссия Конгресса США и также пришла к выводу, что эти предприятия более продуктивны и платят государству больше налогов. Однако исследования коллективных предприятий находятся еще в самой начальной стадии, и поэтому к обобщающим данным надо относиться с известной осторожностью.

Вопрос: Как зарабатывают рабочие на таких предприятиях, и какие другие преимущества они для себя там находят?

Ответ: Рабочий, который участвует во владении компанией, может сколотить в такой компании изрядный капитал. В типичной такой фирме, например, рабочий, который проработал там 20 лет, как ожидают, может оставить фирму, имея на руках от 50 до 150 тысяч долларов, в зависимости от того, как будут идти дела фирмы в момент его ухода.

Кроме того, люди считают, что на таких предприятиях лучше работать и ввиду того, что они имеют там возможность участвовать в жизни предприятия, в его успехах, и тот факт, что рабочий является совладельцем предприятия, дает ему чувство собственного достоинства.

Недавно была опубликована книга, где были названы сто лучших компаний страны и проанализировано, как они работают, как организованы. Так вот, по мнению авторов, одним из ключевых отличий этих компаний было то, что они

чаще других предлагали своим работникам быть совладельцами предприятий.

Вопрос: Как управляются предприятия, принадлежащие трудовым коллективам?

Ответ: Сотрудники на таких предприятиях выбирают Совет директоров и имеют право решающего голоса в делах предприятия. В тех же компаниях, где работники лишь частично владеют предприятиями, они имеют и меньше прав и возможностей вмешиваться в дела. Но и эти предприятия все же более демократичны в своей внутренней жизни, чем обычные компании.

Вопрос: Как относятся к коллективным предприятиям власти, общественность, средства информации, деловые круги?

Ответ: Росту числа фирм с коллективной собственностью в большой степени способствовало правительство. Для многих иностранных наблюдателей явилось неожиданностью то, что правительство Соединенных Штатов оказало поддержку начинаниям такого рода. Возможно, не так энергично, как могло бы, но поддержку все же оказывало.

За последнее десятилетие федеральное правительство утвердило 16 законопроектов, поощряющих участие служащих во владении своими компаниями; 14 законопроектов находятся теперь на утверждении законодательных органов отдельных штатов, и все больше штатов включается в этот процесс.

Аналогичную поддержку этой идее оказали также деловые круги страны и средства массовой информации. Они увидели в этом явлении не только новую и эффективную форму организации бизнеса, но и возможный путь к примирению конфликтующих ценностей американского общества: стремления к экономическому росту и стремления к социальной справедливости. Похоже, что наметилось решение этого противоречия, причем такое, когда для достижения одной цели не приходится жертвовать другой.

Поясню свою мысль. В компаниях с коллективной формой собственности прибыль уже не достается преимущественно хозяевам или крупным акционерам — такая

компания приносит прибыль всем своим сотрудникам. И дилемма между поощрением экономического роста и увеличением диспропорции в распределении заработанных денег, неравного распределения прибыли, начинает исчезать.

Вопрос: Каково в США отношение профсоюзов к предприятиям, принадлежащим рабочим и служащим?

Ответ: Некоторые профсоюзы одобряют идею таких предприятий. Но другие, большинство, отнеслись к ней отрицательно. Они видят в предприятиях, полностью или частично принадлежащих рабочим, угрозу своему существованию. Они видят себя прежде всего противниками капитала и опасаются, что рабочие, став совладельцами предприятий, не будут вступать в профсоюзы. Некоторые же профсоюзы считают, что соучастие рабочих во владении предприятиями поможет профсоюзам через этих рабочих, своих членов, получить больший контроль над деятельностью администрации предприятий. Еще несколько лет назад большинство профсоюзов выступали против коллективных предприятий. Сейчас многие из них заняли выжидательную позицию. Но как бы там ни было, профсоюзы в целом — последний бастион оппозиции идее коллективного владения предприятиями.

Вопрос: Каковы, на Ваш взгляд, перспективы, будущее коллективных предприятий?

Ответ: Принимая во внимание изменения налогового законодательства, которые были проведены в 1974 году, есть все основания предполагать, что рост числа компаний с коллективной собственностью в следующем десятилетии будет идти гораздо быстрее, чем в минувшем. Проблема лишь в том, что для многих компаний и для многих работающих по найму переход компаний в собственность ее сотрудников представляется еще слишком радикальным изменением по сравнению с привычными формами деловой активности. К этому не так легко привыкнуть! Для столь важного социального изменения необходимо длительное время. С другой стороны, имеются все необходимые предпосылки для его реализации. Поэтому мы настроены оптимистично и

считаем, что фирмы, которые полностью или частично принадлежат своим сотрудникам, будут играть заметную роль в американском бизнесе в следующем десятилетии и в более отдаленном будущем.

Фактически уже сейчас можно сказать, что они достигли известного статуса. Одной из интересных особенностей фирм с коллективной собственностью, как мне кажется, является то, что они не только хорошо прижились в американской экономической системе, но есть указания на то, что они подходят также и к экономическим системам коммунистических стран! В Венгрии, например, поощряется создание самоуправляющихся, коллективных (правда, пока лишь мелких) предприятий и ремесленных артелей. И Китай, похоже, двинулся в том же направлении. И идет борьба за идею рабочего самоуправления в Польше.

Вопрос: Как Вы считаете, введение самоуправления на основе групповой собственности в так называемых коммунистических государствах, при условии их демократизации, конечно, — приведет ли это к созданию там какой-то новой и стабильной социальной системы или будет лишь переходным этапом к обычному капитализму, хотя, может быть, и несколько модифицированному в этом случае?

Ответ: Мне кажется, что движение в сторону предприятий с коллективной собственностью свидетельствует о конвергенции или о возможности такой конвергенции между Западом и Востоком. И это — факт, вопреки тому, что данное движение поддерживают с одной стороны сторонники Адама Смита, сторонники неограниченного капитализма, а с другой — сторонники Карла Маркса, сторонники социального равноправия.

Казалось, что эти два направления никогда не пересекутся, пока не появилась концепция предприятий, в которых работники являются одновременно и их совладельцами, пока идея рабочего самоуправления не стала более популярной. Нетрудно заметить, что предприятия с рабочим самоуправлением и участием рабочих в прибылях, за создание которых выступает польский профсоюз «Солидарность», не так уж сильно отличаются от таких же реально уже существующих американских фирм.

Итак, как мне кажется, обсуждаемый процесс является потенциальной возможностью сближения Востока и Запада, является путь, на котором можно было бы соединить все лучшее от Адама Смита и Карла Маркса. Соединить и создать систему, которая работала бы для всех.

Октябрь 1984

(Интервью по вопросам В. Белоцерковского вел К. Симис.
Перевод с английского В. Ясмана).

SURVEY

a journal of East & West studies

Survey magazine is published quarterly by *Survey* Ltd. in association with the

INSTITUTE FOR EUROPEAN DEFENCE &
STRATEGIC STUDIES

Produced in cooperation with Freedom House (New York)

US Mailing Agent: Expeditors of the Printed Word Ltd.,

527 Madison Avenue, Suite 1217, New York 10022.

Second-class postage paid at New York, N.Y.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

Ян Юзеф Липский

НАСИЛИЮ МОЖНО СОПРОТИВЛЯТЬСЯ

(Интервью, данное Яном Юзефом Липским подпольному журналу «Тыгодник Мазовше»)*

«Тыгодник Мазовше»: Почему Вы решили основать «Общественный комитет сопротивления насилию»?

Липский: Непосредственным толчком к созданию нашего комитета послужило потрясение, которое мы пережили, узнав об убийстве ксендза Ежи Попелушко. Мы поняли тогда, что нам больше нечего ждать, что нужно действовать. Подобные комитеты созданы и в других городах Польши: в Кракове, Вроцлаве, Слупске, Щецине и, кажется, Волбжихе. Но связи, постоянных контактов между нами и этими комитетами пока нет. Мы действуем самостоятельно.

«Т. М.»: Как будет действовать Ваш Комитет? Какие он ставит перед собой цели? Надеетесь ли Вы на то, что вам удастся положить конец насилию в Польше?

Липский: Покончить с насилием вообще — очень трудно. Для этого нужно было бы мобилизовать крупные общественные силы. Мы же хотим своей деятельностью показать людям, что насилию можно сопротивляться. С этой целью мы будем

* Ян Юзеф Липский (1926 г. рожд.) — известный польский историк и общественный деятель, активный участник сопротивления во время гитлеровской оккупации, один из основателей КОРа, член руководства НСПС «Солидарность», один из основателей образованного в ноябре 1984 г. варшавского «Общественного комитета сопротивления насилию».

публиковать собираемые нами материалы об актах насилия в нашей стране, и тем самым привлекать к ним внимание общественности и властей. На большее у нас пока просто нет сил — поэтому мы считаем, что наш комитет должен ограничиться только этой проблемой.

«Т. М.»: Проблемой правосудия?

Липский: Нет, только проблемой борьбы против применения насилия — против избиений и похищений людей сотрудниками органов безопасности, против психического террора. Проблема правосудия — гораздо шире, и мы не в состоянии ее решать.

«Т. М.»: Как Ваш комитет собирается оповещать польскую общественность об актах насилия?

Липский: Как мы будем это делать, сейчас трудно сказать. Но уже ясно, что мы либо будем публиковать отдельные заявления по поводу каждого факта насилия, либо будем собирать информацию о многих случаях и потом сообщать о них в общих коммюнике.

«Т. М.»: Чем отличаются комитеты, создаваемые сейчас, от уже существующих, например от Хельсинкского комитета или от Комитета защиты законности?

Липский: Принципиально они отличаются друг от друга по своему характеру. Созданные раньше комитеты — это подпольные организации. Новые комитеты действуют открыто. И тот факт, что их члены подписывают публикуемые ими материалы, указывая свои настоящие фамилии, адреса и номера телефонов, по-моему, имеет большое значение.

«Т. М.»: Не считаете ли Вы, что все эти комитеты дублируют друг друга?

Липский: Нет, не считаю. Например, Церковный комитет занимается оказанием помощи населению и сбором документации. Но он не распространяет информацию. А ведь очень важно именно информировать общественность. Что касается комитетов «Солидарности», то публикуемая ими

информация — отрывочная, спорадическая. Я думаю, что общественность нуждается в обширной, полной информации, и тот факт, что ее будут собирать и публиковать широко известные в Польше люди, придаст ей еще большее значение.

«Т. М.»: Создание комитетов, подобных Вашему, можно считать в каком-то смысле возвратом к тому типу деятельности, которой занимался Комитет общественной самообороны — КОР, но, возможно, в более узком масштабе. Может ли такая деятельность быть эффективной?

Липский: Конечно, эти комитеты в чем-то похожи на Комитет общественной самообороны (КОР). В этом и заключается их недостаток. Ведь для каждого нового периода времени, для каждой новых условий следует находить новые формы действий. Но это не всегда удается. Наш комитет, однако, скорее напоминает первоначальный Комитет защиты рабочих по своему характеру. Мы ставим перед собой весьма ограниченные задачи.

«Т. М.»: Не означает ли это, что Вы идете назад?

Липский: Не знаю, можно ли это считать шагом назад. Мы не стремимся стать спасителями мира или Польши, и разрешить все проблемы. Мы занимаемся исключительно оповещением общественности. И считать это шагом назад только потому, что мы не занимаемся другими проблемами, я думаю, нельзя.

«Т. М.»: Создание «Общественного комитета сопротивления насилию» многие в Польше считают важным политическим событием, так как люди, подписавшие его учредительное заявление, указали свои фамилии и не были арестованы.

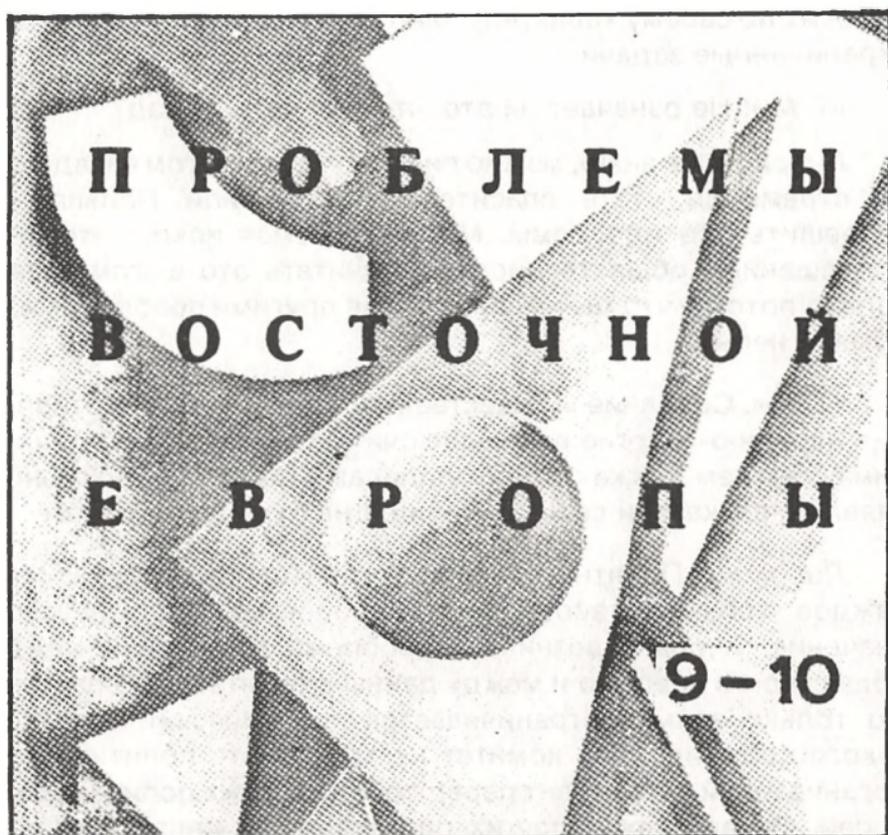
Липский: Понятно, что в тоталитарном государстве каждое событие такого рода приобретает политическое значение, и сразу возникает проблема отношений между обществом и властью и между данным комитетом и властью. Но только этим и ограничивается политический характер такого события. Наш комитет не хочет быть политической организацией и не ставит перед собой никаких политических целей. Об арестах и других репрессивных мерах, которые

могут применить по отношению к нам власти, говорить еще рано. До сих пор правительство ПНР только предостерегало нас. Я думаю, что до тех пор пока мы ничего не сделали, оно не захочет наносить удара, так как не желает произвести плохое впечатление на мировую общественность.

«Т. М.»: Но что, по-Вашему, может произойти с Вашим комитетом в будущем?

Липский: Я думаю, что нам не удастся избежать разного рода репрессий со стороны властей, начиная с обысков и вызовов в милицию и кончая арестами. Но, создавая такой комитет, мы знали, что должны быть к этому готовы.

*Интервью опубликовано в журнале «Тыгодник Мазовше» N 108.
(Перевела с польского Светлана Дзя).*

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

*Владимир Нагирный**

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ КАК СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: КРИТИК СТАЛИНА ИЛИ АПОЛОГЕТ СТАЛИНИЗМА?

В двух номерах журнала «Encounter» (1984 г.) опубликовано большое интервью с Александром Зиновьевым, известным советским философом, который живет сейчас в Мюнхене. Из-под его пера появилось несколько интересных работ («*Зияющие высоты*», «Коммунизм как реальность» и др.), основная тема которых — советское общество. Автор обнаруживает неплохое понимание характера этого общества и высказывает интересные мысли о различных аспектах его структуры. К сожалению, Зиновьев настолько убежден в оригинальности и правильности своих теоретических соображений и интерпретаций, что негативно оценивает все работы западных советологов, обвиняя их в наивности, а то и в шарлатанстве. Создается досадное впечатление, что лишь один Зиновьев знает «окончательную правду» — единственно правильный метод и теоретические рамки исследований общественных явлений советской жизни.

Среди западных советологов, пожалуй, найдутся и наивные и шарлатаны, но попытка подвести всех под один знаменатель выглядит не только неубедительной, но и неприличной. Подобные обобщения подходят скорее советским социологам, хотя и здесь следовало бы быть осторожным, о чем в конце концов говорит и сам Зиновьев. И

* Автор — преподаватель социологии в одном из колледжей Нью-Йорка, автор книги «The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence».

как не пытается Зиновьев обосновать свое негативное отношение к западным интерпретациям советского общества — обоснования эти не выглядят убедительно. Основной принцип его размышлений: «...ученому, который применяет западные концепционные рамки, будет трудно представить себе индийское общество 12 века или китайское общество 5-го века до р. Хр. Советское общество коренным образом отличается от западного общества. Всякие попытки понять его требуют специфических концепционных рамок, интеллектуальных моделей, новых словообразований. Иными словами, мы постулируем совершенно новую теорию и методологию.»**

В последующем Зиновьев обобщает свои воззрения, настаивая на том, что не только советское общество, но и любое другое общество следует анализировать под углом зрения присущих именно этому обществу принципов и категорий. Он заявляет, например, что орудия анализа, пригодные для понимания древнего Египта, не подходят для понимания феодального общества Франции 13 столетия.

Эта и подобные мысли о мозаичности общественных явлений (историзм) не являются чем-то новым. Тем более, если судить о них на основании примеров, приведенных Зиновьевым. Один из приведенных примеров — понятие «партия». На первый взгляд, коммунистическая партия является такой же партией, как социал-демократическая партия в Германии или консервативная партия в Англии. Существует, однако, принципиальная разница между ними, поскольку коммунистическая партия не является партией в западном понимании этого слова. С этим утверждением Зиновьева согласится каждый компетентный исследователь Советского Союза на Западе. Примечательно, что Зиновьев уже сам своим утверждением отличия коммунистической партии от западных партий, допускает возможность сравнительного подхода. Только при таком подходе имеет смысл его замечание о том, что коммунистическая партия не является партией в западном понимании этого слова. Но безапелляционно утверждать, что коммунистическая партия коренным образом отличается от западных партий намного

** Все цитаты из интервью Зиновьева даны в переводе с английского.

легче, чем создать «модель» коммунистической партии или типологию партий вообще, что необходимо для сравнительного анализа.

Западные социологи знают, что социальная структура древнего Египта отличается от социальной структуры средневековой Франции. Они также знают, что кастовая система Индии отличается от феодальных сословий или социальных классов, и что бюрократическая организация Египта отличалась от таковой в Китае или в современных обществах. Они, наконец, знают, что феодальная система Франции отличалась от феодальной системы Англии, Японии или России (если феодализм когда-нибудь существовал в России). Чтобы убедиться в этом, не нужно исчерпывающего знания социологии: достаточно ознакомиться лишь с Максом Вебером. Легко согласиться с фактом мозаичности общественных явлений, но важно здесь не это, а уверенность Зиновьева в том, что необходимы новые концептуальные рамки для исследования советского общества, и его недоверие к западным советологам, неспособным якобы понять это общество.

Зиновьев считает аксимой, что «всякое научное понимание общественных явлений» требует от исследователя того, чтобы он не только поставил себя «внутри общества, которое он исследует», но также отождествлял себя с живущими в «условиях», которые существуют в этом обществе («с объектом его наблюдений»).

На первый взгляд, эти и подобные взгляды Зиновьева напоминают «*Verstehen*»-подход к общественным явлениям, особенно когда речь идет о поведении человека или общественных групп. Понятно, что поведение человека не обязательно должно иметь одно и то же значение для него самого и для того, кто наблюдает за его поведением. Например, как известно, в Советском Союзе нет недостатка в парадах (первомайских, октябрьских и т. д.), в которых участвует большое количество граждан. Некоторые западные наблюдатели рассматривали в свое время эти массовые празднества как проявление лояльности к советской системе или выражение благодарности советских граждан мудрой партии. Судя по интервью, Зиновьев в молодости тоже участвовал в таких парадах, приветствуя, по его выражению,

«власть обыкновенного народа», которая якобы существовала во времена Сталина. Очевидно, что Зиновьев не был исключением, таких как он было, наверное, немало. Одновременно, кроме Зиновьева и ему подобных «советских людей», в этих празднествах участвовали дети и молодежь — некоторые из страха, другие радуясь, что имеют свободный день от занятий, а иные — чтобы не вызвать подозрений на себя или своих родителей. Наконец, многие участвовали в празднествах только потому, что их «коллективам» приказывали принимать участие. Но хотя все они несли плакаты с однообразными лозунгами, из этого вовсе не следует, что все они разделяли одни и те же убеждения или придавали одно и то же значение своему поведению, как это могло бы показаться со стороны. Не вызывает сомнения, что это партийные бонзы на трибунах убеждали себя и других, что их подданные не только маршировали стройными рядами, но и думали в унисон.

Еще один пример. Зиновьев вспоминает, что его мать-колхозница имела Библию, в которой до самой смерти держала портрет Сталина. Кажется, что и тут он привносит *свое* отношение к происходящему в поведение матери, которая якобы верила, точно также как и он, что переживает «великую эпоху человеческой истории», хотя одновременно «ненавидела Сталина за все его дела». Такая интерпретация поведения матери совсем не убедительна. Зиновьев мог верить, что живет в «великую эпоху», в то время когда мать-колхозница волновалась о том, как бы прокормить своего голодного сына, как он сам признает. Возможно, что Зиновьев как наблюдатель так оценивал поведение своей матери, как она сама его не оценивала. Она могла нести портрет Сталина лишь для того, чтобы хоть внешне выразить свою лояльность режиму, который ненавидела. Кроме того, она могла это делать в соответствии с давней традицией русских масс, веривших в то, что, «батюшка-царь» ничего не знает об издевательствах чиновников над несчастными «сиротами». В конце концов, кремлевские пропагандисты еще в тридцатые годы пытались создать подобный образ Сталина. Очевидно, что Зиновьев может считать свое понимание поведения матери ее собственным пониманием. Мы же, однако, склонны полагать, что если его

мать действительно говорила о «великой эпохе», то лишь потому, что повторяла слова своего наивного сына. Нельзя забывать, что в сталинские времена родители часто боялись доверять свои взгляды и представления собственным детям.

Вышеприведенное свидетельствует о трудностях, с которыми сталкиваются не только западные советологи, не имеющие контактов с обычным советским человеком, но и Зиновьев, в тех случаях, когда речь идет об «Verstehen»-подходе к различным явлениям советской жизни.

«Научный эксперимент», утверждает Зиновьев, требует, чтобы мы наблюдали эмпирические факты в таком виде, в каком они существуют в действительности. Он критикует «излюбленный западный взгляд на советское общество, который прямо связан с точкой зрения Солженицына, — советские граждане якобы считают партию и правительство чужой системой, которую они ненавидят и страстно желают свергнуть». Этот взгляд, по мнению Зиновьева, «не соответствует фактам».

В дальнейшем на вопрос о том, какими же являются «действительные факты», касающиеся отношения советских граждан к коммунистической власти, Зиновьев отвечает:

«Не мое дело выносить приговор такого рода; факт, что систему эту приняли. В мою задачу ученого входит описание и разъяснение сути системы. Те, кто хочет знать, как советские граждане на самом деле относятся к партии и правительству, должны изучить структуру советского общества».

Наконец, отвечая на вопросы, в какой мере желания советских граждан согласуются со структурой советского общества, Зиновьев говорит:

«Нет. Речь идет не о желаниях людей, а о социальных законах, т. к. структура и взаимозависимость явлений, которые я наблюдаю, не зависят от личных особенностей участников событий».

Приведенные здесь мысли Зиновьева указывают на определенную путаницу в понятиях — путаницу, которая происходит от попыток автора выяснить одну проблему, подменяя ее другой. В одном месте Зиновьев подчеркивает необходимость понимания советского общества «изнутри», а также необходимость сопереживания с объектом наблюде-

ния, подобно тому, как понимают субъективные параметры поведения человека или группы людей в «Verstehen»-традиции немецкого историзма. В то же время в другом месте он заявляет, что речь не идет о потребностях, установках, ценностях или «личных особенностях» советских граждан, но лишь о «социальных законах», которые имеют силу «законов природы» (традиция французского позитивизма). На каком же основании тогда опровергает Зиновьев взгляд Солженицына, согласно которому советские граждане ненавидят режим, настаивая на том, что этот взгляд не соответствует фактам? На каких же именно фактах основывает Зиновьев свое утверждение, что советские граждане принимают систему? Ответ на этот вопрос очевиден: ни Солженицын, ни Зиновьев не могут опираться на факты, основанные на систематическом исследовании «субъективного» аспекта советской жизни. Может быть Зиновьев верит, что отношение советских граждан к власти (в соответствии с их ценностями) возможно определить с помощью анализа структуры советского общества, так словно это отношение является производным от такой структуры?

Отвечая на вопрос о его предположительном возвращении в «коллектив» в Советском Союзе и возможном водворении там в психиатрическую клинику в качестве психически больного человека, Зиновьев доходит до таких выводов:

«...Я был бы ненормальным в системе, в которой нормой является принятие системы такой, какая она есть. Я согласился бы с тем, что — с точки зрения системы — я ненормальный. А поскольку в советской системе не может быть иной точки зрения, я бы смирился с тем, что я трончтый».

Таким образом Зиновьев утверждает, что в советских условиях он считал бы себя ненормальным человеком. Этим заявлением Зиновьев провозглашает себя человеком, который реально превратился в человека-винтика, человеком, потерявшим какое-либо чувство самосознания. Зиновьев, очевидно, знает, что диагноз его болезни основывался бы не на законах медицинской науки, а на своевольных решениях КГБ. Зиновьев также знает, что он считал бы себя психически больным в советской системе не потому, что там является

«нормой принимать систему такой, какой она есть», а потому что советская система прибегает к грубому насилию над человеком. Т.е. речь идет не о «норме» (даже в его понимании), но о насилии и жестокости системы. Если следовать такому принципу, то западным советологам вовсе не нужно изучать советскую действительность «изнутри», — им достаточно следить за сообщениями «Правды» (если она их опубликует) о психически больных жертвах режима. Не считает ли Зиновьев, что для того, чтобы понять этих людей, западным советологам достаточно оценивать их поведение с точки зрения официальных установок режима? Советская власть, очевидно, понимает, что не все ее подданные стали винтиками; что далеко не все из них считают себя ненормальными только потому, что не принимают систему, сомневаются в ее легитимности или не верят, подобно Зиновьеву, что от нее нельзя будет избавиться и через «тысячу лет». Даже невинный «период смятений», как его называет Зиновьев, времен хрущевской оттепели, открыл ящик Пандоры и мог бы привести к далеко идущим последствиям. Как известно, Хрущев не реформировал и не собирался реформировать советскую систему; он только дал толчок для появления несколько более открытых взаимоотношений между советскими гражданами. И потому не случайно советские прокуроры начали использовать религиозный лексикон, обвиняя свои жертвы в оскорблении официальных идолов — «святых имен», «святых принципов» и т. д.

Зиновьев действительно может объяснять разные явления советской жизни — начиная с психической болезни и кончая отношением граждан к режиму, — ссылаясь на советскую систему и структуру советского общества. Вот что он заявляет:

«Я не интересуюсь наследием истории, культурой или религией. Как логик и социолог я описываю в абстрактной форме определенные явления, существующие в коммунистическом обществе».

Это, однако, не мешает ему (когда это выгодно) прибегать к историческим аналогиям и психологическим экскурсам, а также ссылаться на национальные традиции и культурные ценности советских граждан, особенно растол-

ковывая причины незавидного положения русских в советском обществе:

«Русские никогда не были антисемитами. Во многом они предпочитали скорее иметь дело с евреями, чем со своими. Когда русские имели возможность выбирать руководителя какой-то группы или директора предприятия (имея выбор между евреем и русским), они выбирали еврея. Это была старая русская традиция, в основе которой лежит тот факт, что русские не имеют склонности к управлению».

Вышеупомянутое замечание Зиновьева представляет собой только новую версию старой славянофильской темы, научная ценность которой весьма сомнительного качества. Интересно было бы узнать, однако, почему именно евреи проявляют эту склонность к овладению руководящими постами? Уж не царская ли Россия поощряла их к этому? Трудно поверить, чтобы Зиновьев отважился привести такой аргумент, т. к., в отличие от русских, евреи едва ли имели какие-либо возможности занимать руководящее положение в политической системе России. Евреи, а не русские находились в положении политических парий. Зиновьев мог бы сослаться на изменения в структуре советского общества, которые предоставили народным массам возможность социальной мобильности, даже возможность участия во «власти обыкновенного народа». Эту возможность им предоставил Сталин, а «как только он умер, власть обыкновенного народа умерла вместе с ним». Зиновьев даже приводит в качестве примера свою собственную семью, чтобы продемонстрировать, какие широкие возможности предоставил режим народным массам:

«Возьмем, например, мою семью, которая была крестьянской. Вследствии коллективизации мои родители потеряли все, что имели, но мой старший брат стал директором предприятия; второй получил звание полковника; трое других — стали инженерами; а я — профессором московского университета. В то же самое время миллионы русских крестьян получили формальное образование и стали специалистами в разных областях».

Несмотря на все эти изменения в структуре общества — рост мобильности, коллективизация, — русские не сумели,

по Зиновьеву, полностью их использовать. В значительной мере это объясняется нежеланием или неспособностью русских овладеть руководящими позициями в различных сферах общественной жизни. Они находятся «в колониальной зависимости от других народов в Советском Союзе и низведены до состояния побитых собак (Underdogs)». И, наконец, Зиновьев приходит к выводу, что в сравнении с русскими все другие национальности «находятся в привилегированном положении».

Эту незавидную судьбу русских Зиновьев объясняет «исторической традицией», «важнейшим человеческим фактором: национальным характером русских», «русской психикой», т. е. культурными ценностями, психическими установками и другими особенностями русских.

«Неспособность и нежелание русских настаивать на своей ведущей роли нужно пережить, чтобы поверить в это. Я помню свою собственную карьеру во время войны, когда я не мог диктовать свою волю моим подчиненным. Вы можете подумать, что я имел под началом целую армию. Совсем нет — я имел троих людей в своем подчинении, и я не мог приказать этим трем несчастным подчиненным, что им следует делать. Каждый из них делал то, что ему вздумается. Позднее, в Москве, я был руководителем университетского коллектива — пост, который я очень быстро оставил».

На вопрос «почему?» Зиновьев отвечает:

«Потому, что я не мог контролировать подчиненных мне людей. Более того, я не хотел их контролировать. Как видите, я — типичный русский; я абсолютно не имел желания подталкивать этих людей. Я видел, что у всех у них были разные наклонности и психологические особенности».

Эти и другие замечания Зиновьева безусловно интересны, хотя бы уже потому, что их высказывает человек, готовый объявить себя ненормальным, если советская система его таковым посчитает. Они интересны еще и потому, что их высказывает писатель, который обходит вопрос об отношении советских людей к власти и режиму и ссылается на структуру советского общества, когда выясняет эти отношения, утверждая, что не личные намерения людей,

а «социальные законы» определяют их. Эти замечания любопытны и потому, что их делает автор, убежденный в том, что наблюдаемые им структуры и корреляции не зависят от человеческих особенностей, желаний и потребностей отдельных людей или целых групп.

Было бы ошибочно, однако, считать, что Зиновьев не интересуется «наследием истории», культурными ценностями и психологическими особенностями советских граждан. С точки зрения зиновьевского «идеального типа» или модели советской системы, в ней не может быть места для индивидуальности с ее особыми свойствами и нуждами. На деле же, как утверждает сам Зиновьев, в Советском Союзе живут люди с различными установками, ценностями и потребностями. С точки зрения своей модели Зиновьев определяет отношение советских граждан к режиму, ссылаясь на структуру советского общества. Эти установки нельзя понять на уровне смыслового значения, не опираясь на культурные ценности и личные особенности (наклонности, желания) советских граждан, т. е. на такие переменные, как культура и индивидуальные особенности. Игнорировать эти переменные можно было бы при том условии, что режим превратил своих подданных в запрограммированных роботов. В одном месте, говоря о силе Советского Союза, Зиновьев заявляет, что советское общество находится в «состоянии перманентной мобилизации», и приписывает это состояние идеологической обусловленности и многолетней дрессировке. Но в другом случае, рассматривая возможности внутреннего протеста, Зиновьев говорит, что «советское общество является пассивным и регламентированным».

«Если правительство прикажет людям демонстрировать „в защиту мира“ — они выйдут на улицы, будут нести предписанные плакаты с лозунгами и демонстрировать „за мир“. Но если советское правительство прикажет демонстрировать за войну, те же люди будут маршировать в поддержку войны. Мнением наших людей можно пренебречь. Они индифферентны».

Как видим, Зиновьев может, когда ему это нужно, утверждать, что советское общество находится в «состоянии перманентной мобилизации», и в то же время с уверенностью

говорить, что это же общество является «пассивным» и «индифферентным». Он даже договаривается до того, что для тех же самых людей, которые живут в обществе, находящемся в «состоянии перманентной мобилизации», важнейшими ценностями жизни являются: «пища, квартира, одежда, обувь, здоровье и карьера». Это представление о советском человеке необыкновенно интересно. Подобным образом русские интеллигенты рисовали «обывателя», под которым «почва, как под свиньей, была определенная — навоз...» Наградой такому обывателю служили официальное положение, чин, «царь на троне и Бог на иконе». Русские интеллигенты, очевидно, ожидали, что революция создаст «нового человека», но оказалось, что «новый человек» — это только советское издание русского обывателя. Он отличается от дореволюционного обывателя разве что тем, что новые цари теперь не только на троне, но и на иконе.

Жестко регламентированные институты или общества в общем-то можно себе представить и при отсутствии идеологической мобилизации — например, в тюрьмах или концентрационных лагерях, где узники могут быть пассивными и индифферентными. Такой регламентации можно добиться и при помощи идеологической индоктринации, о чем свидетельствуют примеры утопических общин прошлого столетия или современных идеологических движений, но в таких общественных формациях не будет места людям «пассивным» или «индифферентным». Как правило, идеологические движения с монополией на духовное и физическое насилие, стараются мобилизовать общество путем идеологической индоктринации его членов, обещая создать не только новое общество, но и нового человека. Русские интеллигенты еще задолго до революции были в восторге от предвкушения будущего общества, как перманентного «митинга». Зиновьев, вероятно, еще не отошел от этих традиций русской интеллигенции. Он чуть ли не ностальгически вспоминает сталинскую эпоху, которая по его мнению была эпохой «идеализма, просвещения и даже героизма». «У нас была цель и мы боролись за нее. История редко предоставляет возможность это делать».

Зиновьев не задумывается над тем, для кого же именно сталинская эпоха была эпохой «идеализма и просвещения»,

хотя в одном месте он намекает, что среди таких людей были и жертвы сталинского террора. Он уверяет, что даже те люди, которые знали, что будут расстреляны, все-таки продолжали восхвалять Сталина. «Сталин был для них символом надежды и жизни». Один родственник Зиновьева, который знал, что ему грозит арест и расстрел, был назначен директором предприятия. Несмотря на осознание своего близкого трагического конца, он все-таки воспользовался этой редкой возможностью, поскольку «призыв того славного года был для него более ценным, нежели бессмысленная жизнь длиной в тысячу лет».

Не вызывает сомнений то, что родственник Зиновьева даже в ожидании смерти мог смотреть на Сталина как на «символ надежды» и был преисполнен сознанием того, что «творит историю». Этот, без сомнения меткий пример показывает, до чего была низведена ценность человеческой личности в эпоху сталинского «идеализма». Несчастный родственник Зиновьева представляет собой не «идеалиста», а идеологического нигилиста — опустошенного человека, который перед лицом смерти смотрит на Сталина, как на «символ надежды», утешая себя иллюзией, что творит историю. Жаль, что Зиновьев не вспомнил тут о тех, кто разочаровался в «символе надежды» и покончил с собой, не дожидаясь расстрела в тюремном подвале.

Какую же собственно ценность имеют все эти приведенные Зиновьевым примеры «идеализма», «общей цели», «символа надежды» и т. д.? Они лишь свидетельствуют о том, что в Советском Союзе были люди или группы людей, видевшие в Сталине «символ надежды», верившие в эпоху сталинского «идеализма». Все это известно западным исследователям советского общества. Однако эти примеры не дают основания для обобщений типа: «мы имели цель и боролись за нее», «время Сталина было временем идеализма», «советское общество находится в состоянии перманентной мобилизации». Советское общество вовсе не находится в «состоянии перманентной мобилизации» на основе идеологической обусловленности. Официальная идеология не может не только мобилизовать обычных граждан, но даже тех, кто обладает монополией на власть, т. е. членов партии. Сила и стабильность Советского Союза зависит не от

состояния перманентной мобилизации, а скорее от всепроникающего контроля и тотального насилия. В настоящее время основная задача идеологии в Советском Союзе состоит не столько в мобилизации советских граждан, сколько в легитимации монополярной власти партии и в сохранении целостности империи.

Советское общество, т. е. все его члены в собирательном смысле, никогда не имели и не имеют общей цели, не считали и не считают эпоху Сталина эпохой «идеализма и просвещения», не прославляли и не прославляют Сталина как «символ надежды». За фасадом одних и тех же фраз, лозунгов и бесконечной индоктринации живут люди с разными жизненными идеалами, культурными ценностями, личными особенностями и установками. Советская система не уничтожила человеческую личность, а скорее создала человека с «раздвоенной личностью»: «ритуального» человека-конформиста, заучившего идеологические фразы, и «аутентичного» человека, относящегося к различным явлениям общественной жизни со своим разумением, т. е. придавая этим явлениям разное значение в зависимости от своих культурных ценностей, национальных традиций и даже моральных принципов и религиозных верований, т. е. всего того, что вовсе не вмещается в рамки официальной идеологии. Этот «ритуальный» налет советского человека легко снимается, о чем свидетельствует период оттепели во времена Хрущева, равно как и развитие событий в Польше последних лет; и кремлевские идеологи это хорошо знают. Они также прекрасно осознают, что любое проявление свободомыслия среди их подданных угрожает самому существованию системы.

Факт существования монолитной идеологии в Советском Союзе не так интересен, как интересно и важно отношение к этой идеологии советских граждан. Важно не столько то, что в советской системе существуют новые отношения между людьми (как утверждает Зиновьев), сколько то значение, которое люди придают этим отношениям. Их оценка, анализ «субъективного» подхода, как мы уже отмечали, требуют «Verstehen»-подхода, т. е. требуют рассмотрения того значения, которое советские граждане придают своему поведению, человеческим взаимоотноше-

ниям и другим явлениям общественной жизни. Зиновьев ссылается на постгегельянскую и посткантианскую философию, настаивая на том, что советскую систему можно понять только изнутри. На первый взгляд, намеки на «Verstehen»-подход, в применении к советской действительности требуют от исследователя рассмотрения поведения советских людей в понимании того значения, которое сами они придают этому поведению. Однако по существу Зиновьева не интересуют эти «малозаметные» факты общественной жизни. Его анализ основан на позитивистских принципах: он наблюдает факты, создает модели, устанавливает корреляции и открывает «универсальные» законы коммунистической системы. На вопрос, почему собственно западные исследователи не могут рассматривать советское общество извне, Зиновьев отвечает, опираясь на такие аргументы:

«Коммунизм является новым типом общества — именно потому, что он коренным образом изменил характер общественных взаимоотношений. Фашизм и нацизм не добились этого. Это были политические режимы особого типа, но не новые типы общества. Именно поэтому английский буржуазный ученый, например, может представить себе природу итальянского фашизма без личного сопереживания, но не способен, будучи посторонним наблюдателем, понять коммунистическое общество».

Это утверждение Зиновьева звучит как своего рода декларация, дающая только ему и другим советским гражданам (очевидно не в Москве, а в Мюнхене или в Нью-Йорке) право судить о природе советской системы. В определенном смысле западные исследователи Советского Союза ознакомлены с фактами советской жизни лучше, чем его собственные граждане. Зиновьев может возразить на это (что он и делает), что одной «фактологии» недостаточно. Задачей науки является не сбор фактов, а их интерпретация. Все это более, чем очевидно, но почему же именно западным ученым нельзя разрабатывать «идеальные типы» или «модели» коммунистической системы? Может быть Зиновьев считает, что его «идеальный тип» коммунистической системы единственно правильный? Создавать концепции

общественных явлений можно по-разному. Но «идеальный тип» в общественных науках — это логическая конструкция (Gedankenbild); это не описание, а селективная концептуализация общественных явлений (кстати, «идеальный тип» возможен лишь гипотетически, а фактически он не существует). Однако, как следует из утверждений Зиновьева, его «идеальный тип» коммунистической системы *существует* в Советском Союзе, поскольку советское общество находится в «полной гармонии» с «чистым типом коммунистического общества». Более того, он настаивает на том, что китайское общество не является «чисто коммунистическим обществом», хотя сам признается в своей неосведомленности в китайских проблемах. На каком же тогда основании Зиновьев, создавая свой «идеальный тип» коммунистической системы отождествляет его именно с советским обществом?

Зиновьев определяет «идеальный тип» негативно, противопоставляя «коммунальность» «антикоммунальности» или «коммунальность» «цивилизации». Коммунальность, на его взгляд, — «естественное явление человеческой истории, вполне соответствующее человеческой природе и вытекающее из нее». Цивилизация представляет собой «оборонительный механизм» против коммунальности. Основными элементами цивилизации являются «право, мораль, гласность, религия, гуманизм и другие средства, которые оберегают в определенной мере человека от других людей...» Понятие «цивилизация», по Зиновьеву, совпадает с «civility», которое д-р Джонсон определил, как «состояние цивилизованности». Коммунизм, по мнению Зиновьева, «возникает из коммунальности, использует ее, развивает, создает подходящие для нее условия, организует ее, вызывая к жизни особый тип общества и особую форму общежития для многомиллионных масс». Коммунизм появляется в истории как «противоположный полюс цивилизации, отрицающий цивилизацию и одновременно способствующий ее регенерации». Борьба между этими двумя антагонистическими тенденциями ведется «всегда и повсюду». В исторической плоскости, однако, эти две антагонистические тенденции космического масштаба сводятся к противопоставлению Советского Союза Западу. Т.е. мы имеем тут дело с излюбленной темой русской интеллигенции — «Россия» и «Запад», только с той

разницей, пожалуй, что Зиновьев объясняет это противопоставление «естественными законами» и буквально пророчествует: коммунистическая система «просуществует до конца человеческой истории».

Эти законы коммунальности (коммунальные законы), по Зиновьеву, являются общечеловеческими, поскольку в их основе лежит «борьба за существование» или «борьба всех против всех», т.е. в них проявляет себя «социально-биологическая» природа человека. В этом смысле они являются естественными законами, которые определяют поведение людей и их взаимоотношения. На деле, однако, эти законы являются нормативными принципами (такими, например, как «давай меньше, бери больше»), которые Зиновьев выводит из своей концепции человека. Он утверждает, кроме того, что «прогресс человечества в определенной мере — это процесс изобретения средства ограничения коммунальных законов и контроля над ними». Таким средством является не что иное, как «цивилизация»: «мораль, правда, религия, свобода прессы и мысли, гласность, идеи гуманизма и т.д.» Если люди считают «коммунальные нормы» постыдными или даже преступными, то лишь потому, что на протяжении столетий они научились приспособлять свое поведение к требованиям цивилизации. Размышляя подобным образом, Зиновьев приходит к такому основному заключению:

«Какой — человеческий или античеловечный — тип общества укоренится в той или иной стране, зависит не от самих коммунальных законов, а от того, способно ли население этой страны развить институты, которые могли бы противостоять законам коммунальности и ограничивать их силу».

Для того, чтобы понять определенное общество, нужно знать не столько «универсальные» законы коммунальности, сколько характер исторически развитых институций и культурных ценностей этого общества. Только в этом случае имеет смысл утверждение Зиновьева, что «даже коммунизм приобрел бы цивилизованные, либеральные формы, если бы он каким-либо путем попал в Западную Европу». И Зиновьев продолжает:

«Вы не заставите французов, итальянцев или американцев жить так, как живут русские: относиться терпимо к лагерям, принудительному труду, цензуре, убогому жизненному уровню, идеологической зависимости и всему остальному. Они не приняли бы всего этого».

Как мы видим, законы коммунальности, несмотря на свою универсальность, не объясняют основную проблему: почему «чистый тип» коммунизма расцветает *только* в обществе X? Почему это общество не развило институций и культурных средств, способствующих развитию цивилизованных форм общественной жизни и ограничивающих коммунальность? Для решения вопросов такого порядка нужен сравнительно-исторический подход.

В одном месте интервью, говоря об универсальном характере законов коммунизма, Зиновьев приходит к крайне детерминистскому выводу:

«Таким образом, они относятся к любому обществу, где ликвидирована частная собственность, где промышленность и сельское хозяйство национализированы. Как только появляются эти условия, обязательно возникают и социальные структуры, идентичные тем, что существуют в СССР».

Но в другом месте («Коммунизм как реальность»), однако, Зиновьев выражает мнение, совершенно противоположное вышеприведенному:

«Возьмем, например, собственность: при коммунизме на самом деле не существует частной собственности на орудия производства. Но сказать только это, значит не сказать абсолютно ничего о коммунистическом обществе».

В то же время Зиновьев отрицает, что коммунистическая система, в отличие от капиталистической, основана на экономических отношениях; скорее она строится на отношениях иного порядка — на «коммунальных» отношениях. Он даже ссылается на исторические аналогии, утверждая, что общественный строй, созданный в России после революции, в значительной мере представляет собой обновленное крепостничество, существовавшее в течение столетий. Здесь не место давать более общую оценку теоретической модели Зиновьева, тавтологический характер которой достаточно очевиден. Зиновьев имеет право настаивать на том, что он открыл естественные законы коммунистической системы, но

в таком случае он должен взять на себя труд приведения доказательств.

Следует подчеркнуть, что описание Зиновьевым советского общества имеет определенную ценность, независимо от его теоретических установок, в частности от открытия им «естественных законов коммунизма».

По аналогии с «хозяйством сеньора» в феодальном обществе Зиновьев пытается создать модель основной ячейки советского общества. Эту основную ячейку он называет «коммуной» и «первичным коллективом», и рассматривает ее внутреннюю структуру и характер присущих ей общественных взаимоотношений. «Коммунистическое общество» состоит, по его мнению, не «из отдельных индивидов, а скорее из коммун», т. е. человек функционирует в обществе как член «первичного коллектива», а не как обособленная личность. Одной из основных особенностей «первичных коллективов» является именно тот факт, что они создают «литургические» группы, т. е. основаны на принуждении. В этом смысле они напоминают русские «общины» (в определенный период их существования), которыми так увлекались русские интеллигенты-народники, обвинявшие иногда украинцев в том, что они съели «общину» с кашей. В советском обществе, однако, «общинные начала» приобрели универсальный характер, поскольку они не ограничены определенной территорией или определенным общественным слоем. «Индивид, который может жить в обществе независимо от первичного коллектива, — утверждает Зиновьев, — представляет угрозу основам общества». Эти первичные коллективы стараются поставить личность в положение полной зависимости от них при помощи контроля, «поощрений и наказаний, производственной деятельности и личной жизни». Зиновьев, вероятно, имеет в виду то, что первичные коллективы или коммуны не являются функционально-специфическими группами, т. е. группами, влияние и контроль которых ограничивается специфически определенной сферой деятельности. Скорее, первичными коллективами охвачена также вся социальная сфера жизни (собрания, вечера, путешествия, а также и личные отношения и вытекающие отсюда «сплетни, любовные приключения, пьяные оргии...»)

Основываясь на вышесказанном, Зиновьев делает вывод, что социальные отношения в коллективах приобрели интимный характер: «Они объединяют коллектив в одну семью не только в фигуральном, но почти в буквальном смысле»:

«Интимная жизнь коллектива состоит из большого количества действий и обязательств, которые в большинстве случаев являются обычными, автоматическими, не ясными и не доступными для посторонних, но очень реальными для тех, кто принимает в ней участие. Они определяют то, что делает человека „нашим“ для определенной части коллектива, а через эту часть и „нашим“ для всего коллектива. И соответственно в интимной жизни человека не остается ничего, что не было бы известно коллективу, начиная от состояния его внутренностей и до любовных приключений».

В своем описании первичного коллектива Зиновьев затрагивает, на наш взгляд, важный аспект организации советского общества, и это помогает его лучше понять. Это не значит, однако, что его интерпретация первичного коллектива обязательно правильна; скорее она лишь намекает на некоторые интересные проблемы, заслуживающие внимания. Одна из них — попытка отождествить первичный коллектив с семьей, приписывая ему такие особенности, как интимный, родственный и личный характер внутренних отношений и т. д. Одновременно Зиновьев настаивает на том, что в советском обществе коренным образом изменился «характер общественных отношений». Зиновьев называет эти отношения «коммунальным взаимоотношением». По всей вероятности, Зиновьев не пытается, отождествляя коллектив с семьей, утверждать, что структура советского общества базируется на семейных отношениях, как это бывает в племенных общинах, структура которых основана на семейном родстве. Ведь если допустить, что коллектив связан с семьей, то как может автор настаивать на том, что в советском обществе возникли принципиально новые социальные взаимоотношения? Как известно, семья и брак в западных обществах базируется почти исключительно на личных отношениях.

Личные отношения приобретают интимный характер в сфере частной жизни, независимо от того, идет ли речь о

семье или группе близких друзей. На первый взгляд отношение врача или психиатра к пациенту выглядит, как «личное» и «интимное», поскольку он может интересоваться личной и даже интимной жизнью пациента. Однако врач может позволить себе это только потому, что его отношение к пациенту является «неличным» (имперсональным), только функционально-специфическим. Иными словами, врач может задавать «личные» вопросы только потому, что это непосредственно вытекает из его специфической функции врача. И по этой причине вся эта личная информация считается конфиденциальной. Поскольку отношения между врачом и пациентом не являются личными, в отличие, например, от отношений между мужем и женой, он не имеет права на вопросы, которые не связаны с его профессиональной функцией. Кроме того, врач или психиатр не может использовать эти конфиденциальные сведения для того, чтобы делать доносы, распространять сплетни, не говоря уже о помещении в психиатрические больницы пациентов, страдающих «реформаторской манией».

Здесь важно то, что интимно-личные отношения, существующие в частной сфере жизни человека, обеспечиваются атмосферой взаимного доверия, терпимости и преданности. При отсутствии этих элементов — например, в семье, где муж и жена не доверяют друг другу или даже следят друг за другом, — интимно-личные отношения исчезают бесследно. Важно и то, что как раз в контексте интимно-личных отношений человек не только осознает глубже свою индивидуальность, но и дорожит индивидуальностью другого человека. Поэтому в личных отношениях привязанность к конкретному человеку становится обязательной, т. е. человек здесь считается незаменимым и даже уникальным. Именно поэтому мы так переживаем, плачем, страдаем, когда болеет или умирает член нашей семьи или близкий друг. А функциональные отношения, которые в основном не являются личными, на самом деле служат лишь средством достижения определенной цели (instrumental relations). О личном доверии, терпимости и преданности здесь не может быть и речи, поскольку эти отношения требуют только компетентного исполнения строго очерченных функций. Личные качества человека, как и наше

отношение к нему (стар он или молод, верующий или нет), в данном случае несущественны.

Это известное социологам различие между личными (семейными, супружескими, товарищескими) и функциональными взаимоотношениями, которые типичны для обществ с развитым разделением труда, позволяет лучше проникнуть в характер «коммунальных отношений», существующих, по мнению Зиновьева, в первичных коллективах и коммунах. На первый взгляд эти коллективы выглядят как функциональные группы с внутренне формализованной структурой, дифференциацией деятельности и иерархической организацией. Как правило, в таких группах — от производственных предприятий до университетских коллективов — доминируют неличные (функционально-специфические) отношения, несмотря на то, что внутри этих групп отдельные члены коллектива могут поддерживать личные отношения. Эти личные связи, однако, не принадлежат к формальной структуре этих групп; наоборот, между ними существует фактическое и нормативное размежевание — не только потому, что эти коллективы не могут превратиться в приятельские компании, но и потому, что друзья считают свои неформальные отношения личным делом, которое прямо не относится к их формальному положению или функции в производственных отношениях.

Зиновьев уподобляет первичные коллективы семье, акцентируя внимание на «интимной жизни» и личных отношениях внутри них. В то же время он подчеркивает, что взаимоотношения членов коллектива пронизаны «взаимным насилием, взаимным унижением и взаимной слежкой». Таким образом получается, что родственные и интимно-личные отношения в коллективах возникают в атмосфере доносов, недоверия и клеветы, в атмосфере коммунального подавления «личной независимости». Зиновьев утверждает: «Вы повсюду находитесь под пристальным наблюдением ваших сотрудников и коллег». Он говорит: «Я не знаю более отвратительного явления в человеческих отношениях, чем интимная близость советских людей».

Это парадоксальное описание первичного коллектива, — где личные взаимоотношения пронизаны взаимным недоверием, где интимность процветает в атмосфере

доносов, где человека лишают души, — вызывает ряд вопросов и нуждается в несколько иной интерпретации. Можно выдвинуть гипотезу, что первичные коллективы вряд ли содействуют возникновению личных взаимоотношений и «интимной близости», скорее наоборот: их функция — это подрыв личных отношений и уничтожение частной сферы, где сохраняются интимные взаимоотношения между людьми. В первичных коллективах нет места для человеческой индивидуальности с ее личными особенностями, — наоборот, личные особенности человека вызывают здесь, как правило, подозрения. В атмосфере такой «интимной близости» существует человек, который не может не почувствовать «межличную» разобщенность, изоляцию и даже одиночество. Марксистские идеологи, между прочим, имели бы немалое поле деятельности, если бы изучали проблему отчуждения (*Entfremdung*) в советском обществе.

В какой мере эти первичные коллективы отражают советскую действительность? На этот вопрос можно ответить только при помощи эксперимента. Очевидным является только то, что этот «идеальный тип» коллектива не следует отождествлять с советской действительностью, хотя бы потому, что, как каждый «идеальный тип», он строится при помощи определенного преувеличения (сознательного или несознательного), и одностороннего стереотипного обобщения. Все это отнюдь не снижало бы ценности зиновьевской концепции первичного коллектива, при условии, что она была бы началом, а не концом научного исследования.

Следует обратить внимание и на то, что советская система все еще окончательно не добралась до «внутренностей» человека, еще не уничтожила частной сферы его жизни, взаимного доверия между людьми и интимно-личных отношений между ними, хотя и подорвала серьезно их основы, и ограничила социальное значение их влияния. Само стремление к приватности теряет свою ценность в условиях чрезмерной зависимости человека от коллектива и осознания опасности изоляции от него.

На каких же тогда общественных отношениях базируется первичный коллектив? Назвать его семьей — значит говорить метафорически, иными словами, не доказывать, а иллюстрировать. Настаивать на том, что первичный

коллектив строится на основе семейных, т.е. личных отношений, было бы недоразумением, т.к. одна из функций первичного коллектива состоит как раз в том, чтобы не только затруднять, но и предупреждать спонтанное возникновение личных отношений и групп, связанных личными отношениями. Хотя первичный коллектив можно описать как производственную группу, из этого вовсе не следует, что он является организационной единицей, базирующейся только на основе распределения труда и функциональной взаимозависимости его членов. Первичный коллектив пытается всецело подчинить и ввести в свои структурные рамки различные аспекты жизни человека. Этому препятствует важная общественная институция — семья, супружество. Действия, направленные на то, чтобы поставить человека в зависимость от коллектива (и не только экономическую — работа), создают благоприятные условия для всестороннего контроля над его жизнью. Контроль этот не ограничивается производственной деятельностью, он распространяется на частные отношения и, в равной мере, на «духовную» жизнь человека (идеологический контроль). Зиновьев указывает на это свойство коллектива:

«Советская жизнь наполнена чувством общей цели, которая создает ориентацию на новое и богатое сознание. Это позволяет человеку ощущать, что несмотря на все неудачи, вы идете куда-то. Ни у кого на Западе не может быть такого чувства».

Интересен здесь тот факт, что коллектив определяет не только производственные нормы, но также и жизненную цель человека, которая воплощает «высшую коллективную цель» общества, имитируя в этом смысле советское общество в целом. Таким образом, первичный коллектив как «литургическая» (основанная на принуждении) группа является не только производственной единицей: он влияет также и на формирование нового сознания своих членов, воспитывая у них чувство «коллективной цели». Что же касается объема этого влияния, то первичный коллектив стремится к тотальной власти над человеком, напоминая этим утопические общины, хотя некоторые из таких общин пытались совсем лишить своих членов родственных связей.

Какой же смысл тогда в утверждении, что советская система создала радикально новые отношения между

людьми? На этот вопрос нелегко ответить из-за отсутствия удовлетворительной классификации общественных отношений. Во всяком случае, «коммунальные отношения» Зиновьева, — это слишком расплывчатое понятие, чтобы использовать его для понимания внутренней структуры первичного коллектива. Если свести общественные отношения к: 1 — личным (привязанность к человеку, основанная на отношении к его личным качествам); 2 — функциональным (взаимозависимость на основе распределения функций); 3 — идеологическим (приобщенность к общим символам), то конфигурация этих отношений в структуре первичного коллектива проясняется. Прежде всего, первичный коллектив подрывает сферу личной жизни с помощью «сплетен», «слухов» и даже «клеветы», формируя некий суррогат общественного мнения на их основе. Помимо этого, он подрывает основы личных отношений, создавая атмосферу взаимного недоверия и слежки. И наконец, первичный коллектив изолирует человека, закрепляя тем самым его всестороннюю зависимость от этого коллектива. В контексте коммунальных отношений «интимная близость» — это всего лишь иллюзия; реально же существует беззащитный человек, который унижает и обвиняет себя и других, не имеет собственных ценностей и стремится лишь к «коллективной цели». До того, как изменить свои взгляды, Зиновьев писал, что такого рода «интимная жизнь» вовсе не является достижением на пути духовного развития человечества. Скорее — это своего рода разврат в сфере социальной и духовной жизни в целом.

В своем интервью для «Encounter», всего через два года, Зиновьев запел уже совсем по-другому. Тот же коллектив с его «интимной близостью», который два года назад представлял собой «наиболее отвратительное явление в человеческих отношениях», становится источником «нового» и «богатого сознания». Все тот же коллектив, что раньше лишал человека «личной независимости», ныне превращается в группу преданных друг другу приятелей, за которых Зиновьев готов отдать свою жизнь. Он даже с радостью отдал бы все, что имеет на Западе (вероятно, включая и интеллектуальную свободу), чтобы возвратиться в коллектив — тот самый коллектив, который два года назад

представлялся ему «коммунальным порабощением». Даже общественное признание Зиновьева «мудрым человеком» и «великим сатириком» не имеет теперь для него большого значения.

«Оно теперь ничего не значит потому, что я живу в условиях интеллектуальной сегрегации, как большинство французов, американцев и немцев... Каждый из них в своем перегретом, переоблебенном, личном гетто... преодолевает депрессию и отчаяние, которые проистекают из благополучия, изоляции и недостатка общей цели».

Все эти пустые фразы досадно читать. Они способны увлечь разве что западных «недорослей», возвеличивающих коллективизм Сталина и Мао и черпающих мудрость из дурного качества памфлетов. И неужели Зиновьев на самом деле думает, что возвращение к московскому коллективу, по которому он истосковался, спасет его от интеллектуальной сегрегации? На самом ли деле он полагает, что на Западе нельзя найти «недогретого», «недомеблированного» или даже «коммунального гетто» с «коллективной целью»? Создается впечатление, что тоска по коллективу не имеет абсолютно ничего общего с его «интеллектуальной сегрегацией», — она, скорее, свидетельствует лишь о «распушенности» Зиновьева как человека и ученого.

Мы обратили внимание в этой статье на социологический аспект анализа советского общества с позиции Зиновьева. В его интервью есть и ряд политических утверждений, которые заинтересуют читателей. Нельзя сказать, что в социологическом анализе советского общества Зиновьева нет политических и идеологических импликаций. Тогда, когда Зиновьев рассматривает насилие над человеком в коллективе (в том числе и отвратительное явление «интимной близости»), он приходит к выводу, что оно имеет определенную ценность: «Несомненно имеет, ведь оно в конце концов представляет собой единственную форму человеческих отношений в условиях коммунальности». Зиновьев, вероятно, намекает здесь на то, что это явление в советском обществе не только существует, но и непременно *должно* существовать как проявление «естественных зако-

нов» коммунальности; более того, он выводит из факта существования этого явления его ценность. Зиновьев не задумывается над вопросом, для кого именно это явление имеет ценность (хотя можно допустить, что для советской системы в целом). Зиновьев не только говорит об определенных явлениях советской жизни, он также оценивает и оправдывает эти явления (хотя и отрицает это). Ему нетрудно провозгласить коллективизацию конечной фазой большевистской революции (единственно возможным ее последствием). Он вполне оправдывает коллективизацию, очевидно, включительно с «пятнадцатью миллионами русских крестьян», которые, по его подсчетам, погибли во время ее проведения. И наконец, провозглашает массовое насилие, террор, чистки и другие ужасы сталинских времен лишь «трагическими», но не «преступными» явлениями. В свете таких позитивных последствий, как «новые возможности», «улучшение условий жизни», «мобильность», «просвещение», Зиновьев рассматривает коллективизацию и массовое насилие в качестве условий, без которых этих последствий не было бы. На вопрос: «Можно ли оправдать бесчисленные человеческие жертвы?» Зиновьев отвечает:

«„Человеческая жертва“ — это морально отягощенное понятие. Им нельзя пользоваться, когда речь идет об истории. Мораль тут не при чем. В истории случается то, что случается. Мое задание — принять это во внимание и рассмотреть последствия.»

Как уже было замечено, Зиновьев считает себя не только «советским человеком» и социологом, но и русским патриотом, который дорожит русской культурой и озабочен судьбой русского народа. Зиновьев, очевидно, имеет право называть себя русским патриотом. Но и мы вправе ожидать от него и других русских патриотов уважения к нерусским народам империи — уважения, которое является условием их самоуважения, т. к. русские, если воспользоваться определением Зиновьева, не только сами находятся в положении «собак», но и доводят до этого положения национальные общности, входящие в состав советской *sentina gentium*. И мало того — они еще требуют от них прославления своего «собачьего» положения и благодарности «собирателям» русских и нерусских земель за «осво-

бождение». И это последнее требование — уникальное явление в истории всех империй. Власти буквально уничтожают людей или группы людей, которые всего лишь защищают культуру своего народа, его историю (читают, к примеру, Грушевского или Драгоманова и отказываются считать национальное порабощение освобождением). Они устраняют даже верных слуг советской империи (таких, как Шелест), у которых еще сохранилась капля национального самоуважения.

Взгляды Зиновьева на политическое положение русских переходят границы приличия, не говоря уже об интеллектуальной честности. Зиновьев считает, что русский народ стал жертвой «внутреннего колониализма» — всех этих «национальных мафий»: евреев, армян, украинцев, татар и др. Такая позиция далеко не нова, она была в ходу у русских националистов в прошлом столетии как аргумент, оправдывающий защиту русскости российской империи. Аналогичным аргументом пользовались еще сторонники древней *sentina gentium*, призывая римских граждан не признавать «Рима греческого». Пытаясь доказать культурную дискриминацию русских, Зиновьев жалуется, что русские — единственные — не имеют своей академии наук (как будто он не знает, что Советская Академия Наук — это академия имперская). И наконец, он, пытаясь вызвать у западного читателя сочувствие к гибели пятнадцати миллионов русских крестьян во время коллективизации, ни слова не сказал о том, что среди жертв преобладали представители «национальных мафий» — преимущественно украинцы. Если же он вспоминает украинцев то только для того, чтобы указать на их господствующее (*sic!*) положение в армии. Не менее неуместными являются и заявления Зиновьева о «целительных» последствиях «русских связей» для нерусских народов.

«Предоставьте обычному украинцу или азербайджанцу возможность выхода из Советского Союза — он откажется. Конечно, все еще встречаются в незначительном числе националисты, которые думают иначе, но подавляющее большинство не хочет национальной независимости.»

Еще одна старая песня русских националистов — в новом, правда, исполнении.

*Петр Самородницкий**

БРАНЬ ЗА ПРАВДУ

От автора

Эта до сих пор не публиковавшаяся статья написана более четырех лет назад. Перечитав ее недавно, я обнаружил три вещи. Во-первых, я понял, что совершил ошибку, когда после неудачной единственной попытки ее опубликовать, махнул на нее рукой и забыл о ней. Во-вторых, я наконец-то сообразил, что те, кто отказался в свое время ее опубликовать, своим отказом подтвердили точность поставленного в статье диагноза болезни «коммунизма в России». В-третьих, и это самое главное, оказалось, что статья, пролежавшая столько лет в ящике письменного стола, выдержала испытание временем и сегодня, быть может, еще более актуальна, чем в прошлом.

Статья предлагается вниманию читателя в почти том виде, в каком она была написана в 1980 году. Неудобство в этом есть только одно: меня уверяют, что Б. Парамонов за эти годы изменил некоторые свои суждения и оценки. Если это правда, тем лучше, но ведь в статье я полемизирую не с сегодняшним Б. Парамоновым, а с другим, с тем, каким он был тогда... Впрочем, как убедится читатель, полемика с ним в статье это лишь повод, никак не больше.

I

Это — еще одна статья о России и коммунизме. Нужна ли она после всего, что было уже об этом высказано, выкричано и выпорено? Я думаю, что нужна, я убежден, что

* Автор статьи — кандидат философских наук, преподавал философию естествознания в вузах Украины. В 1979 году эмигрировал в Израиль. Живет и работает в Иерусалиме.

обсуждение этой проблемы должно и будет продолжаться до тех пор, пока коммунизм не станет для России таким же прошлым, как татаро-монгольское иго.

Сравнение это не случайно. Немало перенесла Россия за свою тысячелетнюю историю — опричнину и цареубийства, Смутное время и чужеземные нашествия, но лишь дважды смертельная беда обрушивалась на нее: в первый раз от врага внешнего — татаро-монголов, второй — от внутреннего, коммунизма.

Увы, с тем, что последняя, нынешняя, беда является столь же смертельной, даже сегодня соглашаются далеко еще не все. Как это ни грустно, не так уж редко даже идейные противники коммунизма прощают ему многое, если не все, упоенные созерцанием созданной им гигантской военной мощи, держащей в страхе весь мир. Но пусть традиционные для России восторгатели державным величием не заблуждаются: коммунизм губит и не в малой степени уже погубил в России все — от народной души до ее природы, от национальных традиций до ее хозяйственных устоев.

А если это так, если коммунизм и в самом деле губит Россию и может ее окончательно загубить, прихватив заодно и весь остальной мир, то как же можно не задаваться снова, пусть даже в сотый и тысячный раз, вопросом — почему это, совершенно ли случайно, коммунизм как политическая и социально-экономическая реальность и практика утвердился прежде всего именно в России и уже оттуда распространяется, притом обычно насильственно, в другие страны?

Вопрос этот бесконечно важен для России еще и потому, что одним только устранением от политической власти коммунистов излечить Россию от болезни коммунизма не удастся. Слишком глубокие корни пустил коммунизм в России, слишком сильно успел он развратить население ее, чтобы можно было надеяться без трудной, долгой, не на жизнь одного поколения рассчитанной, работы реально, не на слова только и не во внешних лишь формах жизни, отодвинуть его в прошлое.

Но вопрос, почему Россия, а не какая-либо иная страна, первой, — причем, по собственной, а не чужой воле — широко распахнула свои двери перед коммунизмом, имеет

громадное значение и для всего остального мира, для Запада в особенности.

Да, несомненно, Западу очень хотелось бы уверовать, что только в России коммунизм оказался возможным, что именно специфика национальной исторической судьбы России и особенности русского национального характера обрекли ее на коммунистическую судьбу. Но разве желание унижить Россию и ее народ делает для Запада столь желанным такой ответ?

Разумеется, недостойно и нечестно было бы согласиться с таким предположением только для того, чтобы угодить Западу. Этим ему и России была бы оказана самая скверная из всех мыслимых услуг. Впрочем, не менее недостойно было бы отвергать эту возможность из-за того только, что для Запада она является предпочтительной. Я думаю, что те, кому особенно близки и дороги интересы России и ее народа, должны были бы прежде всего ответить на этот вопрос сами себе, ответить максимально честно, не позволяя отвлекать себя соображениям, способным исказить истину.

Независимо от того, сколько правды или неправды есть в предположении, что коммунизм мог возникнуть и утвердиться только в России и что ни в одной стране Запада самопроизвольно это произойти не могло, в яростном протесте против такого предположения слишком много запальчивости и чисто советской нетерпимости, чтобы можно было увидеть в нем истинную жажду правды. Но если мы действительно постигли, что такое коммунизм (и не только в тех или иных отдельных проявлениях его, а в самой его сущности), если мы и в самом деле хотим, чтобы Россия и человечество освободились от него, то почему бы по крайней мере спокойно не исследовать эту возможность? Разве можем мы до беспристрастного, ищущего одной только правды, какой бы она ни была, исследования знать, где находится источник постигшей Россию и человечество беды?

И если неловкость, пусть даже оскорбленное национальное самолюбие, вызванное предположением, одним только предположением, что в тебе самом хоронится причина несчастного недуга, становится помехой на пути к правде о нем, то не позволительно ли усомниться в

искренности горя, которое ты испытываешь от постигшей тебя беды?

II

Оставим, однако, пока Россию в покое и поразмыслим об онтологической субстанции коммунизма вообще. Это необходимо потому, что прежде чем решать, кто в большей, а кто в меньшей мере предрасположен к коммунизму, нужно попытаться раскрыть его тайну, отыскать разгадку его притягательной для многих силы, обнажить корни его устойчивости и долговечности.

Проблема, что и говорить, не новая. Глубокомысленным исследованиям социальных, политических, экономических, философских, нравственных, эстетических и даже психоаналитических оснований коммунизма нет числа. И тем не менее, тайна, загадка коммунизма сегодня столь же мало понята, как и шесть десятилетий назад. Ибо невозможно же поверить, чтобы возбудитель столь опасной для человеческого тела и духа болезни был обнаружен, чтобы была обнажена и обличена столь пагубная во всех отношениях потенция его и чтобы, несмотря на это, не удалось по крайней мере остановить распространение его на все новые страны и континенты.

Я думаю, что все более разрушительные для мировой цивилизации победы, которые одерживает коммунизм, все более сокрушительные поражения, которые терпят его противники, во многом объясняются игнорированием или недооценкой личностно-психологических и сопричастных к ним нравственных оснований коммунизма. Каковы же, на мой взгляд, эти основания?

Вспомним прежде всего, что коммунизм возник как комплекс идей, ценностей и установок, который ориентирован и имеет предметом своего преимущественного внимания наименее конкурентоспособные элементы низших слоев западного общества, т. е. элементы, необходимость социальной защиты которых не вызывает сомнений. Центральным пунктом коммунистической доктрины, в который охотно поверили и продолжают верить многие даже не симпатизирующие ей, является идея об исчерпываемом

характере социального определения этих элементов и достаточности социального объяснения их неконкурентоспособности. Поскольку эта идея была принята за истинную, вывод о возможности устранить эту неконкурентоспособность в иных социальных условиях стал само собой разумеющимся. Оставшаяся часть задачи, поэтому, сводилась к умозрительному конструированию модели такого социального устройства, в котором все было бы подчинено достижению этой цели, и в радикальных действиях, направленных на реализацию данной модели.

Нет надобности задумываться сейчас над тем, в какой мере были добросовестными и искренними намерения создателей и адептов этой доктрины — решительно никакого значения это не имеет. Существенней здесь другое, а именно, что даже элементарное логическое обоснование ее возможно лишь с позиций совершенно ложного эгалитаризма. Ведь если Бог или природа создают нас *разными* в физическом, интеллектуальном, эмоциональном, волевом и всех прочих отношениях, а нам это известно и мы это признаем, то вера в возможность того, что в каких бы то ни было иных социальных условиях это положение может измениться, лишена всяких оснований.

Но эгалитаристская предпосылка коммунистической доктрины является не только совершенно ложной, но и крайне экстремистской. Реально-практический ее смысл с самого начала состоял в том, что люди с неблагоприятными психологическими качествами были превращены в объект безжалостного и пагубного для них идеологического и политического манипулирования, которое сейчас, как и в прошлом, маскируется псевдогуманистической фразеологией. Иначе говоря, марксистская коммунистическая доктрина проблему, которая по своему происхождению является в значительной мере генетически-психологической и только по последствиям приобретает социальное значение, объявляет целиком социальной и на этом основании дискредитирует все средства социальной терапии и декларирует неизбежность и дозволенность любых методов социальной хирургии.

Опыт уже показал, что никакая, даже самая радикальная, связанная с ампутацией каких угодно частей социаль-

ного организма, хирургия не может устранить фактического неравенства между людьми, а значит, обеспечить всем равную степень конкурентоспособности. Но иллюзии, распространяемые на этот счет коммунизмом, опасны и независимо от этого опыта, ибо провоцируют и поощряют в массовом масштабе совершенно необоснованные и не могущие поэтому получить удовлетворения притязания. Ввиду того, что иллюзии эти до сих пор разделяются и многими некоммунистами, имеющими склонность к различного рода социалистическим моделям, уместно поставить несколько прямых вопросов.

Можно ли оспаривать, что каждый человеческий индивидуум имеет свой, в разных случаях различный, потенциальный максимум? Позволительно ли отрицать, что только стремление реализовать этот потенциальный максимум, каков бы он ни был, является условием как социального, так и индивидуального благополучия и удовлетворенности? Может ли какая-либо жизнеспособная цивилизация быть создана и сохраниться, если индивиды с высоким потенциальным максимумом будут лишены возможности или стимула реализовать его в условиях индивидуального и группового состязания? Число таких вопросов можно значительно умножить. Попробуем присмотреться к ним повнимательней.

Различия между людьми, разный уровень потенциального максимума индивидов устранимы лишь вместе с родом человеческим, и мы должны это принять как данность, независимо от того, нравится нам это или нет. Поскольку более или менее острое чувство неудовлетворенности в связи с этим было, есть и навсегда останется реальной возможностью или уделом огромного большинства людей (ибо лиц с реализованным самым высоким потенциальным максимумом никогда не может быть много), а желание добра каждому человеческому существу является устоем, вне которого невозможна цивилизация, построенная на единственно приемлемых для нас ценностях, перед нами встает старая, как мир, проблема: что есть истинное добро для человека?

Эту проблему лучше сформулировать здесь конкретнее. Послужит ли истинному добру стремление сделать людей с

высоким потенциальным максимумом виновниками психологического дискомфорта лиц, обладающих более низкими возможностями самореализации? Будет ли недозволенной смелостью, если я скажу, что истинное земное предназначение человека состоит в том, чтобы реализовать данный ему Богом, судьбой или природой потенциальный максимум и тем самым содействовать всем другим людям выполнить это же земное предназначение?

Главная ложь коммунизма заключается в утверждении, что самореализация лиц с высоким потенциальным максимумом является непременно и во всех случаях препятствием для индивидов, чей максимум значительно ниже. И именно из этой главной лжи следует, что люди с менее удачной судьбой вместо того, чтобы стремиться к своему потолку, к полному самоосуществлению и к утверждению этим единственно честным и достойным путем своей личной и социальной ценности, должны воспламеняться ненавистью к тем, чья судьба оказалась более счастливой. Но разве не означает это, что коммунизм плодит посредственность и ничтожество — тот наихудший вид ничтожества, для которого нет иных способов самоутверждения, кроме уничтожения или хотя бы унижения одаренности и незаурядности?

Бог не дал человечеству, и оно само не смогло изобрести, иного средства благоустройства и расцвета, чем групповое и личное состязание духовных и физических сил. В этом состязании неизбежны разные результаты — более или менее высокие, разные степени человеческой благодарности и восхищения — от признательности близких за исполненный перед ними долг до всемирного почитания за великие заслуги перед человечеством. Но возможно ли это состязание, если участвующим в нем будет запрещено стремиться к максимально высоким результатам оттого, что это унижает и возбуждает зависть у других, чьи результаты ниже?

Человеческая зависть... Сколько обличительных слов было произнесено по ее адресу, как часто, и чаще всего справедливо, видели в ней первую причину человеческих страданий — как тех, кто ее испытал на себе, так и тех, кто ее испытал в себе. Какое несчетное множество раз именно она толкала людей на бесчестные поступки и даже страшные

злодеяния. Нужно ли удивляться, что требование коммунизма раз и навсегда уничтожить основания для зависти вызвало столько сочувствия, нашло такое понимание, привлекло столь многие горячие и опрометчивые сердца?

Есть только один просчет в этом всеобщем негодовании против зависти. Там, где нет ни у кого оснований быть уязвленным высокими достижениями других, там нет и этих высоких достижений. Там, где торжествует серость и банальность, там умерщвляется оригинальность и неповторимость.

Да, в состязании способностей и дарований побежденные так же необходимы, как и победители. Мы можем с горечью или с грустью сокрушаться по поводу неумолимости, с которой высший судья — Бог, история или жизнь — выносит каждому из нас свой приговор. Мы обязаны сделать гораздо больше, чем сделали до сих пор, чтобы призерами в этом состязании становились одаренность и талант, интеллект и трудолюбие, полезная инициатива и похвальная изобретательность, а не нечто иное, что, увы, не так уж редко случается. Мы должны еще настойчивее искать условия, в которых возможность победы в этом состязании бесчестности и цинизма, низкого эгоизма и ни с чем не считающегося корыстолюбия были бы минимальны. Но не является ли при всем этом судья, воздающий гиганту больше, чем карлику, более справедливым, чем тот, кто вознаграждает одинаковой мерой карлика и гиганта?

Исповедуемый коммунизмом социальный фетишизм оборотной своей стороной имеет личностно-психологический нигилизм. Ничто не доказывает это яснее, чем внушаемое им убеждение, что личные качества человеческого индивидуума и в современном мире лишь в самой незначительной степени определяют, какие вершины ему доступны и на что он вправе претендовать, обращая свои дарования, интеллект и волю в средства собственного самоутверждения. Поверьте на мгновенье коммунизму, и вы убедитесь, что лично вам **рассчитывать не на что**, что человеческая жизнь это не состязание талантов, страстей и воли, а смертельная (классовая) борьба на уничтожение и выживание огромных социальных групп, в одной из которых вы являетесь бесконечно малой величиной. Поверьте хоть на

мгновенье коммунизму, и вы уверуете также и в то, что без и вне своей социальной группы и не совместно с остальными ее членами значительной величиной вы стать не можете, и что только победа социальной общности, в которую забросила вас случайность вашего рождения, торжество ее над уничтоженным и поверженным противником в состоянии превратить вас не только в полноправного, но и привилегированного участника жизни.

И здесь я подошел к главному. Был ли в прошлом и является ли сегодня этот личностный нигилизм — это отрицание ценности качеств и потенций отдельной человеческой личности — совершенно беспочвенным? Мне кажется, что коммунизм и его успехи и впредь останутся для нас нераскрытой тайной, если мы не увидим, что он произрастает и держится на реальной психологической (не социальной!) почве и одновременно уваживает и культивирует эту почву.

Да, коммунизм благодаря беспрецедентной и ни перед чем не останавливающейся, гуманистической по видимости и научной по форме, демагогии может привлечь и привлекает на свою сторону немалое число тех, кто искренно и нетерпеливо мечтает о том, чтобы раз и навсегда, одним махом, покончить со всеми человеческими страданиями. Верно, коммунизм подчас увлекает за собой и выдающихся людей, поверивших, что удалось, наконец, найти тот рецепт всеобщего человеческого благоденствия и счастья, поиск которого составляет смысл их собственной жизни и деятельности.

Заблуждаются, однако, те, кто видит в коммунизме одну лишь безудержную демагогию и замечает склонность к нему одной лишь левой интеллигенции (которая потому ведь, кстати сказать, так легко и очаровывается идеологией коммунизма, что она является ее собственным детищем). Такой взгляд на коммунизм не оставляет места ни для чего другого, кроме одного только недоумения по поводу его успехов. Еще более опасными являются заблуждения тех, кто рассматривает коммунизм как нечто неорганичное, чуждое и могущее быть привнесены только извне в жизнь их народов.

Нет, коммунизм серьезнее и опаснее, чем это многим

представляется еще сегодня. И это потому, что он может стать соблазном — в определенных условиях за ним могут пойти массы людей с невысоким потенциальным максимумом, т. е. преобладающий во всех слоях рода человеческого и каждого народа *психологический* тип. Особенность этого психологического типа (массового, повторяю, и преобладающего) состоит в том, что характерное для него отсутствие яркого дарования и самобытной индивидуальности является часто основой глубокой неудовлетворенности миром. Нужно ли считать в связи с этим странной склонность этого психологического типа отрицать за талантом и незаурядностью право претендовать на вершины и достигать их? Идеологический эгалитаризм потому так легко встречает поддержку у данного психологического типа, что присущий этому типу подсознательно-инстинктивный эгалитаризм находит в нем теоретическое оправдание.

Одной из серьезных причин успехов коммунизма является едва ли не всеобщая наша готовность принять его собственное объяснение своих побед, согласно которому в основе их лежит пролетарская солидарность, поддержка, оказываемая ему огромной армией трудящихся, жаждущих освобождения. Пора, освободиться от этого предрассудка и понять, что те, кого называют трудящимися, повинны в коммунизме ничуть не больше, чем все остальные части человечества и каждого отдельного народа. Разве среди **рабочих и крестьян нет такого же состязания способностей и дарований, воли и трудолюбия, страстей и желаний, как и среди всех прочих социальных слоев и групп? Разве здесь в точно такой же мере нет своих победителей и побежденных?**

Пришло время осознать, что в основе массовой поддержки, которую коммунизму удастся подчас завоевать, лежит не пролетарская солидарность, а психологическая общность посредственности, неудачников и воинствующей бездарности, которую режимы неэгалитарные тысячекратно укрепляют и обостряют до крайности чрезмерным консерватизмом, безответственным и циничным пренебрежением нуждами и человеческим достоинством большинства своих граждан. Разве не там, где эти социально разнородные элементы швыряются в объятия друг друга упорным и тупым нежеланием власть придержащих признать человеческие

права менее удачливых, одерживает коммунизм свои победы?

Конечно, если бы цели и призывы коммунизма сводились к требованию изменить к лучшему судьбу менее удачливых и конкурентоспособных элементов общества за счет части преимуществ, которыми, пусть и по праву, обладают более конкурентоспособные, то тогда сочувствие к нему со стороны столь многих было бы не только объяснимо, но и оправдано. Но ведь главное в коммунизме, самое сущее в нем — то, что он откровенно провозглашает и чего добивается, — заключается совсем не в этом, а в требовании насильственного захвата власти наименее конкурентоспособными элементами, их безраздельного господства над обществом, навязывании последнему структур и институтов, благоприятствующих исключительно этим элементам.

То, что положение указанного психологического типа от этого не только не улучшается, а ухудшается еще больше, что в этих условиях стремление к личному и по заслугам вознаграждаемому самоутверждению индивида подавляется или сильно ограничивается во всех слоях общества и что вследствие этого общество в целом вырождается и маразмизирует, сегодня уже нет нужды доказывать. Несопоставимо хуже этого, другое: власть, создающая наибольшее благоприятствование для посредственности и заурядности, рано или поздно сама вырождается во власть серости и бездарности. А как таковая, она не может не превратиться в конце концов во власть абсолютно монопольную, власть как самоцель, власть, для которой собственное сохранение становится во всех без исключения обстоятельствах первой и главной заботой. Удивительно ли, что *такая* власть является великим соблазном для тех, для кого возможность чинить безнаказанный произвол есть высшая и ни с чем несравнимая ценность?

Да, я знаю, что не только сторонникам коммунизма, но и не малому числу тех, кто ему не симпатизирует, такая характеристика покажется пристрастной и чрезмерной. Тем и другим, однако, следовало бы, мне кажется, избавиться от иллюзий и честно ответить на простой, но такой важный вопрос: а чем иным может быть власть, для которой не

осталось уже ничего святого, которая больше всего страшится даже малейшего ограничения ее беспредельного произвола, которая единственно ради собственного сохранения цинично и без колебания жертвует истинными национальными интересами, государственным престижем, экономическим процветанием, не говоря уже о нравственных и духовных ценностях, питающих всякое подлинное творчество?

И тем не менее, коммунизм даже как реальность, даже проявивший в полной мере свою подлинность и адекватность, несмотря на все его преступления, социальную уродливость, экономическое банкротство и духовное убожество, привлекает и всегда будет привлекать сочувствие и симпатии самых претенциозных и воинственных представителей самого массового психологического типа везде и повсюду. Ибо коммунизм, обманув все их положительные ожидания, безмерно ухудшив условия их жизни, сделав минимальными возможности положительного их самоутверждения, воодушевляющим образом осуществил значительно более важные для них ожидания негативные — независимости творческой личности, одаренности и самобытности положен конец. А тем самым одаренность и посредственность, талант и бездарность поставлены в совершенно равные условия: первым так же не дозволено свободно, без унижительных и чаще всего развращающих и растлевающих стеснений, реализовать свой высокий потенциальный максимум, как и вторым — их невысокий и ограниченный.

Описанный психологический тип испытывает и всегда будет испытывать от этого глубочайшее удовлетворение — ведь и в самом деле впервые в истории ничтожные стали равны Моцартам и Шостаковичам, Эйнштейнам и Сахаровым, Достоевским и Солженицыным, гениям промышленности и бизнеса, техники и финансов, равны в полной незащитности перед произволом. Я утверждаю, что в мире, в каждом народе всегда отыщутся в том или ином числе люди, которым именно такое равенство слаще меда, которые никакую цену за такое равенство не сочтут чрезмерной.

А из этого следует, что возможность коммунизма,

опасность его существует в каждом народе, в каких бы социальных и политических условиях он не жил, какого бы уровня благосостояния не достигал.

III

Но если глубоко неверно было бы думать, что какой-либо народ в силу каких-то особенно благоприятных его национальных качеств вообще избавлен от опасности коммунизма, то не менее ошибочным является и представление, что все народы в совершенно равной степени предрасположены к нему. Неравенство народов перед этой опасностью не проистекает, разумеется, из разной распространенности среди них рассмотренного психологического типа — тип этот у всех народов, к сожалению, является преобладающим. Свидетельствует ли, однако, его преобладание о повсеместной неизбежности и предопределенности коммунизма? К счастью, нет — иначе коммунизм давно уже торжествовал бы свою «полную и окончательную победу». А если такую победу коммунизм все-таки еще не торжествует, если многие народы мира успешно ему противятся, если почти всегда он навязывается извне и насильственно, если ему, наконец, всякий раз приходится оставлять за собою горы трупов и массовые эмиграции, то это потому, что названный психологический тип, во-первых, и качественно и количественно далеко не сводится к претенциозной бездарности и воинствующей посредственности, а во-вторых, не во всех случаях с одинаковой готовностью поддается соблазнам и искушению коммунизма.

Нужно ли это доказывать? Я думаю, что не нужно. К сожалению, однако, еще сегодня доказывать нужно другое: везде, где коммунизм утвердился без иностранной военной помощи или удерживается без нее в течение продолжительного времени, массовый тип индивидов с невысоким потенциальным максимумом его поддерживает. Никакая грубая физическая сила (чья же?), никакие массовые репрессии (чьими же руками, снова спрошу, усердно и успешно проводимые?) не могут защитить коммунизм там, где ему не удалось почему-либо соблазнить своими посулами по крайней мере значительную часть народа. А если это так,

то не является ли первой обязанностью тех, для кого коммунизм — беда и несчастье их народа, поразмыслить, отчего народ поддался искушению коммунизма, от чего и от кого устремился он в его объятия? Трудно ожидать, что спасение от коммунизма может прийти со стороны тех, для кого он не более как дьявольское наваждение, беспричинно и незаслуженно поразившее их народ.

Мне кажется, что все эти соображения следовало бы принять во внимание участникам дискуссии о прошлых и будущих исторических путях России. К сожалению, это делается далеко не всегда, что демонстрирует, в частности, Б. Парамонов в статье «Парадоксы и комплексы А. Янова» («Континент», N 20).

Вмешиваться в полемику Парамонова с Яновым я не стану — исторические схемы последнего (как, впрочем, и всякие другие) и в самом деле нередко искусственны, а доводы, которыми он их обосновывает, не всегда кажутся уместными. Не могу вместе с тем не заметить, что разносный тон статьи Парамонова, уничижительный характер его критики яновской концепции производит самое дурное впечатление. Отсюда и название моей статьи: «Брань за правду» — это, собственно, несколько образное определение и содержания и, увы, тона ведущейся дискуссии. Как бы ни были связаны, однако, тон и содержание полемики, первый, каким бы он ни был, не должен заслонять второе. Слишком важный предмет обсуждается, чтобы можно было позволить себе не выслушать все аргументы, не испробовать все подходы, не исходить все, сколько понадобится, пути в поисках спасительной для России и человечества правды. Так не разумнее ли сообщать, а не вразброд, искать эту правду о России и коммунизме?

Обсуждая вопрос о том, насколько чужд или органичен коммунизм для России, следует, я думаю, прежде всего выделить фактическую сторону дела и лишь затем обратиться к толкованию фактов. Ни отрицание или замалчивание фактов, ни смешивание их с их толкованием не поможет выяснению истины, а лишь уведет нас туда, где человеку, жаждущему истины, находиться не пристало.

Фактическая же сторона дела, как известно, такова: Россия первая из всех стран мира захворала коммунисти-

ческой горячкой, которая вот уже какое десятилетие изнуряет все ее физические и духовные силы. Спросим: можно ли отрицать этот факт? Как это ни странно, но, оказывается, можно. И Парамонов делает это — весь строй и направление его мыслей свидетельствует о том, что он вообще не согласился бы на использование имени «Россия» в таком контексте. «Уж к 1917 г., во всяком случае», — пишет он, например, — система политического террора «была изжита русской историей».

Дает или не дает, спросим мы, эта фраза основание предполагать, что для Парамопова в злосчастном 17 году история России закончилась? Несомненно дает, и это подтверждается негодованием, которое вызывает у него любая попытка отождествить Советской Союз с Россией.

Легко, конечно, понять желание вычеркнуть из русской истории 17 год и все последующие за ним десятилетия. Но ведь одно дело желание, другое — действительность. Боюсь, что взгляд, в соответствии с которым в 1917 году истинно русская история прервалась, а значит, то, что случилось в том году и во все последующие годы, произошло уже, собственно, и не с Россией, не сулит России добра.

Да, несомненно, то, что произошло и происходит в России, начиная с 1917 года, является, по-видимому, самой черной страницей в ее истории. Давно, однако, настала и не скоро еще пройдет пора, когда каждый человек, озабоченный судьбой России, должен сделать свой выбор и ответить на следующий вопрос: что для него важнее — освобождение и возрождение России или такое отбеливание ее истории, после которого ей нельзя уже было бы сделать ни одного упрека, выразить ни одного сожаления, предъявить ни одной претензии? Совместить обе эти цели невозможно, стремление к одной из них исключает достижение другой.

Следует сказать: отбеливание отечественной истории — занятие совсем не невинное и не безобидное. Отрицая мрачные ее страницы, замалчивая ошибочные, трагические по последствиям ее ходы, рискуешь оказаться в числе тех, кто содействует повторению в будущем таких же ходов с такими же последствиями. Разумеется, только безумцы способны уверять, что в русской истории не было или было мало светлых, героических страниц. Но не говоря уже о том,

что определение того, какие страницы истории каждого народа являются светлыми, а какие нет, никогда не является единодушным (я, например, считаю светлой, героической страницей Куликовскую битву, но не считаю таковой завоевания Кавказа), сейчас не самое подходящее время для того, чтобы тешить свое национальное самолюбие.

Ведь нельзя же не спросить: разве коммунистическая, советская Россия это уже не Россия, а скажем, Турция или Китай? И если уже седьмой десяток лет, несмотря на все ужасы и кошмары, которые принесла русскому народу советская власть, он эту власть терпит, мирится с ней, не свергает (быть может, это китайские солдаты и офицеры защищают ее?), то не значит ли это, что он принял ее и считает своей, русской властью? И еще: позволительно ли отрицать, что именно Россия, а не Франция, скажем, или Япония, принесла и приносит закабаление и страдания многим другим народам — украинскому и крымско-татарскому, эстонскому и литовскому, польскому и венгерскому, кубинскому и афганскому — стоит ли продолжать этот список?

Кстати, раз уж зашла об этом речь, отчего это есть сколько угодно англичан, охотно признающих, что их страна много горя принесла Индии, и еще больше американцев, осуждающих участие их страны во вьетнамской войне, а вот русских, думающих или тем более говорящих нечто подобное о своей стране, так мало? Незачем, думаю, разъяснять, что дело здесь не в том, насколько верными с нашей точки зрения являются эти оценки, а в возможности и способности давать их. И действительно ли это не имеет никакого отношения к тому, что в Англии и Соединенных Штатах коммунизм не имеет и никогда не имел ни малейших шансов на успех, а в России — он благоденствует и процветает?

IV

Впрочем (и здесь я перехожу от констатации фактов к их истолкованию), я тоже не согласен с Яновым, если он и в самом деле думает, что коммунизм это чисто русское явление и что ни в одной стране Запада он невозможен. В

моем представлении, повторю это, коммунизм, его возможность вырастает из фактического, неустранимого никакими средствами, личностного неравенства, ощущение которого с материальным достатком лишь обостряется и становится все более болезненным. Я думаю, что опасность коммунизма таится в каждом народе, ибо повсюду могут отыскаться осатаневшие от жажды власти субъекты, достаточно энергичные, чтобы увлечь за собой толпы неудовлетворенных людей и с их помощью попытаться на обломках неравенства естественного и жизнетворного учредить неравенство противоестественное и мертвящее.

Опасность коммунизма, однако, не везде равновелика. Всего меньшей является эта опасность там, где в человеке больше развито личностное начало, где человек сильнее приучен полагаться на себя, свои силы, смекалку и инициативу, где человек прошел долгую закалку свободой сам собой распоряжаться, где приучен и мог человек уже издавна личное свое достоинство, крестьянское ли оно или дворянское, ремесленное или купеческое, ученое или чиновничье, защищать от произвола и унижения со стороны вышестоящих и более удачливых. Всего меньше коммунизм может рассчитывать на успех там, где человек раньше научился самого себя и свою собственную судьбу ценить не ниже своей корпорации или нации, родины и государства, где давно понял человек, что голоса этих кумиров могут оказаться голосами заклятых врагов его. Всего меньше шансов у коммунизма там, где способен человек не себя подчинять этим земным кумирам, а цех свой, отечество и государство считать своими тогда только, когда ему они служат и в служении этом от него зависят и им судимы.

Знаю: многим русским людям мысль эта покажется кощунственной. Стоит, однако, учесть, что еще большему числу людей Запада, так и не поддавшихся соблазнам коммунизма, покажется не только кощунственной, а чудовищной мысль, содержащаяся в такой «русской», хоть и малопоэтичной, строке: «была бы страна родная, и нету других забот».

Не хуже других знает западный человек, что такое родина. Не меньше других знакомо ему чувство национальной привязанности, боли и преданности. Но понимает он и

другое: нация и государство, как и природа, сами от себя извне, громогласно ничего от человека не требуют, ни к каким жертвоприношениям в обычных условиях его не обязывают, ни к какому отречению от себя и забвению своей человеческой участи его не принуждают. Внутренний голос его сердца, таинственный настрой его души, интимная склонность его чувств, — вот язык, которым родина говорит с человеком, и нет у нее другого языка, кроме этого. Чем громче и навязчивее, оглушительней и напористей становится ор о классе ли, нации или государстве, о священном долге приносить себя в жертву им, тем больше оснований сомневаться, истинно ли это их голос. Ибо слишком уж велики склонность и соблазн у честолюбцев всякого рода свои собственные неумные притязания выдавать за нужды родины, слишком уж часто оказывалось, что те, чье самомнение и гордыня позволяли им верить самим и уверять других, что только их устами говорит нация и отечество, обуреваемы были одной лишь страстью властвования над своим и чужими народами.

Благополучие одного крестьянского двора значит для меня больше, чем призывы о спасении родины, — говорил Гёте. От себя могу добавить — больше, чем заклинания о классовых интересах и солидарности, национальном престиже и могуществе родного государства. Ибо могущество государства и национальный престиж, основанные на разорении хоть одного крестьянского двора, глумлении хоть над одним великим мыслителем и ученым, гибели хоть одного гениального поэта, — это беззастенчивая ложь тех, кому собственное властвование над нацией и государством бесконечно важнее истинного блага и процветания их. Тем более это относится к тем, кто узурпирует и монополизирует право и возможность представлять интересы нации, государства и отечества, и кто любое, отличное от их, суждение на этот счет, клеймит как национальное предательство, измену родине или безродный космополитизм.

Всего больше опасность коммунизма там, где дольше всего эти земные идола служат жертвенниками для закланья человеческой личности, отдельной человеческой судьбы, где длительней всего традиция и обычай ни во что не ставят свободу и достоинство человека, где сильнее всего человек

приучен чувствовать свое ничтожество перед навязываемыми ему фетишами. И нет для коммунизма источника живительнее, чем массовая приниженность человеческих душ, чем вековое небрежение человеческим достоинством и свободой, чем долгая и ставшая привычной недозволенность самому устраивать свою судьбу и готовность сносить такое ее устройство, какое угодно безраздельно властвующим деспотам.

Россия потому и оказалась самой первой и легкой добычей коммунизма, что во всей ее истории не только правяще-бюрократическая верхушка, но и духовная и интеллектуальная элита никогда не была особенно озабочена судьбой, правами и достоинством отдельной человеческой личности. И в этом самом, на мой взгляд, важном, не вижу я слишком больших различий между Иваном Грозным и Петром Великим, западниками и славянофилами, Леонтьевым и Лениным, народниками и русскими марксистами. Многие в России становились борцами за освобождение и счастье народа, а вот воителей за свободу и достоинство отдельного, конкретного, живого человека всегда было ничтожно мало. Что России нужен выход к теплему морю, а затем и к холодному, что Россия не может обойтись без Украины и Кавказа, Бухары и Прибалтики, что «Владивосток — город нашенький» — это всегда понимали и принимали в России все. Но, что помимо защиты рубежей Российской державы, в защите от произвола, бесчинств и унижений со стороны этой самой державы нуждается каждый отдельный человек, что не меньшей ценностью, чем державная суверенность, является суверенность человеческой личности — вот это мало кому приходило в голову в России, а те, кому и приходило, властителями дум там никогда не становились.

Все было в России — свое собственное богатое духовное творчество, увлечение многими европейскими идеями, а вот гуманистический идеал, утверждающий самоценность отдельной человеческой личности, так в ней никогда и не прижился. И не потому не прижился, что случай такой вышел, или русский народ настолько непохож на остальные европейские народы, что чужд ему этот идеал и не приемлет он его ни в какую. Нет, не русский народ винить в этом надо, а

властителей дум его, бесчисленных казенных и добровольных его пастырей, которые, часто смертельно враждуя между собой, в одном всегда были единомышленны — в неприятии, в едва ли не враждебном отношении или в пренебрежении к индивидуальным человеческим правам и свободам.

Чаще всего, как известно, мотивировалось это желанием защитить русских людей от бацилл эгоизма, буржуазности (и это задолго до большевиков!) и анархии, которые произрастают на почве индивидуальных свобод и прав. Что ж, цель эта достигнута, русские люди, пожалуй, и в самом деле наименее эгоистичные и буржуазные из европейцев. Но как же было не предвидеть, что гражданское и политическое невежество и младенчество, в котором так долго удерживали русских людей, грозит бедой тысячекратно большей?

Но ведь не только почти никто не сумел предвидеть недалекого будущего. Кое-кто и прошлое не умеет или не желает увидеть в истинном свете. К числу этих последних принадлежит и Парамонов. Уверен, что совсем не случайно в статье своей много, горячо, заинтересовано говорит он о народе, о нации, о культурно-историческом типе, о национально-государственной силе, а вот о человеке, о человеческой личности, о ее интересах ни разу и не упоминает. Приходится в связи с этим вспомнить, что некоторые (или многие?) национально мыслящие русские люди до сего времени, и несмотря на все случившееся в России, считают демократию, гражданские и политические свободы злом для нее и ее народа, и единственную альтернативу коммунизму видят в прежней, традиционной для России, форме деспотизма.

Естественно, что политические симпатии каждый волен выбирать себе по вкусу. Недозволенным приемом было бы также ставить в вину кому-либо выбор, который он сделал. Мне, вместе с тем, кажется, что видение и понимание простой связи причин и следствий является обязательным при обсуждении исторических фактов. Что получается, если такое понимание и видение отсутствует, демонстрирует Б. Парамонов, когда пишет: «Коренная нереалистичность либерального мышления сказалась у русской интеллигенции, может быть, ярче всего в отношении ее к идее государства и государственной силы. К этому вопросу у нее

было отношение нерадивого раба, а если без метафор — прямо предательское отношение. Реальность национально-государственной силы была ей ненавистна.»

Уточним: реальность национально-государственной силы, о которой здесь идет речь, — это российский самодержавный деспотизм, никакой ведь другой государственной силы в России до 1917 года никогда не существовало. После этого уточнения как-то грустно становится от того, что еще сегодня, оказывается, есть люди, склонные до такой степени отождествлять Россию и российский деспотизм, что отрицательное отношение к этому последнему клеймят как национальное предательство. Очень грустно, повторяю, что такие люди еще находятся, но еще печальнее, что к ним прислушиваются, что им верят...

Основания для претензий к русской либерально-демократической интеллигенции, конечно есть. Самый большой ее недостаток, на мой взгляд, состоит в склонности к абстрактному умозрению: лишь русский народ в целом ее интересовал, только страдания, бесправие, приниженность народа ее волновали, только за освобождение, достоинство и счастье народа она боролась, проявляя в этой борьбе подлинный героизм и истинное самопожертвование.

Я думаю, что именно в этом и заключалось главное ее заблуждение: освобождение народа — это фикция. Русская либерально-демократическая интеллигенция, в отличие от западной, странным образом забывала, что народ состоит из конкретных, живых личностей, и что до тех пор, пока право и свобода каждой личности устраивать свою судьбу по собственному усмотрению не обеспечены и не гарантированы, освобождение, счастье и процветание народа — это не более как пустой звук.

«Коренная нереалистичность мышления» была, таким образом, и в самом деле свойственна русской либерально-демократической интеллигенции, но состояла она не в том, в чем упрекает ее Парамонов, а совсем в ином: она думала, что обеспечить каждой отдельной человеческой личности свободу, к чему она, несомненно, стремилась, невозможно до тех пор, пока закабаленным и бесправным остается народ, в то время, как дело обстоит как раз наоборот — ни о какой народной свободе не может быть и речи, пока за кабаленной и

бесправной является человеческая личность. Именно в этом, как я убежден, и заключается главная причина краха надежд на осуществление идеалов либерально-демократической интеллигенции в России.

Но обвинять *эту* русскую интеллигенцию в национальном предательстве — столь чудовищная несправедливость, что и сравнения подходящего ей придумать нельзя. Не зря ведь Парамонову пришлось сказать *прямую неправду*, чтобы хоть как-то обосновать это обвинение — либерально-демократическая интеллигенция России никогда не выступала против идеи государства и государственной силы. Ненавидела она и боролась лишь с той конкретной «реальностью национально-государственной силы», которая существовала тогда в России, и в безысходную неизбежность которой для России она не верила, мечтая и стремясь к более достойной, демократической альтернативе ей. Неужели еще сегодня нужно доказывать ложность идеологического мифа о неперменной государственной слабости любой альтернативы деспотизму?

Я не судья Парамонову, но обвинять русскую либерально-демократическую интеллигенцию, самую благородную, бескорыстную и самоотверженную часть русского общества, в предательстве — нечестно. Нечестно намекать, будто русская либерально-демократическая интеллигенция хотела лишить Россию *всякой* государственной силы и тем самым отдать Россию на растерзание и поругание внешним врагам. В действительности же в отрицательном отношении этой лучшей части русского народа к существующей в России «реальности национально-государственной силы» проявился подлинный и самый высокий патриотизм ее — она лучше всех остальных понимала, что самодержавный деспотизм — это сила, действующая наперекор истинным национальным интересам России.

Тем, кто хоть немного знаком с русской историей и для кого русская государственность, державность (не идея, не вообще, поспешу я заметить, а реально-конкретная, самодержавно-деспотическая) — не первая бесспорная и самоочевидная святыня, а предмет серьезного размышления, должно хватить мужества признать, что на протяжении двух последних веков предназначалась эта государственность,

построена была, пригодной оказывалась, эффективность проявляла только в достижении двух целей — подавлении, унижении, держании в ничтожестве человеческой личности, в недопущении хоть самой малой доли независимости отдельного человека от деспотического произвола, и в покорении других, более слабых народов. Нет, я не забыл о важности защиты отечества от внешних врагов. Мне, однако, никто не сможет доказать, что выполнение этой задачи было для России важнее и труднее, чем для любого другого народа, и что выполнить ее могло лишь такое государство, для которого полное бесправие его подданных было главным устоем его мощи.

Нет, не безосновательно не любила русская интеллигенция самодержавно-деспотическую «реальность национально-государственной силы». Она видела и знала, что направлена эта сила прежде всего против собственных подданных, которых она всегда страшилась куда больше любого внешнего врага, против всякого независимого от нее образа мысли и способа жизни, против таланта и гения, не находящегося у нее на службе, против всякого не санкционируемого и не одобряемого ею стремления к интеллектуальным и духовным вершинам. И совсем не так уж важно, в какой мере воспользовались своими правами на безграничный произвол те или иные российские деспоты. Гораздо более важно, что это право, эта возможность у них была, что пользовались они ими по собственному усмотрению, что самобытность, одаренность и талант всегда были беззащитными перед возможностью этого произвола. Бесконечно более важно, что в условиях неограниченного деспотизма ничто не может так процветать, как угодливая бездарность и посредственность, которая одна только и заинтересована в его сохранении, во всеобщем благоговении перед ним.

V

Разумеется, прямые аналогии между Россией самодержавной и Россией коммунистической неуместны. Совершенно бесспорно, что Российская империя даже до реформ 60-х годов прошлого века была деспотией значительно более

мягкой, чем сталинская, хрущевская, брежневская. Но как бы ни отличались между собой различные формы деспотизма в России, одну их общую черту увидеть нетрудно: все они, в конце концов, к своему народу, к своим подданным относились как победители к побежденным, и ни перед чем не останавливались, чтобы остаться победителями. И уж конечно никогда не стеснялся ни один из русских деспотов представлять себя лучшим выразителем интересов покоренного им собственного народа. Так ли уж странно, что каждый раз оказывалось, что самый главный и важный интерес народа состоит в безграничной преданности этому деспоту и всей системе деспотической власти?

Более удивительной кажется мне живучесть в России традиции называть патриотизмом покорность и преданность власть придержащим и клеймить предательством любое недовольство деспотической властью, всякое желание, а тем более попытку, умерить ее произвол.

Пагубность демократии (кстати, сейчас уже не только для России: все чаще и настойчивее утверждается, что в равной мере она опасна и для Запада) пытаются обосновать сегодня тем, что она прокладывает путь тоталитаризму, т. е. коммунистической форме правления, а преимущества автократии, т. е. иной формы деспотизма (для меня деспотизм — это «просто» подавление человеческой личности и пренебрежение ею как самостоятельной ценностью), тем, что только она одна может воспрепятствовать его — тоталитаризма — победе. Этот аргумент подкрепляется как примерами, взятыми из прошлого (Временное правительство, чайканшистский Китай, Веймарская республика), так и пророчествами насчет будущего («... когда они — приверженцы тоталитаризма — захватят власть, выпавшую из ослабевших рук парламентаризма...»).

Как это ни грустно, но вот уже во второй раз вынужден я упрекнуть автора вышеприведенной строки в... недостаточной преданности логике и исторической правде. Опасность, подстерегающая ослабевшую или слабую демократию, распространяет он на демократию вообще, причем, делается это таким образом, чтобы создать впечатление, будто наилучшим путем устранения этой опасности является отказ от демократии. Но разве большевики пришли к власти в

России по вине демократии, а не по причине того, что демократия не успела там утвердиться и окрепнуть? И разве точно или почти точно так же не обстояло дело во всех других названных случаях? А ведь совсем нетрудно вспомнить и факты другого рода — когда путь тоталитаризму прокладывала не ослабевшая демократия, а разложившаяся автократия (это как раз и произошло в России, не говоря уже о Франции Людовика XVI, породившей якобинцев). Вспомнить можно и Францию начала и середины прошлого века, когда в обоих случаях не успевшая окрепнуть демократия послужила трамплином для перехода не к тоталитаризму, а именно к любезной сердцу Парамонова автократии. Но самым предосудительным является утаивание того, что нет более прочной преграды тоталитаризму, чем пустившая глубокие корни в общественной жизни и народом созданная демократия (ведь *ни в одной* стране с прочной демократической традицией коммунизм не победил, неужели Парамонов этого не знает?), и что, более того, даже ослабевшая демократия далеко не во всех случаях становится легкой поживой лжеапостолов классовых и национальных интересов (Испания, Португалия, Греция).

Желание во что бы то ни стало оправдать российский самодержавный деспотизм заходит у Парамонова так далеко, что он даже уверяет, что «русские цари-деспоты», начиная с Екатерины II «трудилась над созданием» гражданского строя, который «лежит в глубине политических свобод». Стремление внушить современному русскому читателю, что гражданское общество, которое только и может принести политическую и гражданскую свободу, ту свободу, которую Россия никогда не знала это как раз и есть то, над созданием чего самодержавно трудились Екатерина II, Павел I, Александр I и Николай I, я могу объяснить только тем, что политическую и гражданскую свободу Парамонов понимает иначе, чем все остальное человечество.

Надеюсь, что не слишком ошибусь, если выскажу предположение, что Парамонов Екатерину II называет первой труженицей на ниве гражданских, а в перспективе и политических свобод из-за ее «Жалованной грамоты дворянству». Резон, конечно, в этом есть: ведь впервые в российской истории, в частности, запрещено было сечь

розгами не каких-то там борзописцев и богомазов (по нынешней терминологии — писателей и художников, представителей творческой интеллигенции) — их то как раз высочайше дозволялось сечь и впередь, — а великовозрастных представителей первого, привилегированного сословия страны! Событие это, что и говорить, и в самом деле нешуточное — не зря Пармонов по прошествии двух веков возносит благодарность императрице за эту милость, оказанную ею русскому народу. Как за это благодеяние не простить самодержице малости — того, что она-то добрую половину русских людей в рабов обратила, что это рабство, долгая обычность его для России, до сих пор отзывается (и кто знает, сколько ещё будет отзываться?) готовностью и способностью огромной массы населения смириться и терпеть тиранию любого вида и толка.

Пармонов явно не согласен с тем, что нет никакой иной «национальной» цели, которую можно было бы достичь с помощью деспотии, кроме удержания под ее пятой тех, кто этого не желает и противится этому, что все истинные национальные задачи и чаяния деспотия только извращает и омертвляет. Я же, со своей стороны, никогда не соглашусь, что русскому народу присуща какая-то органическая склонность к какой бы то ни было форме деспотии, и утверждаю, что мысль о благотворности ее для России есть унижающая русское национальное достоинство ложь и клевета. Деспотия, какой бы она ни была, столь же мало нужна русскому человеку, как и англичанину и французу, голландцу и шведу, немцу и греку. Страсть к деспотии, испытывают лишь те, для кого весь национальный интерес своего народа исчерпывается инстинктом властвования над другими народами.

Столь же мало соответствует истинным национальным интересам России та разносная критика, которой едва ли не с наслаждением подвергают Запад некоторые национально ориентированные русские публицисты. Я не стану защищать Запад от этих нападков не только потому, что он в моей защите не нуждается, но еще и потому, что очень уж безобидно они выглядят в сравнении с тем, что сами о себе говорят западные моралисты, философы, публицисты. Хотел бы пожелать России только одного — дожить до тех

времен, когда русские люди без риска схлопотать «предателя» смогут говорить и писать о своей стране и о делах ее так же резко, и беспощадно, как это делают сейчас (да и сейчас ли только!) граждане демократических стран. И только тогда, когда это произойдет, можно будет сказать с уверенностью, что Россия стала на путь выздоровления от той болезни, которая вот уже какое столетие убивает все самое лучшее, благородное, талантливое в ней, и имя которой — деспотизм.

Да, на Западе есть и «красные бригады», и пастор Джонс, и порнография, и бездуховность, и узколобый торгашеский эгоизм и многое, многое другое, что вызывает не только сожаление, но и отвращение. И несмотря на все это, я считаю несостоятельной критику Запада с национально-русских позиций и думаю, что для этого есть веские основания.

Эта критика и обличение Запада, во-первых, слишком легко вписывается и укладывается в рамки той губительной прежде всего для самой России традиции, которая, насчитывая уже несколько столетий, является чистейшим порождением российского деспотизма и предназначалась исключительно для восхваления и оправдания этого деспотизма.

Эта критика и обличение западных форм жизни и культуры заслуживают осуждения из-за неспособности и упрямого нежелания подвергнуть одновременно столь же беспощадному анализу те уродливые стороны русской национальной жизни и истории, от последствий которых мы с полным знанием дела предостерегаем Запад.

Эта критика и обличение западного общества неприемлемы потому, что слишком часто побуждаются они опасным для любого народа пороком национальной гордыни и чванства и используются для внушения самоубийственных представлений о вечном, ничем и никем не устранимом, нравственном и социальном здоровье русского народа.

Я не согласен с этой критикой и обличением западной цивилизации потому, что мне глубоко антипатично упорное нежелание наряду с ее пороками и недостатками видеть и честно признавать ее великие достижения, восхищаться подвигами человеческого духа и разума, рожденными этой цивилизацией и не мыслимыми ни при какой другой.

Это обличение Запада, наконец, вызывает возмущение из-за того, что критики его не находят в нем решительно ничего достойного заимствования и подражания в России, той будущей России, которую они тем самым могут обречь на все более глубокое замораживание в круговороте сменяющих друг друга различных форм деспотизма.

До тех пор, пока мыслящая часть русского народа не поймет, что западная цивилизация и основанные на ней формы жизни и культуры, как бы они ни были плохи, сколько бы пороков и мерзости они не содержали, являются сегодня наименьшими из всех возможных зол, что всякая иная альтернатива (уж по крайней мере из известных и апробированных) есть зло многократно большее, — до тех пор, я полагаю, надежд на выздоровление и возрождение России нет. Ибо Россия может возродиться от коммунизма только как страна западного типа, как страна демократическая, как страна гражданских и политических свобод и их твердых конституционных гарантий, как страна, раз и навсегда отказавшаяся от непомерных для любого народа самообольстительных и опасных амбиций и доказывающая свое величие активным и достойным участием во всечеловеческом деле духовного очищения и нравственного совершенствования.

Но не грозит ли России гибелью предлагаемый путь? Разве не демонстрирует Запад и создавшая его цивилизация явные признаки близкой катастрофы? Да, несомненно, эти признаки, эти грозные предостережения есть, их нельзя не видеть. Но не станем торопиться с прогнозом обреченности Запада. Не станем потому, что не подтвердились все предшествующие, не с Леонтьева начавшиеся и не на нем закончившиеся, пророчества его, Запада, скорой — уже сегодня вечером или самое позднее завтра утром — неизбежной гибели. Не станем торопиться с приговором Западу, далее, потому, что из всех испытаний, которым не раз подвергало его Провидение, он выходил уцелевшим и несмотря ни на что окрепшим, в то время как Россия, напомню об этом еще раз, уже дважды погибала (от монгольского внешнего и большевистского внутреннего нашествия), и пробуждение ее после первой катастрофы не дает еще никаких гарантий возрождения после второй. Не

станем торопиться, затем, списывать с исторического счета Запад потому, что какими бы пугающими ни были происходящие в нем процессы разложения и распада, ими одними жизнь западного мира не исчерпывается. Есть в нем еще, слава Богу, множество духовных, нравственных и физических сил, от которых не следует отсекаться и которыми не следует пренебрегать. Не станем, наконец, злорадствовать и ликовать по поводу беды, грозящей Западу, поскольку его возможная беда — это наше общее несчастье, ибо Запад остается нашей единственной надеждой на спасение в современном мире, захлестываемом смрадными волнами насилия, жестокости, лжи и нравственного вырождения.

VI

Взаимоотношения России со своими соседями и другими странами и народами заслуживают особого разговора. Я не намерен вести его здесь и ограничусь констатацией всем известного факта, что советская власть эти взаимоотношения до предела запутала и испортила: у советской России не то что друзей нет в современном мире, но и едва ли не все остальные народы сумела она во врагов своих превратить. Парамонов полагает в связи с этим (боюсь, что не только поэтому), что самоизоляция будущей, посткоммунистической России есть наилучший выход как и для всего остального мира, так и для нее самой.

Что до остального мира — не берусь судить. Но что касается России, то для нее самоизоляция была бы не благом, а опять-таки — бедой. В этом я уверен. И основанием для этой уверенности служит вся предыдущая история России, для которой мало что было так характерно, как стремление в максимальной мере изолировать русских людей от внешнего мира, охаять в их глазах все, чем живет внешний и особенно западный мир, лишить их права и возможности самим с полным знанием дела и без предвзятости сравнивать свою жизнь и жизнь своих соседей. Но это только полдела. Вторая и не менее существенная половина заключается в том, что изоляция эта касалась всегда только русского народа, русских подданных, но

отнодь не российской «национально-государственной силы». Что-то не помнится мне в русской истории монарха и правительства, которые бы оставили в покое своих соседей и все свое внимание, силу и власть употребили для налаживания и устройства внутренних дел страны. Единственным исключением, возможно, является Александр II, но разве не знаменательно, что он-то и ослабил изоляцию русских людей от внешнего мира?

Да, самодержавная Россия даже и в отдаленнейшей степени не напоминала Россию коммунистическую, превратившую всех своих подданных в узников огромного лагеря со сторожевыми вышками, охранниками и псами-человеколовами. Да, коммунистическая Россия *во всех отношениях* деспотия несравненно более злая, чем Россия самодержавная. Но может быть не стоит сравнивать самодержавную Россию *только* с Россией коммунистической? Не так уж трудно отыскать и другие образцы для сравнения.

Вообще же идея самоизоляции России заслуживает того, чтобы к ней присмотреться поближе. Внимания заслуживает прежде всего то, *что* хотят Парамонов и те, кто разделяет эту идею его, изолировать от внешнего мира, с чем, по их мнению должна уйти Россия от участия в общемировых делах. Поскольку Парамонов этим вопросом даже не задается, то не остается сомнений, что удержание Украины и Закавказья, Средней Азии и Прибалтики, Молдавии и Восточной Пруссии для него дело решенное и обсуждению не подлежит. Но почему? Ладно, я не стану снова напоминать здесь о праве каждого народа распоряжаться своей судьбой и территорией по собственному усмотрению. Но неужели Парамонов не знает, что насильственное удержание этих народов и территорий в составе Российского государства губительно и разрушительно для самой России? Разве не известно ему, что это требует от нее огромного напряжения и истощения всех ее сил, которых как-раз из-за этого всегда ей недоставало и недостает сейчас для обеспечения собственного, своим умом, трудом и природным богатством созданного процветания?

Но тем не менее важным является и вопрос о том, *от чего* хотят изолировать Россию. Тут и гадать не приходится: Россию, а точнее сказать, русских людей хотят изолировать

от переживающего повсеместный кризис западного мира. Здесь мы имеем дело с чисто русской, многие столетия существующей традицией. И традиция эта в том и заключается, что все, по крайней мере со времени образования Московского Царства, русские деспоты ни с чем так усердно не пеклись, как о том, чтобы уберечь своих подданных от западного влияния, чтобы пресечь проникновение в Россию западных правовых и политических идей, чтобы, тем паче, убить самую возможность соблазниться кому-либо в России западными формами жизни. У российских самодержцев никогда, разумеется, не было недостатка в поводах ненавидеть Запад, бояться его и отгораживать от него Россию — поводом был и католицизм, которому подчас отказывали даже в принадлежности к христианству, и масонство, и Просвещение, и якобинство, и его, Запада, материализм, и пр. и пр.

Напрасно поэтому Парамонов, который в союзники себе готов взять даже Победоносцева, уверяет нас, что ни одной русской традиции советская власть не сохранила. Уж какую-какую, но традицию смертельного страха перед Западом, традицию изоляции от него русских людей, традицию недопущения его (Запада) влияния — советская власть не только переняла, но и продолжает с таким усердием, что и Леонтьев вряд ли мог бы быть в претензии. И я не соглашусь, что в этом нет ничего общего между Россией самодержавной и Россией коммунистической. Общее здесь не просто есть. В этом общем и заключается та особенность русской истории, которая составляет национальное несчастье России и сохранение которой настолько губительно, что может в конце концов исключить Россию из семьи цивилизованных народов.

Сколько еще горчайших уроков истории должна получить мыслящая часть русского народа, от которой сегодня зависит будущее России, какова мера того позора, который ей еще нужно претерпеть, сколько еще бед и страданий готова она навлечь на свой народ, чтобы на конец понять и признать, что в желании изолироваться от Запада нет ничего ни обязательного, ни желательного для России, а есть лишь одно — инстинкт самосохранения российского деспотизма?

Нет, Запад и его влияние опасны не для России, не для русских людей, а исключительно для российского деспотизма, и было бы безумием, национальным позором и подлинным национальным предательством отождествлять его с Россией. Западная идея гражданских и политических свобод, духовного, религиозного в том числе, плюрализма губительна только для российского, как и для всякого другого деспотизма, а не для России, которую она может лишь возродить из руин, из тлена и прозябания, неизбежных для нее при любой форме деспотизма.

VII

В критике, которой подвергают Запад Парамонов и те, кто разделяет его взгляды, есть один пункт, который, как и им, так и мне представляется самым важным. Я имею в виду крайне низкую оценку, которую они дают состоянию религиозных основ жизни современного Запада. Парамонов пишет: «Никогда не лишне повторить, что жизненный, бытийный корень истинного либерализма — в религии, а не в политических институтах. Исторически он связан с принципом свободы веры, метафизически и религиозно — с христианством. Это самый глубокий фундамент западного свободного общества. Подкапываясь под этот фундамент, подменяя его *научным* обоснованием свободы ...западное общество роет себе могилу. Либерализм, отказываясь от религиозного обоснования, сплошь и рядом обрекает себя на капитуляцию перед демоническими силами истории, лишается собственной силы, мазохистски самораспинается... Повсеместный кризис западного мира есть иссякновение его религиозных источников». И еще: «Родина этой секулярности — безусловно, Запад, но и советский коммунизм — верный ее оплот, и сюда, не меньше, чем на Запад, направляет Солженицын свою критику».

Что демократический, свободный, как признает Парамонов, Запад, который является сегодня единственной преградой коммунизму, подвергается такой же, если не более резкой критике, как и Советский Союз, — это для него, следовательно, в порядке вещей. Не могу не признаться, что в моих глазах этот порядок — не слишком порядочный ни с

нравственной, ни с исторической, ни с политической точек зрения. Оставим этот вопрос, однако, на совести тех, кто его таким образом ставит и решает, и вернемся к проблеме религиозности Запада. В отличие от Парамонова, я склонен проявлять крайнюю осторожность в оценке степени «иссякновения религиозных источников» жизни на Западе — так сложна многообразна и противоречива эта жизнь, так мало мы ее постигли, так далеки мы, родившиеся и сформировавшиеся в Советской России, от понимания бесконечно причудливых форм и проявлений этой жизни, что очень уж велик риск ошибки или поверхностного и легковесного суждения о ней.

Боюсь, однако, что состояние религиозной жизни на Западе беспокоит Парамонова не само по себе. Чрезмерно низкая оценка этого состояния призвана подчеркнуть несопоставимо более здоровую религиозную основу нравственной и социальной жизни в России, причем, создается иногда впечатление, России не только прошлой, но и настоящей. Я не стану возражать здесь против этой сравнительной оценки религиозной жизни России и Запада — 1917 год, которого как раз Парамонов слишком часто старается не замечать в *русской* истории, и все последующее за ним весьма впечатляюще продемонстрировали, насколько глубокими и прочными были в России основания этой жизни. Скажу только, что русские мессианисты всего этого не видят и видеть упорно не хотят. Вместо этого они все вновь и вновь возвращаются к «русской идее», к идее мессианского предназначения России и русского народа.

Утверждая в этой связи, что Янов, а заодно и В. Соловьев и Милюков, ошибаются в оценке славянофильства, Парамонов пишет: «Корень этой ошибки — все в тех же стереотипах либерального мышления, в попытке приписать славянофильству политическую идеологию, имплицитно содержащуюся в самой установке на примат национального бытия. „Национализм” славянофилов был не политикой, а культурфилософией — учением об органических корнях культуры... В этом смысле оно (славянофильство) не было националистическим... Это была идея генотипов культуры, их индивидуальных ликов, *качеств*... Естественно, как русских людей, славянофилов интересовал генотип русской

культуры, русское содержание культуры. Но правильна была и сама формальная установка. Сегодня нет серьезного культурфилософа или историка, который бы верил в существование единого плана человеческой культуры. Славянофильский мессианизм, из которого критики извлекают представление о злокачественности славянофильства, о заложенных в нем потенциях культурной (а вслед за этим и политической) гегемонии, был уже не культурфилософской, а религиозной темой».

Извинившись, по обычаю, за длинную цитату, ею пока и ограничусь. Мне кажется, что высказанные в ней мысли дают серьезный повод еще раз, вопреки тому, что это уже многократно делалось, обсудить концепцию русского мессианизма, причем, идя навстречу пожеланию автора, не в качестве культурфилософской, а именно религиозной темы. Не могу, впрочем, не выразить попутно сожаления, что Парамонов составил себе крайне низкое мнение об образовательном уровне своих читателей — будь это мнение хоть несколько выше, он, надо думать, не решился бы на такое... слишком удобное для себя препарирование и истолкование славянофильской программы.

Разговор о русском мессианизме начну с того, что в самом кратком виде напомним читателю (ввиду того, что Парамонов этого не делает и говорит об этом предмете в высшей степени туманно) содержание его основной идеи. Оно, как известно, состоит в том, что: поскольку православная вера воплощает в себе всю полноту, незамутненность и святость христианской истины, а русский народ является самым большим православным народом, то именно он призван сыграть роль спасителя всех остальных народов от охвативших их распада, разложения и нравственного оскудения. Но русский мессианизм содержит в себе еще одну идею, без которой он немислим — идею избранности русского народа. Совсем не исторической или какой-либо иной случайностью является то, что русский народ оказался самым большим православным народом в мире — таков Божественный Промысел, который русский народ со смирением принял и от которого он не волен отступить. А раз русский народ является избранным народом, народом-Богоносцем, призванным нести всем другим народам свет

Истинной веры, то первым долгом всех тех, кто постиг этот Божественный Промысел, является спасение самого русского народа, спасение от любой скверны, которая может замутить его святость и отклонить от начертанного ему пути. Только в этом контексте приобретает глубокий, эсхатологический смысл леонтьевская идея «заморозить» Россию и все аналогичные ей концепции.

Я признаю, что изложил содержание этой идеи слишком схематично, без многих важных деталей и существенных нюансов. И тем не менее, приведенное краткое изложение концепции русского мессианизма, которое я, кстати, намеренно освободил от геополитических выводов, которые делали из нее большинство ее приверженцев (от культурфилософских выводов освободить ее невозможно, этого не сумел сделать и сам Парамонов), я отдаю на суд ее сегодняшних ревнителей и предлагаю им прямо и без обиняков ответить на следующие два вопроса: не исказил ли я в чем-либо важном и существенном эту идею, и продолжают ли они и сегодня считать ее истинно христианской?

Поскольку ответов на свои вопросы я дождусь не скоро (да и дождусь ли вообще), обратимся к свидетельству, которое дает тот же Парамонов. «Коли все это так, — спрашивает он, — возникает вопрос: а возможен ли сам христианский „культурно-исторический тип“? В конце концов, вся культурфилософия славянофилов и строилась на предположении и надежде его осуществления в русском народе, не затронутом глубоко духом „Просвещения“». У внимательного читателя не остается сомнений в том, какой ответ он дает на поставленный вопрос. Парамонов и сегодня стоит на том, что христианский культурно-исторический тип только возможен, но нигде еще не является реальностью, и что осуществиться он может лишь в русском народе, который специально для этого предназначен. Парамонов, иначе говоря, и мысли не допускает, что христианская культура уже существует, или, если ее только предстоит построить, что задачу эту может выполнить не русский народ, а какой-либо другой (скажем, все христианское человечество).

Но допустим, что все это так, что русский народ

действительно призван совершить то, на что оказались неспособны и порознь и совместно все остальные народы мира. Является ли, однако, вера в это христианской? Тем, кто все еще сомневается на этот счет, хотелось бы напомнить, что христианское вероучение — это прежде всего учение о личном избранничестве и личном спасении, а не о племенном, национальном или народном. Идея избранного народа (можно ли не знать или не помнить этого?) принадлежит совсем иной системе религиозных и нравственных ориентаций — иудейской, с которой христианство, особенно благодаря апостолу Павлу, решительно порвало (здесь не место сравнивать эти два родственные и вместе с тем противоположные миропонимания). Для христианства нет иудея и нет эллина, а есть только человек, созданный по образу и подобию Божия, который несет в себе первородный грех желания уподобиться Создателю в недозволенном Им. Христианство знает и может знать святого *человека*, но не знает и не может знать, если оно остается христианством, святого народа.

Христианство в равной мере обращается к человеку и человечеству. Оно, собственно говоря, и не признает эсхатологического различия между ними: каждый человек несет в себе всю греховность мира, а мир, человечество несет ответственность за каждый грех, сотворенный человеком, карается за каждого отдельного грешника. Поэтому, строго говоря, христианство исключает возможность окончательного спасения отдельного человека: дело спасения есть дело всечеловеческое. Для христианства не существует никаких посредствующих звеньев между человеком и Богом — человек есть сын человеческий и сын Божий, что одно и то же. Никаких иных определений человека христианство не знает и знать не хочет, этим для него исчерпывается все.

Здесь уместно спросить: знают ли эти азбучные истины христианства апостолы русской идеи и русского мессианизма? Признают ли они их первостепенную важность в христианстве? Да, западное христианство совершило великий грех перед Богом и человечеством — оно допустило раскол христианского человечества, и именно за этот грех христианский мир расплачивается сейчас полной мерой, и кто знает, сумеет ли когда-нибудь расплатиться. Совершив

этот и многие другие грехи (среди этих последних самым тяжким является тот, который С. Булгаков метко назвал папоцезаризмом), западное христианство все же сохранило верность основным принципам христианского миропонимания. Я уверен, что то же самое можно сказать и о восточном, православном христианстве в целом.

Совсем иначе обстоит дело с той частью православных христиан, которые дали соблазнить себя русской идеей или, что то же самое, идеей русского мессианизма. Их грех тысячекратно более тяжок, чем все вместе взятые грехи западного христианства. Грех этот — идолопоклонство.

Идолопоклонство это особого рода. Его нельзя сравнивать с идолопоклонством язычников, которым еще не принесена Благая Весть и которые в духовной слепоте своей поклоняются сотворенным из дерева или камня кумирам. Русским мессианистам, в отличие от язычников, ведома Благая Весть об искупительной жертве Сына Божьего за все человечество, но они, по существу, отвергли ее и подменили другой, столь же мало христианской, как и весть коммунистическая. Существует один-единственный народ, — гласит эта весть (в коммунистической версии ее — един-единственный класс), — который достоин и заслуживает спасения ранее и больше всех остальных народов. Чем обосновывается избранничество именно этого — русского — народа, об этом уже упоминалось: он единственный является в современном мире сосудом святости, которую он призван пролить на все другие народы, только русский народ еще способен в нынешнем полностью секуляризованном мире создать христианский «культурно-исторический» тип.

Я не стану разбирать, в какой мере исторически и логически оправданы такого рода притязания. Самым важным кажется мне здесь полная их несовместимость с христианством. Идея объявить из всех народов мира один, свой собственный (и притом, именно как этническое целое), кумиром, во имя которого никакие жертвоприношения не чрезмерны, является, повторяю, не более христианской, чем те, которые лежат в основании любого языческого культа. И решительно никакого значения не имеет, чем такая идея обосновывается — расово-биологическим превосходством или исключительными духовно-моральными преимуще-

ствами. Ибо не только каждый истинно верующий христианин, но и всякий, кто хоть немного знаком с этой религией Богочеловечества, знает, что Новый Завет, в отличие от Ветхого, заключен Богом не с одним каким-либо народом, а со всеми народами Земли, с человечеством. Провозглашение своего — любого! — народа народом-Богоносцем, каким бы заслуженно огромным ни был бы авторитет осмелившегося на это в глазах культурного человечества и как бы ни были велики его заслуги в защите всех христианских ценностей, есть поэтому отречение от христианства, столь решительное отречение, что остающаяся после него христианская оболочка едва ли на что-то годна.

Но если гениальный художник, так горько оступившийся столетие тому назад, хотел, стремился, а во многом и сумел остаться истинным христианином, то современным ревнителям русской идеи и в этом следует решительно отказать. Ибо люди, отрицающие и высмеивающие веру в существование единого плана человеческой культуры, могут быть, конечно, способными мастерами каких угодно культурфилософских построений и эрудированными историками, но к христианству никакого отношения иметь не могут. Не случайно, надо думать, ни один *серьезный* русский христианский мыслитель (что К. Леонтьев — мыслитель, в этом спору нет, а вот что христианский...) не воодушевился русской идеей. Столь же не случайно не найдем мы в трудах выдающихся католических мыслителей итальянскую, французскую или испанскую, а в работах протестантских ученых — английскую, немецкую или голландскую идею.

Принимая во внимание, какое место заняла судьба русской идеи в обсуждении прошлого и будущего России, имело бы, по-видимому, смысл определить примерное ее время рождения. Парамонов в одной из своих газетных публикаций касается этого вопроса, но делает это таким образом, чтобы убедить читателя в невозможности рациональной реконструкции этого немаловажного события в духовной истории России. Между тем, это не так. Биография русской идеи установлена с достаточной определенностью. В отличие от некоторых других авторов, я не склонен отождествлять ее с концепцией Третьего Рима, впервые предложенной в XVI веке старцем Елеазаровского монасты-

ря в Пскове Филофеем в его письмах к *светским* владыкам, хоть концептуально-генетическая связь между ними очевидна. Дело, однако, в том, что реальная национально-духовная жизнь русской идеи началась лишь тогда, когда она овладела умами и чувствами значительной части светской русской интеллигенции, которая объявила ее единственной адекватной формой национального самосознания. А это произошло *после того*, как в 18 веке было окончательно завершено огосударствление русской православной церкви, после того, как российский деспотизм приобрел законченную форму путем превращения русской православной церкви в безропотное орудие деспотической власти, едва ли не главным назначением которого было воспитание покорности и послушания этой власти.

Нет, конечно же, синодальный период в истории русской православной церкви далеко не сводится к одному этому — были в нем и страстная религиозная вера, и напряженные духовные поиски, и очищающее душу церковное боголепие. Но факт превращения церковных иерархов в государевых слуг, факт подчинения Бога кесареву, факт освящения и оправдания церковью, особенно в течение всего этого периода, всех действий кесаревой, деспотической власти столь же неоспорим. Напрасно поэтому Парамонов уверяет, что русская идея возникла спонтанно в глубине народного сознания. В сознание эта идея русского мессианизма была внедрена долгими трудами светских и выполняющих их волю духовных владык народа. По своему происхождению идея эта государственная, а не христианско-религиозная. Еще в меньшей мере концепция русского мессианизма является народной в смысле служения, ибо русскому народу, русским людям несла она всегда рабство, требовала от них одной только покорности тем, кто их принуждал слепо за ними следовать, обрекала на отречение от человеческих прав. Одному, исключительно одному служила всегда верно русская идея — российскому деспотизму, который всегда ею оправдывался, освящался, укреплялся. Мессианство русского народа не только постоянно оборачивалось, но всегда по прямому своему смыслу было «мессианством» российской национально-государственной силы, да ничем иным практически никогда и быть не могло.

И если бы не было никаких других свидетельств того, что Россия совсем не случайно пала столь легкой жертвой коммунизма, если бы позволено было игнорировать все остальные факты, указывающие, что Россия еще не созрела окончательно для усвоения урока, преподанного ей коммунизмом, то вполне достаточным подтверждением этого могло бы быть наличие среди русской эмиграции и живущих на Родине противников коммунизма значительного числа людей, отстаивающих еще и сегодня концепцию русского мессианизма. Для меня этот факт является столь очевидным, что я склонен даже в сегодняшней защите русской идеи видеть для России бóльшую опасность, чем в коммунизме. Коммунизм в России уже в значительной степени дискредитирован, процесс разочарования в нем, пусть и медленно, будет неизбежно охватывать все более широкие и глубокие пласты народного сознания. Но если идея русского мессианизма будет предложена русскому народу и принята им в качестве единственно возможной альтернативы коммунизму, то Россия как европейская страна и ее народ как европейская нация погибнут окончательно.

Предугадать это нетрудно, ибо именно деспотическая традиция, освящаемая идеологией русского мессианизма, столетиями губила Россию, не давала ее народу превратиться в великую европейскую нацию, держала ее подданных в рабстве и унижении, а тем самым фактически дехристианизовала Россию. Именно неусыпными и неустанными стараниями русских мессианистов заморозить Россию деспотическую, Россию покоренного и безропотного народа, Россию личностного бесправия, Россию, отгораживающуюся от всего остального христианского человечества, и была эта страна наилучшим образом подготовлена для коммунизма. И не потому несчастье случилось с Россией, что ее недостаточно заморозили, а потому, что заморозить успели ее весьма основательно, а размораживать стали слишком поздно. Не уместно ли именно здесь напомнить о том, как часто русские мессианисты, внушая своему народу представление о его — народа в целом — мессианском предназначении, одновременно открыто утверждали (и демонстрировали свое убеждение на практике), что каждого

отдельного русского человека образумить и привести в чувство можно одной лишь поркой?

Правда о России состоит в том, что русские люди, доведенные столетиями порки до иступления, ринулись добровольно в объятия коммунизма, поверив лживым уверениям, что только он способен избавить их от нее. На штыках коммунизм был принесен (кстати, откуда же?) в Польшу и Чехословакию, в Венгрию и Румынию, в Болгарию и Восточную Германию, но не в Россию. В России коммунизм утвердился вопреки закордонным штыкам — можно ли об этом хоть на минуту забывать? Никаких денег всех генеральных штабов мира не хватило бы для насаждения коммунизма в России, если бы русские люди видели и знали иную альтернативу вековому бесправию и порке. Но не русские ли мессианисты в первую голову и повинны в том, что иной, демократической альтернативы русский народ не видел и не знал? Не они ли столь энергично и так долго усердствовали, чтобы опорочить в глазах русских людей демократическую перспективу? И не они ли, наконец, еще сегодня кратковременную, беспомощную, безнадежно запоздалую, но героическую попытку избрать эту альтернативу проклинают едва ли не больше, чем коммунистический переворот, видя в ней, в этих нескольких трагических и несчастных месяцах, а не в столетиях деспотизма и порки, причину национального умопомешательства, несчастья и позора?

Нельзя больше заблуждаться: коммунизм — это не что иное, как доведенная до своего логического завершения деспотия. Доступ к *ключевым* ролям в ней имеет и всегда будет иметь, пока она существует, лишь воинствующая бездарность и претенциозная посредственность, которая решительно неспособна иметь какие-либо принципы и верить в какие-то идеалы. Как и всякая деспотия, она не может, конечно, обойтись без идеологического мифа, оправдывающего ее существование. Но будучи абсолютно беспринципной, она способна воспользоваться любой идеологией, имеющей опыт служения деспотии. Поостережемся же забывать об этом, как и о том, что *единственный конь, в седле которого коммунизм удержаться не может, — это демократия.*

Брань за правду о России гремит не первый, но по-видимому, далеко и не последний день. Это и радует и тревожит. Радует потому, что пока есть русские люди, отваживающиеся выходить на брань ради правды, человечество еще может надеяться на возрождение России и на последующее ее участие во всечеловеческом деле спасения. Тревожит потому, что до тех пор, пока будут находиться русские люди, которые любую попытку сказать правду о России встречают одной лишь оглушительной и оскорбительной бранью, надеждам этим не суждено сбыться, если, конечно, люди эти не утратят окончательно своего влияния на значительную часть встревоженного народа этой пока еще только потенциально в христиански-цивилизованном смысле великой страны.

ИСТОРИЯ

*Т. Едлина**

АНКЕТА ПО ВОПРОСУ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ В РОССИИ

70 лет назад, в газете «Биржевые ведомости» от 3-го февраля 1915 года появилась публикация «Анкета о евреях. Открытое письмо к публике трех русских писателей.» В предисловии к анкете было сказано:

«Вам известно трагическое положение евреев в России. Вы знаете, что евреи всегда принимали энергичное участие в культурной жизни русского общества. Вам известно также, что в тяжелые для нашей страны дни евреи рука об руку с русскими не щадя своей жизни защищают Русь от врага.

Это бескорыстное участие в обороне России должно бы задержать постыдное развитие антисемитизма на Руси, мы не говорим уничтожить, но хотя бы задержать.

Однако рост зоологической вражды к евреям не прекращается.

Это постыдно, невыносимо постыдно, и мы хотим в меру сил наших бороться с этим явлением, угнетающим нашу совесть. Мы обращаемся ко всем русским людям с просьбой дать откровенные ответы на вопросы, поставленные нами.

Собрав эти ответы воедино мы выдадим их книгой, которая, быть может, окажется способной помочь русским, еще думающим об этих вопросах, разобраться в них и поискать возможности для активной защиты евреев в их борьбе за равноправие вместе с нами, гражданами той страны, культуре и свободе которой евреи служили и служат так же честно, так же энергично, как служили и служат ей лучшие русские люди.»

* Автор — профессор университета штата Альберта (Эдмонтон, Канада). В настоящее время заканчивает исследование «Отношение М. Горького к еврейскому вопросу».

Затем следовали вопросы:

«1. Думаете ли Вы, что антисемитизм как общественное явление возник и распространился под влиянием западно-европейского антисемитизма?

2. Какое влияние может иметь рост антисемитизма на хозяйственный рост России?

4. Какое влияние имеет на рост антисемитизма сам факт еврейского бесправия?

5. Не кажется ли Вам, что антисемитизм, дающий, ввиду разноплеменности России, благодатную почву для развития расовых и националистических предрассудков, имеет для России особо погубное значение?

6. Какова, по Вашему мнению, роль евреев в искусстве, науке и общественно-культурной жизни Западной Европы и России?

7. Не можете ли сообщить Ваши личные наблюдения и воспоминания, относящиеся к деятельности евреев в различных областях духовной и практической жизни в России, как и на Западе?

8. Какие Вам представляются возможные меры для противодействия распространению в России расовой и национальной вражды?»

Анкету подписали Леонид Андреев, Федор Сологуб и Максим Горький.

Ответы на анкету были получены. М. Горький анализировал их в своем докладе, прочитанном в «Русском обществе по изучению жизни евреев» 12-го декабря 1915 года. Доклад этот под заглавием «По поводу одной анкеты» был напечатан в журнале «Летопись» N 1 за 1916 год.

Какие мотивы побудили Горького заниматься этой анкетой в трудное время I-ой мировой войны и возглавить столь непопулярное дело как борьба за равноправие евреев в России?

Трудно сейчас, по истечении стольких лет, точно ответить на этот вопрос, тем более, что не все материалы (письма, заметки и т. д.) доступны западному исследователю. Хорошо известно, что Горький с ранних лет был знаком с положением евреев в России, что он всегда был

озабочен еврейским вопросом и не раз осмеливался выступать в защиту дел, которые казались ему правыми.

Еще в начале XX столетия Горький опубликовал открытое письмо, адресованное редактору газеты «Новое время» А. С. Суворину, в котором он критиковал позицию газеты по отношению к «Делу Дрейфуса». В 1901 г. он написал малоизвестный очерк под заглавием «Погром» — рассказ о еврейском погроме в июне 1887 года в Нижнем Новгороде, свидетелем которого был сам Горький. Будучи всемирно известным писателем, Горький старался помогать начинающим еврейским писателям, материально помогал евреям в черте оседлости, давал деньги бедным еврейским студентам. В 1902 году он усыновил Зиновия Свердлова (брата Якова Свердлова) и дал ему свою фамилию *Пешков*, чтобы тот имел возможность поступить в консерваторию.

Написал Горький и статью «По поводу Кишиневского погрома», которая в России напечатана не была.

Горькому были хорошо известны антиеврейские законы Российской империи. Знал он и о том, что евреи часто оказывались в роли «козла отпущения» и расплачивались за недостатки и ошибки царского правительства.

Военные поражения на фронте в годы I мировой войны стимулировали новую волну антисемитизма. Виду того, что большинство «русских» евреев проживало в районах близких к линии фронта, их часто обвиняли в измене родине, в помощи врагу, приказывали им выселяться с обжитых мест вглубь России. Многие евреи были судимы и расстреляны. Антиеврейскую политику правительство проводило несмотря на то, что доля евреев в борьбе против врага была совсем не малая. Около 80 000 евреев было мобилизовано в армию.

В июне 1915 г. был запрещен идиш как язык переписки. Вдобавок стало очень тяжелым экономическое положение еврейского населения, в особенности беженцев.

В этой атмосфере травли евреев Горький пытался сделать все возможное для облегчения их участи. Он писал статьи, выступал с докладами, собирал деньги в помощь пострадавшим евреям, стал активным членом «Общества по изучению жизни евреев». В июле 1915 г. Горький был избран в составе Комитета «Общества вспомоществования беднейшему населению, пострадавшему от военных действий».

В письмах к своей первой жене Е. П. Пешковой Горький писал о своих планах по изданию сборника «Евреи на Руси». Хотя этот проект не осуществился, Максим Горький, Леонид Андреев и Федор Сологуб издали в сентябре 1915 г. литературный сборник «Щит». В него вошли: статья Горького о еврейском вопросе, статьи Л. Андреева, В. Короленко, П. Милюкова, кн. П. Долгорукого, М. Ковалевского и др. Надо заметить, что царская охранка постоянно следила за этой деятельностью Горького. Тем более интересно, что Горький вместе с Андреевым и Сологубом решили широко распространить вышеупомянутую анкету, чтобы выяснить отношение русского общества к еврейскому вопросу.

От редакции:

Нам кажется, что вопросы анкеты, составленной М. Горьким, Л. Андреевым, и Ф. Сологубом в 1915 г., не потеряли своей актуальности и сегодня. Поэтому мы предлагаем читателям «Форума» ответить на эту анкету (с учетом происшедших за 70 лет изменений).

Ответы (подписанные или анонимные) просим присылать в редакцию журнала с указанием возраста, пола, национальности, социального положения и места проживания отвечающего.

Максим Горький

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ АНКЕТЫ *

Материал этого доклада получен случайно, благодаря тому обстоятельству, что листок затеянной нами анкеты по еврейскому вопросу среди людей литературы, науки и политики был по недоразумению опубликован в одной из столичных газет, а затем перепечатан несколькими провинциальными изданиями.

Благодаря этой случайности, нам прислано 267 писем с разных концов России. Две с половиной сотни писем — это, разумеется, ничтожно для страны с населением почти в 200 миллионов, но здесь надо принять во внимание обстоятельства, несомненно сильно помешавшие корреспондентам.

Первое: срок для ответов на анкету был назначен двухнедельный; для провинции он, конечно, еще более сократился.

Второе: вопросы были редактированы в расчете на высокую интеллигентность и политическую грамотность наших деятелей литературы, науки и политики, а потому для понимания рядового обывателя они явились трудными, на что обыватель и заявил справедливую претензию:

Например, г-н Иванов из Владикавказа укоряет нас — «Написано у вас, господа писатели, не для народа, не русским народным языком и, чтобы уразуметь ваше писание, нужно иметь чуть ли не университетский диплом».

Такие укоры и порицания отмечены мною девять раз.

Приняв во внимание указанные обстоятельства, мы, я полагаю, должны признать, что эти письма, — в большинстве очень многословны и написаны малоподвижным русским человеком, в столь краткий срок, — свидетельствуют о том, что вопрос, поднятый нами, волнует обывателя серьезно.

* Доклад, прочитанный 12 XII 1915г. в «Русском обществе изучения жизни евреев». Напечатан в журнале «Летопись» № 1, 1916 г.

Считаю нужным указать, что много писем носят характер коллективных посланий, подписаны группами в 27, 21, 5, 9 человек и, таким образом, мы свободно можем увеличить сумму голосов, дошедших до нас, еще сотни на две.

Человек всегда заслуживает внимания, а если пять сотен человеческих единиц высказываются сразу по такому жгучему вопросу, каков еврейский — это обязывает нас отнестись к голосам людей с вниманием особенно напряженным.

Следовало бы сделать подсчет голосов по их принадлежности к социальным группам, но много писем анонимных, псевдоанонимных, подписанных только инициалами и т. д.

Приблизительно группировка будет такова:

Интеллигентов.....	127
Рабочих.....	85
Крестьян.....	57
Офицеров.....	4
Учителей.....	5
Студентов.....	4
Солдат.....	9

Затем следуют различные псевдонимы: «Вольный казак», «Беспристрастный», «Юг России», «Унтер-офицеры», «Христиане из полтавских мещан», и т. д.

Анонимы и псевдоанонимы все, без исключения, ярые антисемиты. Я считаю это очень характерным; — когда человек боится сказать без маски то, что он считает своею правдою, он или не уверен, что его правда — настоящая правда или же он чувствует, что правда его постыдна, как болезнь.

Целью моего доклада я ставлю не только изложение мнений врагов и друзей еврейства, но — поскольку это в моих силах — я хотел бы выяснить мотивацию антисемитизма, хотел бы найти и вскрыть то общее в послылках, что делает обязательным вывод, враждебный русским гражданам иудейского вероисповедания.

Я начну с мнений антисемитов -интеллигентов.

Иван Т., сообщая, что еврейский вопрос давно интересует его и даже был темой его университетской работы, говорит:

«Евреи в большинстве европейских государств наиболее антиморальный элемент. У населения всех народностей России одна общая нелюбовь к евреям, она основана на расовой идиосинкразии».

И далее: «Нельзя не отметить разлагающую роль еврейства в идеологии христианства и национализма, созидательную роль в идеологии социализма».

Как видите, передо мною с первого же шага встает затруднение — человек осуждает евреев, но это осуждение голословно: «общая нелюбовь всех народностей России к евреям» — требует доказательств, мне эта «общая нелюбовь» неизвестна.

Я уверен, что и г. Т. она тоже неизвестна, хотя он и учился в университете, а его указания на разлагающую роль еврейства в идеологии национализма, созидательную — в идеологии социализма, многие склонны будут признать положительной заслугой мышления евреев.

Человек из Вильно мотивирует свое отрицательное отношение к евреям так:

«Я убежденный противник пьянства, но должен признать, что своего рода благородство приходится наблюдать даже у пьяного европейца. «In vino veritas», говорит старая пословица и, действительно, удаль, сердечность, стремление фантазии к чему-то неопределенному, высшему прорывается у самого сдержанного арийца, когда сила воли его ослаблена, хотя бы под влиянием алкоголя. Напротив, нет ничего омерзительнее и мизернее пьяного еврея. Выбитый из нормального настроения еврей тихо хихикает, бессвязно бормочет, что-то вычитает...»

Итак, — истина, добытая со дна бутылки, гласит: пьяный ариец лучше пьяного семита.

В. из Курска указывает литературный источник своего антисемитизма:

«Сообщаю честным и разумным этим трем русским людям, что рецепт от ихней болезни «триписателя» находится

в книге «Гаустон Стюарт Чемберлен, Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе». Издание А. С. Суворина 1907 г. Стыдно быть такими некультурными и несведущими...»

Кроме него на книгу Чемберлена ссылаются еще трое. Г. Б. совращен в антисемитизме тоже литературой, он сообщает:

«Достоевский сказал, что если Россия и погибнет, то только от евреев, и это истинная правда...»

Так же думает Павлов из Перми:

«Ваша попытка защитить жидов неуместна и обидна для российского человека. Они, жида, как были всегда и во всем изменниками, так остаются и доселе. Не только русские ненавидят их, а, как говорил Достоевский, все...»

Из Ташкента пишут:

«Отрицательное мнение мое сложилось единственно на основании многолетнего опыта моей жизни в непосредственной близости с евреями; затем, по рассказам лиц, заслуживающих полного доверия и, кроме того, много нехорошего я читал у выдающихся авторов об евреях...»

В этой группе я рассматриваю 86 резко юдофобских писем, на влияние литературы ссылаются только семь корреспондентов.

Добавлю письмо украинского литератора Ф. Г.

«Антисемитизм, как общественное явление, возник у нас на юге России, сначала среди добродушных, неграмотных крестьян, которые видят и сознают, что они, крестьяне, в борьбе за существование — жалкие, наивные дети, а еврей страшные колоссы, с которыми не могут их сравнить ни грамотность, ни образование, ни наука. Ведь странно даже сказать: на всем юге нет русского купца из народа, как в остальных губерниях, где купцы русские из народа. А малороссы, надо знать, большие любители коммерции во всех ее видах. Я сам люблю коммерцию, как и поэзию, и моя мечта с детства — сделаться крупным коммерсантом и в то же время быть поэтом...»

Большинство корреспондентов ругается в таком, примерно, тоне и в таких формах:

«Дать жиду права — значит посадить ехидну в карман»
«Подлецы только могут бороться за жидов. На одну бы вас осину вместе с жидами, жидовское отродье проклятое...»

Мухин, нотарус и поручик, кратко извещает:

«Я спокойный, уравновешенный человек, но должен сказать, что евреи — жалкое отродье человечества...»

Г. П. сообщает свои мысли очень кратко и странно:

«Прочитая анкету об евреях, не нахожу ничего хорошего против вашего мнения. И нахожу, что и вы — жида...»

Очень характерна описка нотариуса «не нахожу ничего хорошего против вашего мнения...»

Такое настроение, разумеется, не требует мотивов, не нуждается в них. Я полагаю, что мы достаточно знакомы с этим настроением по газетам правого лагеря...

Есть группа мотивов в высокой степени странных, например: Г-жа из Калуги в длиннейшем письме подробно рассказывает, что ее сделал антисемиткой муж-еврей: он, видите ли, влюбился в дочь госпожи Ф., свою падчерицу, и этот драматический случай внушил матери навсегда отрицательное отношение к евреям.

А г. Альфа влюбился в еврейку, переписывался с нею, затем пожелал получить свои письма обратно, — но пусть герой повествует сам:

«Вижу, что для получения писем необходимо продолжать дело так, как будто сохранилось прежнее чувство, — с подлецами честным путем ничего не получишь, подумал я; вынимаю все ее письма и предлагаю, прежде всяких разговоров, обмен письмами, т. к. только тогда исчезнет у меня недоверие к ней. Она письма взяла посмотрела — все ли и говорит, что мои письма возвратит завтра, я стал настаивать, она колебалась, видимо очень хотела оставить мои письма (с какой целью — не понимаю, между нами, повторяю, дальше сидения, обнявшись, и поцелуев дело не шло) и отдала. Я на следующий день письмом сообщил ей,

что главная цель моей поездки была получить от нее мои письма, и уехал, не простившись. Признаюсь, что при прощании накануне поцеловал ее в щеку, а сам подумал — «Иудино лобзание», и потом все ругал себя — за каким чертом я ее поцеловал...»

Я очень хорошо понимаю, что юмористика и скверные анекдоты совершенно неуместны в трагическом вопросе интересующем нас, я понимаю, я чувствую это. Но — юмористика вторгается в драму помимо моей воли, ее вносит сюда социальная тупость и невежество гг. корреспондентов-юдофобов.

Они все пишут более или менее смешно, но выводы из рассказов их не вызывают веселой улыбки.

Г. Альфа начинает свой рассказ таким предисловием:

«По обыкновению, свои мысли и взгляды не высказываю, не желая участвовать в общем голосе толпы ...большинство человечества не любит выражать свои мысли вслух т. к. считает их своим Святая Святых, в которое посторонний — еврей — не имеет права входить... Это люди, которым чужда всякая государственность, всякая государственная жизнь... Если бы во главе государства были евреи, а мы, русские, в обратном положении, то нам, русским, жилось бы в тысячу раз хуже, чем сейчас евреям...»

Г. Альфа и г-жа Ф., конечно, не одни, есть еще не мало людей, которые полагают себя вправе судить и осуждать еврея на поток и разграбление за свои маленькие, субъективные неудачи. Можно утешаться только тем, что люди этого типа так же легко и жестоко судят и единомышленников своих. Есть письма, в которых, как будто, скрыта ирония, очень горькая ирония, не осознанная автором письма.

Например, рекомендуется «лишить евреев всех гражданских прав, оставив за ними только права человека, и тогда евреи сами уйдут из России».

Что именно подразумевается под термином «права человека», — автор не поясняет, но хорошо его представление о своей стране, в которой с правами человека нельзя жить!

Вот еще образчик политической грамотности — это пишет преподаватель М. из Вологды:

«Влияние антисемитизма нельзя оценивать, как чисто отрицательное. В смысле хозяйственном, нужно надеяться, антисемитизм заставит объединиться остальные национальности России в блок борьбы. Еврейство, может быть, должно будет потерять всякие права. Настоящее еврейское бесправие и черта оседлости отдаляют лишь на время объединение России, смягчают резкости проявления антисемитизма и рост его. Но антисемитизм необходим для России. В антисемитизме нужно искать один из пунктов согласия всей разноплеменной России...»

Далее — мнение калужанина:

«Движение против евреев вызвано ими самими — оно стало заметным и приняло современный характер с расцветом немецкой промышленности и милитаризма. Уловив идею пангерманизма, евреи ясно стали на путь, ведущий к покорению народов, овладев золотом и опираясь на немцев, как на соучастников в этом деле»...

А г-жа И. из Вильно любопытствует:

«Сколько же вам заплатили евреи за убийство России?»

Поставив этот вопрос, она говорит:

«Когда была объявлена война, бедные жители Вильно узрели на рынке необыкновенное явление: там появились гуси, утки, дичь — из деревень, по обыкновенной цене: гусь — 80 к., утка 40 к., и т. д., у них был праздничный гусь. Граница была закрыта, евреи растерялись. Но такое положение длилось недолго, не прошло и месяца, как евреи нашли лазейку и на подводах повезли птицу к границам врагов. К Рождеству гусь у нас стоил 3 руб., а теперь — 4 руб., да и то другой раз не найдешь...»

И предобродушно заключает:

«Удивительное, право, свойство русского человека вечно спасать кого-то, за кого-то ратовать, а потом этот спасенный ему же — по затылку, по затылку... Желаю вам здравствовать простите, что забранилась...»

Видите, как просто и даже мило мотивируется дамский антисемитизм. И вот, опираясь на такие мотивы, люди

утверждают необходимость сохранить для евреев черту оседлости, процентную норму и т. д.

На этом можно бы и закончить иллюстрации интеллигентского антисемитизма, но вот еще одна очень характерная мотивация антисемитизма. Автор ее г. Р., поэт.

«Я думаю преимущественно о вас, Федор Сологуб», — пишет он, — «вы — поэт, как выражались в эпоху Пушкина, — «жрец искусства», вы, создатель легенды о пленительной далекой Ойле... Это вы написали:

«Быть с людьми — какое бремя!..»

или

«Вы счастливы, нежелающие»,
«Лучших дней неожиданые»,
«Жизнь и смерть равно встречающие»
«С отуманенным лицом...»

Подумайте, какие ржавые, продажные перья скрипели вокруг еврейского вопроса... И вы вмешиваетесь в их ряды, омокаете в ядовитые чернила белоснежное перо, словно упавшее из крыльев врубелевской Царевны Лебедя, а между тем, сколько прекрасных мгновений, сколько желанных обманов могло дать это перо людям... Станем выше толпы и не будем говорить на жаргоне провинциальных передовиц. Я, со своей стороны, готов по-рыцарски поднять перчатку, т. к. считаю себя честным антисемитом...

Существует два антисемитизма — народный и интеллигентский. Конечно, второй охватывает первый, он много шире по содержанию, сложнее, благодаря имеющимся в его распоряжении аргументам, историческим, научным и пр. Представителем его может служить мировоззрение нововременского Меньшикова, к которому, кстати, я всецело присоединяюсь...

Самая наружность евреев, строение их тела, их манера говорить, их какая-то таинственная религия с обрядами крови — все это не может не возбуждать брезгливости. Славяне и евреи... Это не два племени, как славяне и литовцы, как даже славяне и немцы, это свет и тьма, добро и зло, короче — полное отрицание один другого.

Нам говорят, что евреи «тоже люди», что они должны пользоваться «человеческими» правами. Может быть, но прежде всего — моя душа не выносит еврея, она ненавидит его, как тьму, как зло, как грязное пятно на белоснежном

платье... Мне невыносимо жить с евреем и оставаться спокойным...

Наш главный пафос — это освобождение братьев, это крест на св. Софию. У кого из славян не забьется сердце при звуке этих лозунгов? Мы все чувствуем, что необходимо разгромить Германию, страстно желаем этого. Какой же пафос у евреев в этой войне? Желанна ли она им? — Нет, ибо какой прок для них в разгроме Германии, где кормятся и паразитствуют их братья, как и во Франции, и в России. Лучшая их мечта — это хоть худой мир, ибо в мирное время хорошо заниматься «коммерцией» и набивать карманы золотом, а война — одно разорение.

— Чем скорее мы выбросим эту мразь за борт корабля русской культуры, тем лучше будет для нее...

Мне грустно только по поводу вас, Федорь Сологуб, мне бесконечно жаль видеть гибель вашего таланта поэтического. Я заранее не уважаю вашей книги об антисемитизме и не хочу, чтобы в ней была хоть одна моя строчка...

Антисемитизм эстета несомненно одного корня с антисемитизмом человека из Вильно, того, который писал о пьяном еврее.

Я закончил изложение наиболее характерных мнений юдофобов из интеллигенции, представителей культурного слоя русского общества.

Студент Ю. Я. определяет антисемитизм этого порядка такими словами:

«Ненавистники из людей образованных искренно и последовательно исповедуют свою ненависть к евреям, но руководятся только непосредственным слепым чувством, не стараясь себя оправдать какими-нибудь теоретическими доводами...»

А г. Р. из Херсона говорит об антисемитизме следующее:

«Не желая никого обижать, я, все-таки, скажу, что, встретив за 57 лет моей жизни не менее сотни убежденных антисемитов, я не помню среди них ни одного благовоспитанного и культурного человека...»

Если вам интересен мой личный взгляд на антисемитизм «культурных людей», я скажу, что он не вызывает у меня иных чувств, кроме чувства смущения и конфуза за соплеменников моих.

Если враг умен — это хороший враг, в борьбе с ним можно многому научиться. Представленная мною группа врагов — ничему не учит меня. Капризная пестрота их мнений, их крайний и мелочный субъективизм не дает мне ни права, ни технической возможности найти у этой группы какой-либо общий всем единицам ее мотив антисемитизма, общую причину, вызвавшую его в мозгах этих эстетов, культуртрегеров, милых дам и т. д.

В расовую идиосинкразию — я не верю, органически не могу признать бытие такого извращения чувств. Антипатия к личности, антипатия доходящая до отвращения, вполне допустима, но невозможна антипатия к народу, а тем более к народу, который принес миру в сердце и уме своем дары бесценные, вечные. Я знаю, — нет закона, который оправдывал бы насилие над человеком, — вот единственный, незыблемый закон и нужно сделать его всемирным внутренним законом.

В общем, антисемитизм, иллюстрированный мною, не кажется мне явлением серьезным, навсегда и крепко вросшим в сердца этих людей. Не только потому, что сердце русского человека вообще слишком зыбко, мягко и ничто не укрепляется в нем надолго, но потому, что данная группа людей, как она обрисовала себя в своих письмах, не кажется мне группой людей, серьезно думавших над вопросом о положении евреев в России, над вопросами нашей анкеты. Люди захвачены врасплох этими вопросами и пишут первое, что пришло в голову, не отдавая себе отчета в глубокой важности дела.

Затем — вы сами знаете, как легко все мы говорим о людях плохое, как нравится нам говорить плохо о ближних своих, как редко и неохотно мы говорим о человеке хорошо. Мы ведь вообще не уважаем людей — это верный признак отсутствия уважения к самим себе.

Я довольно хорошо знаю публику средних классов, и мне кажется, что в ее среде возможен антисемитизм *по привычке относиться ко всякому человеку подозрительно и враждебно*. Возможен также антисемитизм от скуки жизни и, наконец, антисемитизм неудачников — людей завистливых, честолюбивых, но — или плохо одаренных природой, или же слабовольных и пассивных, или, наконец, загнанных

своим самолюбием во тьму озлобления и ненависти ко всей жизни.

Я думаю, я уверен, что если таким людям предложить анкету по вопросу о моральном значении личности Льва Толстого, так они и о Толстом скажут все плохое, все дрянное, что может сказать человек о человеке.

*

Резкий антисемитизм простых людей представлен не так обильно — всего 29-ю письмами на 87 интеллигентских посланий. Должен оговориться — иногда «простые» люди пишут поразительно грамотно.

Например, «группа петроградских крестьян» пишет:

«Антисемитизм у нас на Руси развивался на почве религиозной и, главным образом, экономической... Их стремление завладеть капиталом всего мира, как одним из величайших факторов жизни, породило в народе неприязненное отношение к ним...

В русской практической жизни евреи всегда играли и играют огромную роль... Они дают расточительным правительствам, ради своей наживы, займы денег... Удалить евреев из России, а если возможно это, — оскопить всех мужчин еврейского происхождения и тогда никакого еврейского вопроса не будет...»

Эти петроградские крестьяне кажутся мне близкими друзьями тех сеятелей всякой вредной чепухи, которые трудятся на газетных полосах «Русского знамени» и «Земщины».

А вот г-н Н. не возбуждает никаких сомнений в своей принадлежности к простым людям, это подтверждается и степенью его грамотности. Он пишет кратко:

«Мое Русское мнение просто-напросто всех Евреев нужно стереть с лица земли Российской империи и больше ничего не остается делать...»

В этом духе пишут многие, но т. к. большинство писем анонимны или подписаны псевдонимами и инициалами, то трудно догадаться о социальной позиции авторов.

Желание освободиться от евреев путем применения к ним радикальных мер, выражено еще шестью лицами;

пятеро, судя по грамотности, — простаки; шестая — дама; она советует вешать русских граждан иудейского вероисповедания по миллиону в день и тогда, по ее мнению, Россия освободится от евреев в 10-15 дней.

Трижды указывается на Сион, как на путь освобождения от евреев.

Семь раз рекомендуется уничтожить еврейскую религию.

Влияние армейского антисемитизма отмечено в 9-ти случаях.

Студент М. пишет иронически:

«Вы спросите о евреях тех людей, которые в эту войну вошли с ними в самое тесное соприкосновение, т.е. солдат. Последние скажут вам, как евреи „грудью и бескорыстно защищают Россию вместе с другими“...»

Но, как бы отвечая ему, пишет Серый воин Дм. Горшков:

«Мужичек отлично знал и знает, как его отдают на обираловку. Он знает, что вы там о немецком засилье только шумите, что слишком прососался он, немец, наверху и его не так-то легко выкуришь. Мужичек все это знает. Мужичек работает сейчас на ратном поле и прислушивается к окружающему. Он до глубины души радуется всему малейшему проявлению к нему внимания, малейшему голосу о нужде его и его упованиях. Но ему горько видеть и слышать, как о всех промахах и злодействах в этом святом деле защиты родины, так больно и горько на душе, когда за сытыми столами, за обедами начинают „бесчинствовать“, кладут куда-то в неопределенность вопросы о „нем, Сером“, сейчас „герое“ и поднимают споры о наследстве еще живого и слышащего их человека. На все ваши анкеты у мужичка один ответ: „У Бога — все равны“. Этим, кажется, все вопросы о национальности исчерпываются. У нас все народности бесправны, все взирают с надеждой на Русь, так к чему такое предпочтение евреям?»

Все мечутся в мыслях о будущем, всем так хочется спокойной работы, простора в обширной России, по-моему предлагать сейчас такие анкеты есть заблуждение...

Мужичек здесь работает, жертвует своей жизнью, но в

свободную минуту все же прислушивается к голосам из сердца России. И ваш долг поддерживать его дух и силу, идти навстречу его желаниям. С надеждой на свое будущее и с верой в вашу плодотворную работу на поприще раскрепощения духа, прав и воли борется сейчас мужичек. А там, там и сам мужичек покажет миру свою душу и скажет: „у Бога все равны”. Сейчас же не дело разбрасываться и увлекаться всем и всюду. Правда, у нас так много нужно реформ, так далеко ушел в самосознании наш родной русский мужичек от устаревших законов, что чудовищным кажется, как все еще мы не задохнемся, не оступим. Но вижу, душу не удержишь, как не загнал ее кнутом Батый, как не заглушило ее долгое постыдное „крепостничество”...

Так многие говорят здесь, у нас, так лично и я говорю, по опыту окружающей жизни...»

На несвоевременность анкеты указывают еще семеро, из них наиболее интересное указание известного Дм. Коломийцева, он пишет:

«В издававшемся мною девять лет назад в Симферополе „Тавричанине” я постоянно отстаивал общечеловеческие права евреев...

Я признавал и признаю человеческое и человеческое в евреях. Но из этого не следует, что анкета трех наших чудак — Андреева, Горького и Сологуба — затеяна вовремя. Ею можно только возмущаться. Как не стыдно этим литературным кривлякам выступать с анкетами в такое время. Неужели они, в самом деле, склонны думать, что их имена что-нибудь значат вообще. Да на такую дерзость, как их анкеты, не отважился бы в такое время даже такой гигант, как Толстой. И истинный писатель, Чехов, постеснялся бы...»

С ним согласен «Прогрессивный журналист» из Костромы:

«Теперь, когда надо всеми силами пробуждать русское национальное самосознание, не время — слышите, — не время заниматься еврейским вопросом. С этим тысячелетним проклятым вопросом можно подождать до окончания войны. В частности, — отойдите от этого дела, не губите свои имена, столь близкие русскому народу. Говоря проще — бросьте это грязное дело. Лучше помогите П. Б. Струве...»

Такого же мнения держится Анд. К. из Риги:

«Правительство озабочено всегда о правах своих подданных, но вам, как писателям, трудно вмешиваться со своими взглядами и вмешиваться в действия правительства и требовать взгляды публики. Поговорите с нашими генералами...

В такое смутное время защищать их права, значит быть преступниками правительства, это только могут Андреев, Сологуб и Горький...»

И всех резче выражается, стоя на этой точке зрения, учитель Г. Щ.:

«У хозяина в доме пожар, а вы к нему со старыми долгами. Так неуместно, противно. Евреи хороши, они свое возьмут, но — погодите. Если же они хотят повторения 1905 г., то пусть лезут: — мы, народные учителя, первыми поднимем народ и освободимся от немецкой, а заодно и от еврейской болезни...

Анкетой вы вызвали гадливое чувство. Обидно за вас, за трех писателей...»

Он подписался: «ненавидящий и презирающий вас учитель».

В пяти случаях корреспонденты объясняют свою ненависть к евреям тем, что евреи, по их мнению, были творцами русской революции.

Это, конечно, мысль газетная, внушенная, но в одном письме она выражена очень интересно и, может быть, вполне искренно. Это письмо 26-ти рабочих харьковского паровозостроительного завода, привожу его целиком:

«Нам ничего не известно о трагическом положении евреев в России...

Нам, русским рабочим, очень хорошо известно, что евреи принимали и принимают сверхэнергичное участие в разложении русского общества и армии, флота и учащейся молодежи, много они потрудились, чтобы подготовить, вызвать и создать „Японское позорище“, „9-е января“, „Цусиму“, „похождения Потемкина в Тавриде“, под командою „доблестного“ Шмидта и при благосклонном участии бывшего президента Черноморской республики „Хрустально-чистого Пергамента и К“...

Вашу чувствительную совесть почему-то угнетает „рост вражды к евреям“, а нашу — угнетает сознание, что мы,

благодаря вашей и еврейской пропаганде, много зла причинили себе, всему русскому государству и народу. Да, как честные люди, мы утверждаем, что евреи, вы и мы, ваши ученики, последователи и поклонники, подготовили, вызвали и устроили бессмысленную братоубийственную революцию 1905-06 года. Революцию, поглотившую сотни тысяч человеческих жизней и сотни миллионов народных денег, попавших целиком в карманы „угнетенного народа”. Впрочем, миллионы, подаренные на революцию Морозовым, попали, по словам евреев, в карманы одного из вас, русские писатели, — певца „бури и свободы”.

У нас теперь совсем нет духовной жизни, все великое, святое, дорогое для нас, унижено, осквернено, опозорено евреями. Нам нечем жить. Они отняли у нас веру в Бога, в царя, веру в русский народ и в лучших людей государства... Желаем, чтобы вашу писательскую совесть никогда не угнетало сознание жестокости, ненависти и всяческой несправедливости, проявленной вами в отношении к русскому народу...

Все мы, 26 рабочих, бывшие „крайние левые”, ваши ученики и последователи, а теперь люди, повисшие в воздухе и не знающие, во что верить им, кого любить, что делать и где преклонить головы свои...»

Письмо не подписано. Судя по стилю, я думаю, что автор его не рабочий, а раскаявшийся интеллигент, единомышленник вехистов. Однако, у меня нет сомнения в том, что русский человек может думать и чувствовать так, как это рассказано в письме. Ведь еще недавно мысли и настроения этого тона очень упрямо пропагандировались кающейся интеллигенцией, эти настроения могли, конечно, заразить и «простых» людей. Но все-таки, мне кажется, что 26 человек слишком широко отверзли двери покаяния своего, слишком истерически каются. Могут сказать, что мои слова неуместны, но я с этим не соглашусь, я свободный человек и за мною неотъемлемое право говорить обо всем так, как я думаю.

Могут указать, что в «обществе изучения еврейской жизни» слишком много говорится о русской психологии.

Но ведь не будь этой темной психологии, — у нас не было бы нужды устраивать общество. В ряду наших задач, стоит задача выяснить ту психическую атмосферу, в которой

задыхаются евреи, и которая не менее, если не более жестоко уродует и нас, славян.

Наконец, всякая реальная политика, должна не только ставить перед собой идеальную цель, но и всегда помнить об этой цели.

А когда мы забываем высшую цель нашей работы, — мы немедленно погружаемся в грязь созданных нами отношений и слепо тонем в этой грязи, бесплодно расточая небольшие силы наши.

В конце концов, — о чем бы ни говорил человек, он говорит всегда о человеке, ради человека и для человека, а человек будущего — это явление неизмеримо более ценное и прекрасное, чем еврей, англо-сакс, славянин, романец и т. д. ... И надо помнить, что мы можем возвыситься до человека, только пройдя сквозь расу, нацию, класс, только преодолев эти препятствия к общечеловеческой планетарной культуре.

Думаю, что объективно интересны мнения лиц, полагающих основы антисемитизма в плоскости религиозных взглядов.

Вот, что пишет рижский литератор Всеволод Чешихин, — очень прошу не смешивать его с Василием Евграфовичем Чешихиным-Ветринским .

Российский и всякий иной антисемитизм коренится, по взгляду рижского литератора, в тройном взаимном антагонизме арийцев и семитов: 1) расовом, 2) религиозном и 3) национально-идеологическом:

«Некоторая часть арийцев и семитов органически не выносят друг друга по естественным законам расовой антипатии, отрицать которые невозможно; — доказано, что некоторых японцев тошнит от запаха европейцев, а некоторых арийцев — от запаха семитов. Надо обособить эти взаимно отталкивающиеся элементы. А для этого надо создать особое еврейское государство, Сион, путем международной конференции государств, ибо еврейский вопрос — общеевропейский вопрос, и основать международную государственную организацию для содействия колонизации Палестины. В Сион выселяются наиболее нетерпимые семиты, наиболее невыносимые для арийцев-антисемитов.

После этого в Европе останутся семиты, склонные к ассимиляции, и арийцы вскоре уживутся с последними. Тогда будет упразднена в России нынешняя черта оседлости и настанет пора еврейского равноправия. Религиозный антагонизм арийцев и семитов столь же несомнен, как и расовый. Он поддерживается государством у христиан и общиной — кагалом — у евреев, и может быть упразднен лишь в государствах и общинах внеисповедных. Мера борьбы с религиозным антисемитизмом — отделение всех государств, включая сюда и грядущий Сион, от церквей... впредь до слияния всех религий в одну и превращение нашего государства в грядущую церковь из граждан без злой воли, не нуждающихся в принуждении для поддержания общественного благоустройства.

И арийцы, и семиты в своей национальной идеологии забывают о своей принадлежности к единому белому кавказскому племени, о существовании желтой и черной рас и обо всем человечестве, как одним целом. Об этом должны им напоминать писатели а ла Гердер и Владимир Соловьев, поэты, — певцы всемирных соединенных штатов, — а ла Шиллер и Виктор Гюго (создатели движения в пользу единого вспомогательного всемирного языка) и т. д. ...»

Подписано: «Всеволод Чешихин, редактор-издатель выходившего в 1904-07 гг. в г. Риге журнала „Всемирный Союз” и „Унион Универсель”; автор сочинений по космоглоттизму: „Грамматическая идеография” и „Новые варианты эсперанто и нэпо, непослава”...

О вреде религиозных предрассудков говорит и г. К. из Самары. По его мнению:

«В христианских странах, особенно в странах с исповеданием догматов православной, восточно-католической церкви, антисемитизм нарождается в душе каждого ребенка еще с того момента, когда священник объясняет своим питомцам историю тяжких страданий и смерти Христа — символа красивейших и высоких идей любви, лучших и наиболее удобных форм человеческого общежития. А еврейская религия, как продукт времен варварских, в силу своей безнадежной отсталости от человеческой мысли безусловно обречена на гибель. Ведь в религии черпается пища для формирования и развития человеческой души, которая именно и кладет свой отпечаток на физическую структуру человека, на образ мыслей, чувств, строение мозга

— количество и направление извилин в нем. Так вот, господа, еврейская религия — причина антисемитизма, — фундамент, на котором впоследствии вырастает бытовая, политическая и всякая иная неприязнь к евреям...»

Так же рассуждает крестьянин Ш. из Вятки:

«Свое и чужое развитие евреи старались заглушить сами. Доказательством тому служит их религия, перенятая от арабов, от которой весь тормоз развития культуры человечества...

Если мы возьмем во внимание первых людей, то всякая вражда по национальностям должна отпасть: у этих первых людей национальности не было, она явилась лишь после установления религий еврейскими пророками. Расовая вражда происходит из-за климатических условий, условий природы, что и должно быть известно каждому, потому ее и не должно быть; негр, если приедет с юга на север, то он через десять лет сделается шатеном, а через сто — блондином, особенно поженившись на брюнетке без денег, т. е. бедной...

У Адама и Евы раньше никаких религий не было, а с ними и синагог, церквей и прочих молитвенных домов; стало быть эти первые люди жили без капища, лучше работали над землей и дольше была их жизнь. Тогда для чего гордиться своей религией, зная, что она для обмана своей же расы? К тому же, какое осуществление их предположенного „пришествия мессии“ она может иметь среди массы такой других религий. Абсолютно никакого. И самое лучшее стремление для евреев должно быть направлено к уничтожению своей религии...»

По всему ходу мыслей можно было ожидать, что вятский крестьянин выскажется вообще против всякой религии и всяческого национализма, но до этого он не дошел. Будем надеяться, что со временем дойдет и станет рассуждать, как рабочий К. из Брянска. Он пишет:

«Я смотрю так, что корни национализмов и всяких антинационализмов, — значит, антиеврейства, — в противоречиях предрассудков религиозно-церковных. И еврей, и магометанин, и буддист найдут и могут многое что сказать против Евангелия, а что бы они сказали против Шекспира и Пастера? Тут нечего сказать. И это верно: „разъединяет людей религия, национализм и политика, а объединяет, объединить их может только искусство, т. е. главное, литература да наука».

Студент Ю. Ян тоже полагает, что корни антисемитизма скрыты в области религиозных воззрений иудейства и христианства. По его мнению:

«Иудейство, одно из оптимистических учений, оно утверждает активное, действенное отношение к людям, тогда как христианство по существу своего учения, „теряет права стремиться к реальному осуществлению своих желаний”. Находя в жизни много хороших сторон, „еврействующие” полагают, что низменно предаваться меланхолии, особенно отчаянию...

Так как желание борьбы и жизни, которое лежит в основе еврейской философии, есть натуральное явление воли, человек с сильным, выносливым и изворотливым характером — идеал „еврействующего”...

Казалось бы, вывод отсюда обязательно такой: религия евреев имеет несомненное и ясное преимущество перед религией христиан, она — активна, жизнедеятельна, она освобождает человека от недоверия и страха перед земной жизнью.

Но студент Ян делает вывод прямо противоположный. Он пишет:

«Действие еврейской философии может быть только отрицательным и весьма опасным для культурного процесса человечества, особенно в наше тяжелое время, когда чрезмерное развитие прикладных наук и те блестящие результаты, которых они достигают, сильно подкупают людей в пользу материалистических воззрений...»

Я остановился на философии студента потому, что он, как мне думается, довольно метко указал на основное противоречие, лежащее в натуре Иова, который не боится вступать в спор с Богом, и Платона Каратаева, который не умеет и не хочет противиться злу. В дальнейшем вы увидите, как часто антисемитские идеи и настроения будут опираться на мотивы, тождественные и родственные мотивам студента Яна.

*

Теперь перед нами 63 письма, в которых мотив антисемитизма выражен однообразно и отчетливо. Этот мотив — страх русского человека перед возможностью

еврейского засилья. Едва ли нужно объяснять, что почвой этого страха служит — в числе многих иных причин — удручающее невежество и поразительное незнакомство корреспондентов с положением в России еврейского народа.

Привожу тексты писем, чтобы вы знали, какие иногда детские формы принимают суждения русских людей по еврейскому вопросу.

Учительница народной школы из Витебской губернии пишет:

«Считаю нужным сообщить вам про то, какое действие произвело чтение вашей статьи на крестьян. Нельзя было смотреть без сожаления на эти морщинистые и грубые лица, на которых ясно отразилось недоумение и испуг. Еще не было окончено чтение статьи, как со всех сторон посыпались тревожные вопросы: „Неужели это пишет наше правительство? Неужели наш Царь-Батюшка даст нас в обиду жидам-нехристям? Неужели нам после панской кабалы попасть в жидовскую?“ И еще много в этом духе. Конечно, крестьян успокоили, но они еще долго волновались и говорили: „Как это русские писатели пишут эдак про жидов, когда нам, мужикам, живется тяжелей, чем им, нехристям...»

Испугом и недоумением густо насыщены все письма этой группы. Учительница, по мягкости души, могла, конечно, и преувеличить впечатление, вызванное у крестьян чтением анкетного листка, но вот вопли, идущие непосредственно из напуганных душ самих крестьян:

«Русский человек добродушен: его смущает ограничение прав евреев и черта оседлости, в которой бедному люду живется, действительно, очень плохо. Но сочувствуя евреям, русский никак не может забыть себя, чешет затылок и рассуждает: „да ведь и мы-то не больно полноправны, и сами-то сплошь и рядом живем впроголодь... а если придут евреи, да везде поползут, так тогда совсем пропадать надо...»

И С. из Вятки кончает:

«Ни в коем случае нельзя евреев поставить в равные условия с русскими, а то самим придется бежать из пределов России...»

Ему вторит Иван П.:

«Какого равноправия требуете для евреев? И не стыдно ли заниматься такими вопросами, видя бесправие русских?..

Не губите русского человека, не закабаливайте вы его, неужели вы сторонники крепостного права?..»

Из Курска — Иван В.:

«Если евреям дать права, то не позже, чем через 20-30 лет вся огромная наша родина превратится в еврейского раба... Мы должны заботиться, главным образом, о нашем крестьянине, об этом сеятеле и хранителе нашей родины, ни один народ в мире не обижен и не обойден так, как наш русский крестьянин, все вынес он на своих плечах...»

Прежде, чем заботиться и хлопотать о евреях, которые и сами в состоянии за себя постоять, надо позаботиться о нашем родном мужике...»

К. из Сибири:

«Мое мнение: всех презренных жидов загнать где макар телят не пас, никакого преимущества дать им нельзя, в виду ихних подлых уверток. Если дать права наравне с русским человеком, то прежде найдите место, куда бежать русскому человеку...»

М. из Риги:

«Прибегаю с великой нашей покорнейшей просьбой к великому защитнику нашему и помощнику нашего Благодетеля Монарха В. М. Пуришкевичу и Писателю Русскому М. Горькому и др. Помогите, с милостью Божьей станьте защитой Русской православной церкви. Защитите нашу красавицу страну от немецкого вспомогательного механизма...»

Житель города Харькова, безземельный крестьянин Богодущенко:

«Вы бы, милостивые государи, вместо жидов, заботились бы лучше о бедных русских крестьянах...»

Человек без имени:

«Вы, господа, сочувствуете им, что они принимали культурной русской жизни Русского общества, что они держатся от нищего до Рестократического высшего образования заодно и не позволят на себе покататься... Сколько времени прошло и никто не подумал из писателей, чтобы бедный русский народ поднять к образованию высшей культуры, а только угнетали его...»

Запасные солдаты Д. и С. рекомендуют:

«Для евреев нужно дать отдельную колонию, иначе они приведут Россию до ничего...»

К ним присоединяется поляк:

«Дать евреям полную свободу действий, если б это случилось, то должен погибнуть весь крестьянский народ...»

Ефрейтор К. думает так же:

«Дать евреям равноправие, это значит — отдать все...»

Если бы еврея назначить хотя бы губернатором, то весь штат был бы из евреев и в конце концов Россия стала бы еврейским государством, что крайне нежелательно...

Если у вас есть свободное время, то вы лучше обсудите, как нам бороться с тем злом, что некоторые семейства нижних чинов запасных до сих пор не получают пособия...»

Наиболее оригинальным является мнение жителя Лодзи:

«Не давая евреям свободы, мы больше пользы получаем от них в мире искусства и науки, а дав им свободу, ничего, кроме торгашей, не будет...»

Эти вопли крестьян, солдат и рабочих вызывают тягостное и удручающее представление о каких-то людях, на всю жизнь запуганных, о людях, не способных к разумной борьбе за свои права, совершенно лишенных веры в свои силы, людях, живущих надеждой только на помощь извне.

— Нам дайте права, нам! — кричат эти люди.

Один унтер-офицер 67 Московского полка, указав на возможность еврейского засилья, полагает, что права у них уже имеются:

«Русские должны иметь свои права только для своего народа и никаких таких прав для подданных нам народов; жить и проживать могут разные народности в нашей стране, но прав иметь таких, как мы имеем, — не должны...»

Я, разумеется, готов признать, что мысль о неизбежности еврейского засилья вбита в мозги этих людей соответствующей пропагандой. Но это, я полагаю, никого не утешит, никак не может умалить значения факта.

Этот факт — склонность русского народа к восприятию

идей и внушений, которые, запугивая человека, убивают в нем стремление к самостоятельности, к самозащите, понижают его силу сопротивления злым началам, умерщвляют интерес к жизни, вкус к ней.

Ведь мы знаем, что в народную массу и сама жизнь — ростом торговли, промышленности, техники, — и люди, озабоченные развитием в русском народе идей западно-европейской культуры, вводят много мыслей иного значения; это действенные мысли, они должны бы поднять в народе доверие к творческим силам разума и воли человека, развить сознание своего достоинства и сознание права личности сопротивляться насилию над собой.

Но, кажется, нужно признать, что идеи активного характера не так легко и быстро проникают в характер нашего народа, как легко и крепко внедряются в него поучения, внушающие страх перед жизнью, перед людьми, пассивное отношение к себе самому, покорность внешним силам.

Не надо забывать, что это нами, русскими, придуманы учения о непротивлении злу, теория святости неделания, как нельзя более сродная мудрости древнего китайца, который учил: «Все должны быть бездеятельны», и который с приятной простотой младенца убеждал: «В древности исполнявшие Тао не старались просвещать народ, они держали его в невежестве...»

«Причина того, что трудно управлять народом, заключается в том, что народ просвещается, и в нем много умных...»

«Когда страна управляется без всякого умствования, то в ней будет благоденствие...»

История убедительно доказывает нам, что руководясь философией пассивного отношения к жизни — жить нельзя.

Еврейского засилья боится не только народ, но и представители культурных классов, страх этот ярко выражен в 21 письме.

Вот, например, г-жа И. пишет без аффектации:

«Неужели вы все, т. е. Андреев, Сологуб и вы, — копия

Вильгельма II ? Хотите слабые народы отдать на хищничество и под ярмо евреям? О, как это жестоко...»

Другой корреспондент вторит ей:

«С притоком евреев все исчезнет; убудется воля и энергия у русских, и, приведя русских к пассивному состоянию, начнут властвовать над ним бесконтрольно и бесповоротно...»

Из Ставрополя пишут:

«С устранением антисемитизма Россия была бы одной из благодатнейших стран Европы, — но евреи были бы... хозяевами, а русские — работниками...»

Так же думают и в Калуге:

«Врожденный, жестокий, последовательный эгоизм еврея всюду берет верх над добродушным, малокультурным, доверчивым русским крестьянином и купцом...»

Из Херсона рекомендуют:

«Заботьтесь о евреях, но не забывайте миллионы наших крестьян находящихся в зачаточном развитии, детском периоде. Как бы у вас не вышло того, чтобы свой родной народ не остался в своей стране без дела и без куска хлеба...»

По тем же основаниям г-жа А. из Харькова сообщает:

«Я не принадлежу совершенно к числу юдофобов, признаю вполне все лучшие качества за евреями, и чем я считала бы их лучше и сильнее, тем обязательнее и неизбежнее признавала бы решение вопроса в плоскости Сионизма...»

Из Мелитополя:

«Честные, выносливые, трудоспособные, словом — лучше евреев не было и, должно быть, не будет. Но это не значит, что для нас, как самостоятельной нации, они не пагубны, не язва, от которой надо отрешиваться, как от дьявола...»

Это пишут культурные люди? Да, к сожалению это пишут несчастные русские люди китайской души, люди, испуганные жизнью, искренно считающие свой народ беспомощным, бессильным.

Какой-то русский китаец жалуется:

«Вы хоть бы раз высказали на столбцах газеты сожаление о русских людях, о их интересах...»

И, наконец, крестьянин У. говорит:

«Дать евреям равноправие безусловно нужно, но не сразу, а постепенно, с большой осмотрительностью, иначе в скором времени, если не вся земля, серый народ русский, то наполовину перейдет в рабство евреев...»

Можно ли причислять людей этой группы к антисемитам? Я затрудняюсь сказать, — да, можно...

В афоризмах, сейчас прочитанных мною, я не чувствую той болезненной злобы против еврея, которая ощущалась в письмах, раньше прочитанных.

Здесь звучит только страх человека, который осознает себя слабым, бесправным, беспомощным. Он чувствует себя связанным, он изнутри запуган, и запуган давно; еврей кажется ему свободным, сильным, даже — колоссом, как определил литератор Гаврильченко. Здесь только страх возможности дальнейшего экономического и социального угнетения. Конечно, страх — чувство скверное, но человеческое; он легко возбуждает и другие темные эмоции, — со страху можно убить, устроить погром...

Отмечу еще раз, что в письмах крестьян, солдат и вообще простых людей много жалоб, но мало злости. Общий вывод из всего вопля напрашивается сам собою — люди кричат: не пускайте к нам чужих, мы боимся чужих, они нас умнее!..

Это, повторяю, китайский вопль, китайское, восточное отношение к жизни, к людям, к себе.

Но среди этой путаницы понятий, в сумраке невежества и предрассудков, иногда раздаются голоса разумных людей, как вот например капитан Ш. говорит:

«Лучше было бы позаботиться сначала о русском коренном мужичке, который действительно бесправный; загнанный и вечный еврей свободно его обидит и обсчитает. Присмотритесь к крестьянам сердца России — Калужской губернии, — и сравните их жизнь с жизнью евреев юга России, и вот тогда вы действительно узнаете, о ком первоначально нужно позаботиться... Поднимите раньше русский народ до

должной высоты, сделайте его грамотным, и тогда уж можно позаботиться и о евреях, среди коих безграмотных нет...»

А слесарь Л. ставит дело еще более ясно:

«Часто говорят: „посмотрите на Англию, на страну свобод и цивилизации. Там евреи живут, как равноправные граждане, и даже бывают министрами...” Правильно! В Англии еврей может быть кем угодно, от этого страна и народ никакого зла не терпят; а у нас — упаси Боже сделать еврея даже квартальным... Вот когда мы дорастем до английской жизни, тогда сам вопрос о еврейском равноправии будет казаться нам смешным, как он сейчас кажется для англичан...»

Я думаю, что если последовать советам капитана, слесаря и других людей такого же взгляда на дело, — страх перед еврейским засильем рассеется в русском народе, как и все другие его страхи.

А сейчас, при наличии свинцового невежества, даже те мысли, которые, вполне законно возникая на почве классовых трений и противоречий, организуют трудовой люд Западной Европы в новую социально-культурную силу, — даже эти чувства и мысли у нас на Руси развиваются не вполне правильно и нормально, как это видно из писем 21-го рабочего с завода Гильфердинга в Харькове.

«Евреи развивают капитализм» — сообщают эти рабочие новый мотив к обвинению евреев. Это обвинение повторяется в общей массе писем более десяти раз.

Что еврейский народ, как народ, столь же повинен в развитии капитализма, сколько и сами обвинители, — это не дошло еще до их сознания. И не они виноваты в недомыслии своем: — у нас даже и представители культурных слоев общества далеко не все и не ясно понимают прогрессивное значение развития капитализма в России; далеко не все убеждены в том, что только капитализм и неизбежно сопутствующее ему развитие социального самосознания может вывести нашу страну из болота восточной косности на широкие пути западно-европейской культуры.

За последнее время глубоко реакционная пропаганда идеи мессионизма и самобытности русского народа несомненно имеет некоторый успех в среде интеллигенции и,

проникая в обывательский мозг, своеобразно преломляется в нем, становясь еще более реакционной и темной.

Вот, например, человек, подписавший свое сообщение словами: «Что в имени тебе моем», — кратко и веско поучает:

«Запад — не Россия, а Россия — не Запад, а — Азия...»

Инженер А. из Урала пишет:

«Не надо нам никаких чужих носителей чужой, гнилой культуры. Мы — молодое, юное славянство, принесем без чужой помощи, без чужой указки свою истинную, самобытную, гуманную культуру. Россия и славянство — это носители будущего...»

Еще далее идет преподаватель из Саратова:

«Дурная сторона антисемитизма та, что различными стеснениями евреев, искусственно задерживается их участие в научной работе, которая России так нужна; но есть, пожалуй, и хорошая сторона, та, что русская образованность, да и литература, при меньшем участии евреев разовьется самобытнее. В этом отношении русский по своему складу ближе подойдет к восточным инородцам тюркского происхождения, с которыми у него много общего, чем к чуждым ему по духу, слишком „прытким“ евреям.»

Этот преподаватель сообщает, что он — православный с университетским образованием. Мы можем надеяться, что он годы и годы внушал и будет внушать русскому юношеству идеи расовой и, вероятно, психической общности русских с киргизами, калмыками и т. д.

Колупаев из Курска, человек, видимо, впавший в отчаяние и нигилизм, пишет, как бы доводя до законного конца мысль преподавателя о родстве русских с тюрками:

«Погибли сербы, болгары, румыны и без возврата все это должно сгинуть, расплыться в нечто прегрязное, несимпатичное, подобно армянам и цыганам, а мы просто должны исчезнуть, как мордва, чуваша, калмыки, черемисы...»

Вообще письма дают массу очень печального материала для очерка по психологии русского самосознания. Часто — слишком часто! — повторяется указание на то, что русский человек — «натура мягкая, сердечная, слабовольная». Г-жа П. из Саратова находит, что «немцы и евреи — негодяи, а для русских другого слова нет как — дураки...»

Некто философствует:

«Паразит поселяется в человеке, который не умеет или не может держать себя в порядке, мало пользуется мылом, щеткой и прочими хотя бы простыми приборами для своего туалета. Россия по своему неустройству — великолепный материал, великолепный кормилец для таких паразитов...»

Еще более резко написано письмо, озаглавленное: «От всего населения крестьян и мещан Витебской губернии»:

«В городе Геническе, который город совершенно завоеван жидами, в центре города нет ни одного жилого дома, ни одной торговой лавченки, нет ни одной хлебной ссыпки, нет ни одного русского склада сельскохозяйственных орудий, все совершенно в жидовских руках; с центра города русских дураков выжили, в центре — лишь одни жида и немцы, все это совершается при посредстве гешефтов, подкупов и т. д. Осталось избрать городского голову жида и тогда русский идиот, дурак, надевай сумку, одну для яиц, а другую для муки, и дуй по обширной Руси, побираться именем русского Бога Христа...»

А я, со своей стороны, советовал бы прежде всего не ратовать за еврея, а прямо кричать, чтобы русского дурака, этого хама, вывели из оцепенения (экстаза), одурения после кабака, да заставили бы поменьше бить поклоны, да разодрали бы ему, черту, глаза грамотой...»

Мысль эта должна бы быть совершенно чужда народу страны, о которой сказано:

Всю тебя, страна родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя...

Фольклор убеждает нас, что первобытный человек верил в силу злых стихий и богов больше, чем в силу добрых. Может быть, в темной глубине души некультурного человека, рядом со страхом перед злым богом, живет органическое, эмоциональное недоверие к силе бога доброго?

Нежное и хрупкое учение о любви к ближнему очень красиво, оно является одною из мощнейших попыток разума и воли связать всех людей в единое братское целое. Но мы живем в эпоху социальных противоречий, совершенно

непримиримых религией. Только для всех равные политические и социальные права могут создать мораль, обязательную для всех.

Могут указать на то, что я позволяю себе полемизировать с авторами писем — прием, кажется, не допустимый в подобных случаях; могут упрекнуть меня в том, что я не скрывает чувства моего презрения к некоторым авторам...

Да, я полемизирую и не хочу скрывать моего отношения к людям злым по глупости.

Я — русский, и у меня есть сознание моей личной ответственности за все то дурное, что делается, думается, говорится русскими, как по отношению к самим себе, так и по отношению ко всем другим народностям, которые принуждены жить с нами в черте невежества, недомыслия и злости, в душной атмосфере нашей китайщины.

Если бы вы, читатель, знали, как мучительно тяжело, как стыдно говорить обо всем этом.

Теперь перед нами 93 документа, написанных представителями той России, которой, несомненно, принадлежит будущее России, — людей умных и честных.

Вот, например, как пишут из Краснопольского рудника гг. П. Самсонов, Н. Наприенко, И. Хрижаненко, М. Усов, В. Запбянцев, Ф. Колесников и А. Первичко:

«Читая ваше письмо, мы глубоко верим, что оно истинно побудит каждого здравомыслящего человека пробудиться от его, быть может, моральных заблуждений и вооружит его против ложной идеи антисемитизма. С своей стороны, мы, сторонники семитизма, по силе возможности с нашей стороны будем противодействовать движению идей, возбуждающих против еврейства...»

Люди этой группы единодушно признают, что:

«Антисемитизм питается и поддерживается исключительно бесправием евреев...»

Они знают, что:

«Первая мера борьбы против антисемитизма — снять все стеснения с учащих, с низу до верхов: ничто не объединяет так, как образованность...»

Из Уиля, Уральской области, Евгений Заикин определенно пишет:

«Разноплеменность населяющих Россию народностей — есть богатая почва к предрассудкам и национальной вражде...

Для России это явление нежелательно, пагубно и печально.

Активное противодействие росту антисемитизма, по моему, должна взять на себя народная школа...»

Братья Никоновы из Оренбурга, указывая, что они учились в южных гимназиях до введения процентной нормы для евреев, свидетельствуют, что евреи, в большинстве случаев, оставили у них самые лучшие воспоминания. Они пишут:

«Чем меньше отпора встречает разнузданное своеволие, тем шире развивается оно...

Каждый культурный человек обязан бороться с антисемитизмом всеми доступными ему способами: устно, письменно, печатно. Добиваться равноправия для евреев, улучшения их существования законодательным путем...»

Ант. Беганский сообщает:

«Я нахожу вредным для моего отечества то, что еврей, ради получения прав, принужден менять религию его отцов на православие: это портит нравственность человека, ибо оно равносильно насильственному отказу от своей религии...»

Почти у всех корреспондентов этой группы отношение к еврейскому вопросу очень вдумчивое, все они строят свои выводы на собственном опыте, в каждом чувствуется подкупающая правдивость.

Вот как пишет, например, Александров:

«Рост антисемитизма имеет самое пагубное влияние на культурное развитие русского народа, так как питается предрассудками и невежеством, и сам питает их...

Антисемитизм оказывает самое вредное влияние и на хозяйственный рост страны...

Еврейское бесправие — есть результат и причина антисемитизма, если под этим разумеется вообще враждебное отношение к евреям...

Из моих личных наблюдений я пришел к тому, что антисемитизм прививают, и он в меня входил, как отравляющее вещество, и надо много трудиться над собой, чтобы счистить с себя эту коросту, эту духовную проказу...

Когда мы были ребятами, мы не делали различия между евреями и нами, но, по мере вырастания, нам чаще и чаще говорили, что евреи обладают всеми пороками злых людей. Чего же лучше — кровь пьют! Это говорилось с раннего школьного возраста. Я кончил курс в одной из западных губерний. Когда мне было 18 лет, я был одним из многочисленных орудий обрусения или уничтожения полонизма. Я обязан был следить и требовать, чтобы дети-поляки молились по-русски, читая переведенные на русский язык польские молитвы. И мы, русские ребята, постоянно повторяли евреям: „Вот, скоро до вас доберемся”. Поляков приказывали ненавидеть, но ведь в наших глазах еврей был от нас дальше, чем поляк. Естественно, этим питались и рознь, и вражда к евреям...

Для противодействия расовой вражде, — заключает он, — самое важное — отмена всяких стеснений и полнейшее равноправие...»

«Старый человек» пишет почти то же самое:

«Единственное средство — образование, просвещение, вплоть до всеобщего обязательного обучения, тогда сами собой подохнут и черносотенство, и антисемитизм...

Если я не раз понимал черносотенцев, — прибавляет он, — как „имя зло”, то это потому, что сам один год принадлежал к этому вредному сообществу, которое более стремится к ниспровержению существующего в России порядка, нежели все анархисты и социалисты.»

Г. Кузнецов рассказывает в своем письме о той перемене, которая произошла с ним: «...ярким антисемитом из дворянской, офицерской семьи, под благотворным влиянием семьи евреев...»

«Этой семье я обязан своим нравственным перерождением: я обратился в свободного человека и глубоко страдаю от окружающей несправедливости, и тот день, когда уничтожится пресловутая черта оседлости и „процентная норма”, будет праздником в моей жизни...»

Очень ценным кажется мне письмо «Статского советника»:

«Прочитав ваше обращение к русским людям, считаю себя вправе отвечать на заданные вопросы, пишу настоящий „литературный труд“, за который прошу мне выслать вашу книгу по этому животрепещущему вопросу...

Не все ответы будут иметь значение, так как многие будут рассуждать о том, чего не знают, в лицо не видав еврея. Я же учился в Сувалкинской губернии, в черте оседлости, служил в Польше и имел преимущественно с евреями дела. Живу теперь в Вильно, состою помощником присяжного поверенного — я кандидат прав Петроградского университета, так что теперь тоже имею возможность встречаться с евреями. Мой отец был крепостник, мать бывшая помещица. Они мне с детства внушили, какое зло евреи, так, что когда в 1-м классе гимназии законоучитель на экзамене Закона Божия спросил меня: „какой народности был Иисус Христос“, и был недоволен моим ответом: — „русский, православный“, то я заплакал от обиды за Христа, которого законоучитель назвал евреем, так несовместимо с моим понятием был Христос и — еврейство.

Придя в зрелые годы, я теперь считаю, что вся беда не в еврействе, а в российской темноте и непонимании того, что с малых лет знает каждое еврейское дитя, благодаря чему евреи и кажутся нам столь опасными. В последнее время явилось в России „черносотенство“ или „союз истинно русских людей“...

Евреи очень трудящийся, экономный, заботливый о будущем народ, предусмотрительный народ, который еще долго будет служить примером для России. За эти их качества хотелось бы насытиться Колупаевым и Разуваевым, но те еще рылом не вышли...»

Г. Огнев из Глазова простодушно говорит:

«Глубокую жалость чувствую я к бедному, забитому еврейскому народу. И нельзя не чувствовать ее, когда видишь, слышишь, читаешь, каким насмешкам, обидам подвергается еврей. И велик стыд, по-моему, нашему русскому народу за то...»

Некто указывает:

«В общественной жизни евреи, действительно, большей частью жестоки в денежных делах, но исключительными

законами и гонениями в течение почти 2000 лет мы, христиане, их к тому воспитывали...»

Очень верно и метко указание виленца:

«В каждой захудалой литовской или польской деревне увидишь цветники, кое-какие, хоть самые грубые украшения дома, свидетельствующие о любви обитателя к своему углу, но ничего подобного не встретишь у еврея — ведь у него нет родины, он не связан с тем клочком земли, на котором сидит...»

Указано, что некоторые черты характера евреев ставят их «выше окружающей народности, эти черты — «нравственная семейная жизнь, предприимчивость, стремление дать детям образование и практические знания, честность, трезвость, уживчивость и т. д. ...»

Из Наруксова пишут:

«Я прожил среди евреев 10 лет и скажу, что где есть еврей, там жизнь идет вперед, и самые глухие уголки страны оживают...»

Общий припев ко всем письмам таков:

«С предоставлением евреям гражданских прав в полной мере — сама собою рухнет всякого рода расовая и национальная вражда. ...»

Прасковья Орлова из Пензы тоже полагает, что:

«самой радикальной мерой для противодействия антисемитизму является уравнение в правах, в особенности — отмена черты оседлости, как явление варварства, какое-то средневековье...»

В группе антисемитских писем нет ни одного, которое не нашло бы возражения в письмах этой группы.

Псаломщик из Малмыжа «от лица многих единомышленников», заявляет, что — «антисемитизм культуру не может не задержать». Могут возразить — Малмыж! Что могут знать в Малмыже о черте оседлости, о евреях?

Но и уроженец Черниговской губернии, долго живший в

черте еврейской оседлости, убежденно пишет из Орска-Оренбургского:

«**Всякое человеконенавистничество — отрицательно. Безответственность в насилиях — поощряет насилие. Полагаю, что в массе населения антисемитизм очень слаб и только на почве материальных интересов. Переселенцы-хохлы в Тургайской области заявляли переселенческим начальникам о желательности иметь в поселке евреев, как посредников.**»

Так же думает г. Олишевцев из села Казацкого:

«**Мне 65 лет, вся жизненная деятельность моя проходит в Черниговской, Полтавской, Харьковской и Курской губерниях, приблизительно — район, где эти губернии соприкасаются или близко подходят одна к другой, т. е. — где имеют право жить евреи на законном основании или же где живут, пока их не гонят...**»

Если к ним есть какое-то враждебное отношение, то не как к евреям, а как к торговцам, но и к русским торговцам относятся не лучше, чем к евреям, так как торговля у нас поставлена так, как будто это установленное и гарантированное законом плутовство. И так как в этой местности **большинство торговцев — евреи, то оно и кажется чем-то антисемитским.** Если и были против евреев движения, то только благодаря кучке каких-то невидимых... людей, ...но такие погромы можно устроить сегодня — на евреев торговцев, а дальше и вообще на зажиточных людей, будь он барин или мужик...

Пока наше общество будет, в большинстве своем, настолько недеятельно и неразвито, как теперь, до тех пор не то что евреи, но каждый более деятельный народ, будет эксплуатировать нас, русских всех категорий, и мы за это будем их ругать и ненавидеть...»

И снова указывают на то, что — «неукротимая энергия, которой обладает это племя, является необходимым ферментом хозяйственного роста России...»

«Не знаю, откуда явилась эта глупая ненависть к евреям, это презрительное отношение к ним, — пишет человек из Вятки. Когда я незадолго до Рождества был в Сувалкской губернии, в Сувалках, в Вильне, Гродне, мне много пришлось беседовать с поляками, с евреями, и я сознаюсь, что их

взгляды на войну эту часто были благороднее наших. Просто не ожидая ничего лучшего в будущем, дерутся они за отечество, не признающее их. Мои симпатии лично всегда были на стороне евреев, этого забитого, высокохудожественного народа. Высокохудожественного, говорю я, ибо нигде в другом народе не видел я такой поэзии, музыкальности, такого понимания прекрасного. Мне кажется, что русский народ еще не знает хорошо евреев. Он равнодушно проходит мимо него, разобраться в нем, заглянуть ему в душу, присмотреться к нему — ему не приходило в голову. Господа, присмотритесь хорошенько. Представьте себе его тяжелое положение, троньтесь его затаенным отчаянием и тогда неужели вы сможете равнодушно пройти по-прежнему мимо. Вы, носящие название христиан, неужели не раскроется сердце ваше для Бога любви, ужели не протянете руку гнущему брату — такому же человеку, как и вы...»

Вы, вероятно, уже заметили, что я избегаю называть имена корреспондентов и даже не всегда указываю, откуда прислано письмо. Я это делаю из опасения за спокойствие честных людей — они говорят слишком просто, откровенно, очевидно, забывая о том, что в России правду не принято говорить во весь голос.

Вот письмо сестры милосердия:

«Я, сестра милосердия, хочу тоже внести несколько оправдательных слов в защиту евреев. Не потому, что я взяла на себя такое имя, а потому, что я теперь, в эти тяжелые дни для нашего отечества, встретилась с этими людьми и поняла их, убедилась в напрасной вражде к евреям, видя их работу, отношение к делу, к раненым и больным. Зачем их так притесняют?..»

Крестьянин Вологодской губернии, ныне рядовой санитар, пишет из Варшавы:

«Прочитав в газете «Варшавская Мысль» анкету относительно отношения русских к евреям, я не могу умолчать, чтобы не приветствовать такое доброе начинание, и избавить их от неприятностей, которые они теперь испытывают, благодаря всеобщего к ним презрения и недружелюбства. Находясь среди войска, я заключаю такое отношение их якобы низменной изменой и разными сигнализациями, чем и возбуждают острое отношение в войсках. Но они хорошие

труженики, как санитары, так и состоящие на более высоких должностях. Мне, как рыбному торговцу, годами приходится бывать в Норвегии, и сравнивая отношения норвежца к евреям с русскими, есть большая противоположность. По моему, обижать народ за его участие во всех хороших начинаниях, также как и русских, не только не правильно, но и грешно...»

Отмечу, что в группе антисемитов нет ни одного врача; среди протестующих против насилий и гонений на евреев врачей — трое. Вот письмо доктора Савицкого:

«Влияние роста антисемитизма на культурное развитие русского народа несомненно пагубно, ибо искусственно ограничивает участие в культурной работе значительного контингента талантливых и просвещенных евреев...

Столь же пагубным следует признать влияние антисемитизма на хозяйственный рост России, так как процветание торговли и промышленности, представляя одно из существенных условий хозяйственного развития государства не может не страдать от бесправия наиболее предприимчивой части населения, каковой репутацией по справедливости издревле пользуются евреи...»

Иван Иванов из слободы Покровской пишет:

«Решительно нет никакого смысла лишать евреев равноправия, включать их в один из кругов Дантова ада, именуемый «чертой оседлости», да, в сущности, русский народ никогда этого и не требовал. Еще постыднее было нам, русским, переживать разбойничьи еврейские погромы, устраиваемые кучкой разнузданных хулиганов, из тех отбросов общества, с которыми народ не имел ничего общего...»

И снова голос из Ялты убежденно говорит:

«Антисемитизм в России несомненно затормозит духовное развитие русского общества, как явление, порождающее бездну предрассудков, засоряющее человеческое миропонимание. Хозяйственный рост России под влиянием антисемитизма безусловно пострадает. При исключительной интенсивности евреев, русская промышленность не только не разорила бы страну, но обогатила бы ее. Самый факт еврейского бесправия, несомненно, подрывает доверие темных масс к евреям, так как вообще всякий арестованный и

закованный в кандалы заставляет сомневаться в своей честности...»

Федор Трутко говорит:

«В среде интеллигентной антисемитизм распространяется черносотенными газетами»

«Вражда и рознь задерживают развитие...»

«Бесправие евреев питает антисемитизм...»

«Бесправие озлобляет самих евреев...»

«Единственное средство противодействия распространению в России расовой и национальной вражды является образование, просвещение, развитие народа»

«Дайте народу правильно развиваться духовно — и вражда не будет существовать. Сужу по себе — я прежде презирал евреев...»

А некто Федоров советует:

«Издание беспристрастных правдивых брошюр о различных национальностях, да поменьше вызывающих недовольство и возбуждающих умы Струве, Меньшиковых и им подобных...»

Полагаю, что я сообщил вам документы, достаточно убедительные. — Быть может — я привел их слишком много, но это еще не все, и я прошу вас выслушать несколько заявлений иного тона.

Рабочий Дмитрий из Лозовой:

«Прочитав в газетах, что г-да Андреев, Горький и Сологуб собираются выпустить книгу об антисемитизме в России, то я присоединяюсь к общественному голосу и как рабочий, скажу несколько слов — как я думаю об антисемитизме вообще. Хотя теперь, когда все общественные слои сгруппировались вокруг войны, когда глаза всей Европы обращены на Варшаву, Эльзас и Лотарингию, и тогда — приходится говорить об антисемитизме. И где ж? В России, где сердца еврейского народа бьются в унисон с сердцами русского народа, теперь приходится анализировать отношение русского общества к евреям. Мне кажется, что это равносильно тому, чтобы спросить это общество — когда оно устроит еврейский погром. Этого не нужно спрашивать у русского общества, ибо, насколько мне известно, здесь русское общество не при чем. А надо спросить тех

подпольных и прямых погромщиков, которые устраивали погромы...»

Евгений Селезнев из Харькова — очень оригинальный человек, у него развито чувство личной ответственности за грехи своей страны, — это чувство крайне редко встречается среди русских людей:

«Говорят, что антисемитизм распространяется под влиянием Запада. Это неправда, это значит — омыть руки и свалить вину на других. Знайте, что мы также виноваты, не менее Запада, в развитии ненависти и вражды к «жидам», которая и называется антисемитизмом. Ведь мы разумные существа, знаем, что делаем: быть соучастником преступления, а потом омыть руки и показать другим, что они виноваты, а самим притворяться овечками, которых-де натолкнул на преступление пастух-Запад. Как это низко так поступать...»

Кто-то резко кричит:

«Бороться нужно не за еврейское равноправие, а за русского мужика, чтобы он был умен, как еврей, и не напивался до бешеного зверя, не изрыгал путь сквернословия, был трудолюбив, не чесал пуза, не надеялся на авось...»

Я закончу мой утомительный доклад письмом Мишутина и Губарева из Харькова:

«Глубокоуважаемые писатели, если вы желаете знать, что думает о евреях всякий честный и разумный человек, то задайте ему такие вопросы, на которые он мог бы ответить, руководствуясь не мертвым знанием, а тем, что подсказывает ему его ум и его душа. На такие вопросы вы получите массу ответов и будете обладать солидным материалом документов, который покажет, что думают и чувствуют все честные и разумные русские люди...

Первое свое обращение вы оставьте для ученых людей, а для честных и разумных напечатайте другое...»

Это очень умное и дельное предложение, как я думаю.

Если бы мы могли принять его, мы могли бы поставить опыт самопознания в широких размерах и, несомненно, результаты опыта были бы крайне поучительны для нас.

Я не говорю о политической ценности материала, который дал бы этот опыт.

Кончаю мой доклад словами тех же Губарева и Мишутина:

«Нельзя не преклониться перед стоицизмом евреев, которые, проходя сквозь горнило тяжких испытаний, сумели на протяжении десятков веков сохранить себя...»

Да, они сумели сохранить в себе великое мужество мудрецов, и вот одно из доказательств этому.

В день, когда я начал работать над этим докладом, ко мне явился еврей-философ и заговорил о поисках духа своего в области гносеологии.

Я был занят, раздражен, я встретил его сухо и сказал, что в эти мрачные дни эмоциональной бури, в эти дни кровавого безумия, у меня нет интереса к вопросам философии.

Он ушел.

И через два дня я получил от него письмо, в котором он, сообщая, что его семейство осталось без крова, сам он — беженец и глубоко чувствует трагедию своего народа, говорит:

«Но есть что-то повыше еврейского вопроса. И это не сказано зря, я кладу руку на мое еврейское наболевшее сердце и говорю: вопрос верности или ложности науки важнее тысячи еврейских вопросов...»

И со слезами, тихо шепчу — прости мене, мой любимый, страдальческий народ...»

В этих словах звучит мужество народа-философа, народа, который принес бедной планете нашей так много даров своего бессмертного духа, народа, убежденного в том, что истина есть добро, а добро творит только разум человека.

Невольно вспоминаешь, что Спиноза подарил миру свои великие книги после погрома во Франкфурте, и сердце наполняется уважением к людям которые умеют любить мир, умеют служить ему.

(Публикацию подготовила Т. Едлина)

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Андрей Тарковский

Я НИКОГДА НЕ СТРЕМИЛСЯ БЫТЬ АКТУАЛЬНЫМ

В конце прошлого года писатель Игорь Померанцев встретился в Лондоне с известным кинорежиссером Андреем Тарковским и взял у него интервью*.

И. Померанцев: Около месяца назад в Милане известный советский кинорежиссер Андрей Тарковский созвал пресс-конференцию, чтобы заявить о своем решении остаться на Западе. Он рассказал собравшимся корреспондентам, что за 24 года работы в кинематографе поставил всего шесть картин, что власти всячески препятствовали его работе, что фильмы его с трудом находили дорогу на экран в Советском Союзе. Решение не возвращаться на родину для режиссера тем более трудное, что дома остались его 13-летний сын и 80-летняя теща.

А. Тарковский: Я сделаю, что возможно, что в моих силах, для того чтобы как можно быстрее увидеть своих здесь на Западе. Уж не говоря о том, что существуют советские законы, международные законы о воссоединении семей. И я думаю, что в этом случае проблема настолько проста, что не будет каких-то особенных сложностей. Хотя, даже если они будут, я сделаю все, чтобы добиться в этом отношении результатов каких-то.

И. Померанцев: В ближайшее время Андрей Тарковский намерен приступить в Швеции к съемкам нового фильма. — «Моя

* Запись беседы сделана для радио Би-Би-Си.

будущая картина, — сказал режиссер, — о человеке, пожертвовавшем своей судьбой для того, чтобы спасти других людей?» Это будет его первый несоветский фильм.

Андрей Арсеньевич, Ваши фильмы, как правило, адресованы конкретному кинозрителю — Вашим соотечественникам. Фильм — не книга: не прочтешь тайком на кухне, не дашь почитать другу. Не страшно ли Вам потерять аудиторию соотечественников?

А. Тарковский: С одной стороны, нет сомнения в том, что я теряю советского зрителя, русского зрителя — зрителя, для которого я работал больше двадцати лет в кино. И для меня это драма. Это естественно. Но с другой стороны, во-первых, появляется все-таки кассетное кино. Кассетные фильмы (длинные даже) — они помещаются в не очень большой кассете. В принципе, привезти кассету за границу так же просто, как привезти книгу за границу — никаких проблем нет. Т.е. это не значит, что миллионы зрителей русских смогут посмотреть мои будущие картины. Ясно, что это невозможно. Это нельзя преодолеть, видимо. С другой стороны, я уверен, что в Москве мне бы уже не удалось сделать ничего. Потому что мне бы не позволили делать фильм, который я хотел делать и делал до этого. И если мне в течение 20 лет удалось сделать только 5 картин в Москве, имея дипломатические отношения с моим руководством кинематографическим, то теперь, после скандала в Канне, после того, как вылезло на свет истинное отношение кинематографического руководства ко мне, мне было ясно, что не удастся сделать ничего. В принципе «Ностальгия», которая была такой переходной работой, этапом что-ли, была последней картиной, которую я сделал для советских зрителей. Определенным образом потому, что в контракт входило: прокат картины в Москве и в Советском Союзе и в странах социалистических. Пока не слышал, чтобы картина вышла на экран, и боюсь, что этого не произойдет.

И. Померанцев: Ваши фильмы, Андрей Арсеньевич, трудно соотнести с направлениями, тенденциями в советском кинематографе. Т.е., со стороны, художник их создавший — это яркая индивидуальность. Иначе говоря, в Вашу партию как бы вступить нельзя, потому что Вы сами —

единственный член этой партии. А есть ли у Вас лично чувство принадлежности, ну скажем, к поколению, условно говоря, к поколению XX съезда (это хронологически)? Или чувство принадлежности к определенной кинематографической школе?

А. Тарковский: Нет сомнений в том, что, если бы не было этой знаменитой хрущевской оттепели, вряд ли можно было бы рассчитывать на какую-то карьеру, которая состоялась бы у меня. Я, конечно, попал в удачное время — в смысле начала своей работы. Очень удачное. Что касается партий — художник не должен принадлежать ни к каким партиям. В том-то и смысл творчества, что художник высказывает свою личную, индивидуальную, я бы сказал — персональную, точку зрения. Потому что творчество выражает наиболее ярко, как никакое из явлений или феноменов, то, что мы называем смыслом личности — его наполнение, его содержание. Мне кажется, Достоевский был прав, когда говорил о том, что он не принадлежит, к счастью, ни к каким направлениям. Искусство, связанное с каким бы то ни было направлением, в каком-то смысле ущербно. Поэтому, конечно, формально я принадлежу к поколению XX съезда, и совершенно естественно, что я стремился и стремлюсь оставаться всегда самим собой.

И. Померанцев: Я слушал недавно одну из последних записей Владимира Высоцкого. Вот там он, говоря об атмосфере 60-х годов, называет своих друзей и собеседников, благодаря которым и была создана эта вот атмосфера, скажем, тепла и напряженности, или поисков. И среди своих собеседников он называет Шпаликова, Шукшина, Вас. А насколько Вам помнится это время и атмосфера этих 60-х годов?

А. Тарковский: Я очень хорошо помню это время. Мы были полны надежд. Всех нас объединяло какое-то неудержимое желание высказаться как можно скорее, и более того — ощущение, что это возможно. Правда, похмелье после этого пира наступило довольно быстро. Я помню, после того как вышла моя картина — первая, сделанная в 62-м году, «Иваново детство», — помню она уже

оценивалась руководством, чиновниками-кинематографистами, как картина пацифистская, т.е. с отрицательным знаком, потому что, как Вы знаете, по нашим понятиям, войны бывают справедливые и несправедливые. Т.е. раскольниковская концепция, что убить можно, если это справедливо, и убивать нельзя, если несправедливо. На расстоянии особенно становится явным, насколько это лицемерная и фальшивая точка зрения. Поэтому я очень быстро почувствовал это похолодание после оттепели. И уже вторая картина, которую я сделал — начал делать в 64-м и кончил в 66-м году, «Рублев», — уже ее история ярко показывает этот переходный период. Я помню коллегия Комитета по кинематографии, где присутствовало очень много наших кинематографических деятелей. Все они очень-очень хвалили картину, очень неожиданно для меня, потому что я еще сам не понимал, что получилось. И это меня очень поддержало. Я был очень благодарен моим коллегам, и для меня было очень много неожиданностей в тех комплиментах, которые они мне расточали. И я даже стыдился своих мыслей, когда вспоминал о том, как мне казалось, что многие недоброжелательны ко мне. И это как-то очень-очень на меня хорошо подействовало, эта коллегия. Но, тем не менее, тут же после этого картина была положена на полку (такой есть термин кинематографический — очень распространенный у нас), спрятана и не выходила на экран пять с половиной лет. Постольку, поскольку она была названа антиисторической. Хотя это совершенная неправда — мы старались быть в высшей степени точными по отношению к историческим фактам (ректор Московского университета хотел приобрести две копии фильма для исторического факультета МГУ). А с другой стороны, ее называли антирусской. И в-третьих, что она была сделана по западным образцам. В том смысле, что концепция главного героя очень индивидуальна. Т.е. он слишком индивидуалист и слишком противопоставляет себя жизни — для того, чтобы быть русским художником. Хотя это абсолютная неправда. Он не мог себя не противопоставлять, потому что он был монахом, Андрей Рублев. И вся его жизнь была противопоставлением мирскому существованию. В этом-то все и дело. И этот для меня этап был как раз очень тяжелым — время XX съезда

кончилось и наступают тяжелые дни.

И. Померанцев: При этом Вы говорите об атмосфере оттепели, затем об атмосфере похмелья. Кстати, вот эта атмосфера — ее можно увидеть, ее можно разглядеть во многих советских произведениях той поры. Я сейчас не говорю, со знаком *плюс* или со знаком *минус*. В Ваших фильмах, даже самых ранних, не ощущается совершенно та атмосфера весны, оттепели.

А. Тарковский: Видите ли, дело в том, что я никогда не делал картины на злобу дня. Кое-кто считает, например, что мои картины, в частности «Рублев», сделаны с позиции человека, который хочет критиковать советскую власть, ну и делает это таким эзоповым языком — рассказывает какую-то историю четырнадцатого века о жизни иконописца. Сразу должен сказать, что я отмечаю совершенно это объяснение моей картины. Потому что, во-первых, никогда не стремился быть актуальным, говорить о каких-то вещах, которые вокруг меня происходят. С другой стороны, я бы никогда не посмел русскую историю использовать таким образом. Хотя должен сказать, что художник имеет право обращаться с материалом, даже историческим, как ему вздумается, на мой взгляд. Нужна концепция, которую он высказывает. Вот меня интересовали другие вещи. Меня интересовали общие проблемы человека, его существования, многие даже какие-то философские аспекты. Поэтому меня всегда раздражали в искусстве эти намеки, какие-то попытки быть на гребне того, что происходит сию минуту. Хотя я должен сказать, что это вовсе не значит, что кто-то не может сделать свое искусство именно таким актуальным, которое реагирует мгновенно на то, что происходит вокруг него сейчас.

И. Померанцев: Детство и отрочество художника, как правило, *post factum* укладываются в контекст его жизни. Как сказалась или сказывалась атмосфера Вашей семьи на Вас? Как Вам жилось в тени отца — тонкого лирика русской поэзии? Писали ли Вы сами стихи?

А. Тарковский: Ну, кто не писал стихов в юности? Все писали стихи, но не настолько, чтобы их можно было

показывать кому-то. Ясно, что детство... Художник питается своим детством всю свою жизнь. От того, какое его детство, зависит то, каким будет его творчество. Для меня играло, конечно, огромную роль то, что мой отец — поэт, и на меня оказали огромное влияние его поэзия и его взгляды на русскую литературу, искусство. Хотя должен сказать, что на меня гораздо большее влияние оказала мать — Мария Ивановна Вишнякова. После того, как отец ушел из нашей семьи. Мне было тогда три года. Несмотря на то, что мы, конечно, сохраняли наши отношения — мы с ним или он с нами, потому что я был еще ребенком совсем. Жизнь была настолько тяжелой. Вскорости началась война, и эта тяжесть легла на плечи моей матери, естественно, которая, будучи совершенно неприспособленной к жизни, спасла не только нам жизнь, нам с сестрой, и жизнь своей матери, нашей бабушки Веры Николаевны, но также и вообще сделала все, чтобы мы получили образование. Я кончил среднюю музыкальную школу по классу рояля, школу живописи, и сейчас я совершенно не понимаю, каким образом мать могла достичь этого. Потому что условий никаких для этого не было. И когда меня все спрашивают — как правило, рифмуя мою творческую биографию с биографией моего отца, — я всегда стараюсь все поставить на свои места вот таким образом: если бы не моя мать, конечно же, я никогда бы не смог быть режиссером. Хотя я не уверен, что я должен был им стать. У меня такое впечатление, что я был очень не прав, когда не стал продолжать свое музыкальное образование. В общем-то я очень жалею, что я не музыкант.

И. Померанцев: В Ваших фильмах очень сильное, как мне кажется, вербальное начало. Вы совершенно не боитесь, чтобы Ваши герои подолгу разговаривали на экране. Причем разговоры могут быть сложные, философские, духовные. Порой они даже вещают. Между тем, лично мне кажется, что слово не лучший кинематографический материал. Вы не согласны?

А. Тарковский: Ну, во-первых, мне очень странно слышать вот такое мнение по поводу моих фильмов. Я очень часто как раз слышал обратное — что в моих фильмах слово не имеет значения, что оно не является той частью фильма,

которую можно назвать основательной, значительной. Вообще, видимо, и Вы и те правы.

И. Померанцев: Например, в «Солярисе», я думаю, вербальное начало просто создает фильм. Т.е., если вспоминаешь этот фильм, вспоминаешь скорее, для меня по крайней мере, не визуальное, а именно словесное, языковое. В других фильмах, я думаю, эта пропорция умеренная. Скажем, в «Ивановом детстве» изобразительное сильнее вербального.

А. Тарковский: Видите ли, слово является для меня как кинематографиста таким же материалом, как все остальное. Мы воспринимаем фильм посредством слуха и при помощи зрения. Поэтому я не считаю, что кино должно быть в меньшей степени основано на слове, а в большей — на изображении, или наоборот. Это не имеет значения. Что же касается вообще слова, то, несмотря на некоторые, может быть, очень серьезные высказывания героев, я отношусь к этим словам и высказываниям скорее как к подчеркивающим и выражающим характер персонажей, а не как к выражающим авторскую точку зрения. Ну, мне может нравиться, я могу сочувствовать персонажу своему каким-то образом, т.е. быть согласным с тем, что он говорит, но сказать, что он высказывает мою точку зрения, я не могу. Потому что он высказывает действительно мою точку зрения в какой-то фразе или в двух фразах, или в каком-то монологе, но и только. Дальше он начинает говорить и действовать совершенно иначе. Дело в том, что искусство вообще выражается не при помощи слов, кино — тем более, а при помощи чувств, которые автор вкладывает в свои произведения. Я отношусь к словам, вообще-то, как к шуму, который производит человек. Я бы не делал такого специального акцента на вербальности моих фильмов. Может, в «Солярисе» действительно больше чем в других, но и в «Сталкере» тоже это есть. Но опять-таки не для того, чтобы при помощи этих слов зритель понимал, о чем я хочу сделать картину.

И. Померанцев: В Ваших фильмах, как правило, очень выразительно снята физическая боль. Я бы даже рискнул

сказать: снята со вкусом. Иногда Ваш талант называют жестоким, даже садистическим. Есть хоть доля истины в таком утверждении?

А. Тарковский: Не знаю, пока что Вы первый, кто меня так определил. Есть только один фильм, о котором можно это говорить. Это «Андрей Рублев». Но в этом фильме рассказывается об очень страшном времени. Или грубо говоря, если бы мы поставили цель не только правдиво, но и в каких-то правдивых пропорциях рассказать об этих обстоятельствах, нам бы пришлось гораздо больше этих сцен жестоких употребить и обстоятельств вспомнить. Потому что, если мы будем говорить о том времени, то должен Вам сказать, что со страниц этого исторического отрезка буквально капает кровь. Жуткое было время.

Я не считаю этот упрек справедливым.

И. Померанцев: К примеру, в Вашем последнем фильме «Ностальгия» есть сцена, где Ваш герой-итальянец сгорает, сжигает сам себя. По-моему, она замечательно снята, и в общем-то парадоксально: это настолько талантливо, что испытываешь счастье зрителя.

А. Тарковский: Понимаете, просто зафиксировать какой-то момент насилия или момент страдания нельзя. Т. е. можно, но не следует. Потому что это будет актом безнравственным. Художник его должен преодолеть в каком-то смысле — в духовном смысле. Для того, чтобы уже в очищенном виде продемонстрировать зрителю. Как результат страданий не столько персонажа, как своего собственного. И если это удастся, то зритель имеет право питаться этой пищей (в эстетическом смысле). Ежели нет, если это только фиксация, то мне кажется, что это выходит за пределы искусства, и тут уже не идет разговор на эстетическом уровне.

И. Померанцев: Вы говорите о нравственном начале. По-Вашему, нравственное начало отделимо от собственно таланта художника?

А. Тарковский: Ну, я присоединяюсь к Пушкину, который сказал, что злодейство и гений несовместимы.

Необходима какая-то нравственная позиция, которая делает талантливого человека художником. Т. е. в этом отношении соотношение между какой-то нравственной позицией художника и его одаренностью безусловно существует. Это процесс очень длительный и не всегда такой гладкий и гармоничный. Иногда это очень драматический и противоречивый процесс.

И. Померанцев: За 20 лет Вашей работы в кинематографе, мне кажется, можно проследить некую стилистическую эволюцию. Своего рода путь, так по крайней мере мне кажется, от метафоры к метонимии в Ваших фильмах. От избыточности к аскетизму. Для художника стиль — это мировоззрение. Насколько, с Вашей точки зрения, в Вашем стиле, т. е. мировоззрении, происходила эволюция?

А. Тарковский: Я думаю, что Вы правы, когда говорите о такого рода изменении. Мне всегда казалось, что простота — это то, к чему художник должен стремиться, поскольку сам принцип художественного образа строится на том, что мы при помощи конечного выражаем идеи абсолютного или при помощи какого-то очень ограниченного в материальном смысле явления выражаем какую-то неограниченную проблему бесконечности. Т. е. именно поэтому я и стремлюсь к какой-то простоте и аскетизму, хотя не думаю, чтобы концепция, когда-то в общем до конца выраженная в произведениях у художника, каким-то образом помогла художнику. Часто бывало, что художники, отстаивая какой-то принцип, сами его разрушали в своих произведениях, и в этих случаях возникали очень интересные внутренние конфликты, получающие выражение не только эмоциональное и философское, эстетическое, но также и выражение формальное. Т. е. художник приобретал какие-то новые свойства. Говоря прямо, произошел какой-то протест против своей собственной концепции. Как бы авторское какое-то саморазрушение. Вот человек создавал эту конструкцию своего кредо эстетического и вдруг все разрушал одним движением или какой-то деталью, или каким-то эпизодом в своей работе. И это, мне кажется, тоже каким-то образом выражает и подчеркивает смысл творче-

ства в конечном счете, т. е. невозможность подчиниться умозрительной концепции. Я надеялся бы на то, хотел бы думать, что сфера моей деятельности — это духовная сфера, а не, скажем, какая-то профессиональная. Ну скажем, я работаю в кино. Я не отношу себя к режиссерам, которые бы очень гордились коммерческим успехом. Т. е. мне было бы, может быть, очень приятно и выгодно, чтобы мои картины были чрезвычайно коммерческими, но с другой стороны, я должен Вам сказать, что я бы очень усомнился в свойствах и достоинствах своего фильма, если бы он был тотально коммерческим.

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 3 *Владимир Малинкович*. О лозунгах и реальности.
- 25 *Роман Сольчанык*. Нерусские языки в Советском Союзе — для поэзии и мемуаров?
- 31 *Вальдо Рандпере*. Никогда не чувствовал себя свободным. (Интервью).
- 37 *Сергей Максудов*. Украинская национальная проблема в старом Гарвардском проекте.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 45 *Юрий Бадзьо*. Обращаю Ваше внимание. (Самиздат).
- 51 *Татьяна Зуншайн*. О содержании в следственном изоляторе МВД Латвийской ССР. (Самиздат).

СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА

- 57 *Михаил Герман*. Китайский НЭП.
- 71 *Дэн Сяопин*. Выступление на III пленуме ЦКС КПК.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 82 *Эллиот Эйбрамс*. Мы вправе требовать от советского правительства уважения к правам человека. (Интервью).
- 96 *Мыкола Мовчан*. Нас послали туда убивать. (Интервью).

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 103 *Кари Розен*. Создать систему, которая работала бы на всех.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 111 *Ян Юзеф Липский*. Насилию можно сопротивляться. (Интервью).

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

- 115 *Владимир Нагирный*. Александр Зиновьев как советский человек: критик Сталина или апологет сталинизма.
- 142 *Петр Самородницкий*. Брань за правду.

ИСТОРИЯ

- 184 *Т. Едлина*. Анкета по вопросу об антисемитизме.
- 188 *Максим Горький*. По поводу одной анкеты.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 227 *Андрей Тарковский*. Я никогда не стремился быть актуальным. (*Интервью*).

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунт.

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

Годовая подписка:

10 фунт.

50 н. м.

25 ам. долл.

135 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

**Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum»**

**Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadeplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010**

**Postscheckkonto PSchA München
Kto Nr. 22278-809.**

Представители «Форума»

в Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W 9

в Израиле Израиль Клейнер
Dr. Israel Kleiner
Gilo 105/54
Jerusalem

